

Российская
академия наук

Институт
славяноведения

Исследования по славянской диалектологии

11

Л.Э. Кааньинь
Синтагматика сонантов
в славянских диалектах

Российская академия наук
Институт славяноведения РАН

Исследования
по славянской диалектологии

11

Л.Э. Калнынь

**Синтагматика сонантов
в славянских диалектах**

Москва
2005

Редколлегия издания «Исследования по славянской диалектологии»:

д.ф.н. Л.Э. Калнынь

к.ф.н. М.И. Ермакова

к.ф.н. Г.П. Клепикова

Ответственный редактор выпуска:

д.ф.н. А.Ф. Журавлев

Рецензенты: *д.ф.н.* Т.В. Попова

к.ф.н. М.И. Ермакова

Л.Э. Калнынь. Синтагматика сонантов в славянских диалектах

Монография посвящена анализу правил включения сонорных согласных в звуковую последовательность в современных славянских диалектах. Образуя по преимуществу одночленные классы, сонанты весьма индивидуализированы в своем синтагматическом поведении. Изменения сонантов имеют типологическую значимость, так как эксплицируют повышение/понижение признака сонорности (голосности) в фонетике идиома. Возможна ситуация, когда в разных славянских регионах внешне сходные фонетические факты являются знаками противоположного отношения к указанному признаку.

L.E. Kalnyn. Syntagmatics of Sonants in Slavic Dialects

This monographic research deals with the rules of sonants' inclusion into the sound continuity of contemporary Slavic dialects. Sonants predominantly form onemember classes and are quite individualized in their syntagmatic behavior. Changes in sonants have typological meaning as they explicate growth/decrease of the vocalic feature parameter in the phonetics of the idiom. It is possible, that in some situations in various Slavic regions seemingly similar phonetic events are in reality sings of contrary relation to the above-mentioned feature.

ISBN 5-7576-0178-7

Введение

1.1.

Специфика класса сонорных согласных

Согласные объединяются в класс сонорных на основе общих свойств артикуляции и синтагматического поведения. Специфика артикуляции состоит в том, что эти согласные «со ртовым затвором соединяют образование отверстия, достаточного для прохода выдыхательного тока без явного трения, т. е. отверстия степени открытой (носовое, боковое, серединно-ртовое)» – именно такой тип отверстия «сближает сонорные с гласными, с которыми они между прочим и разделяют голосность (звонкость) как нормальный признак. Но затворная часть артикуляции сближает их с согласными». Затвор создает «характерный шум», чем и определяется акустическое впечатление от сонорных как от согласных [Брок: 12, 14]. Более лаконично артикуляционная специфика сонорных определяется в терминологических словарях. Ср. – это звуки, «содержащие одновременно и ротовой резонанс, свойственный гласному, и шум выдыхания, свойственный согласному» [Марузо: 290]; «согласный звук, в образовании которого голос играет главную роль, а шум либо отсутствует, либо участвует в минимальной степени» [Ахманова: 441]; «воздух свободно проходит через имеющееся в полости носа и рта отверстие, несмотря на возникающие в полости рта преграды» [Русский язык: 320].

В литературе имеется указание на специфическую артикуляцию назальных сонантов в некоторых славянских диалектах. Это проявляется в том, что в артикуляцию назальных включается смычный элемент того же ряда, что и назальный. Описание такой артикуляции в русском говоре дано в [Щигель: 122] с иллюстрациями из записей диалектных текстов из Рязанской обл. – *дóм^ба*, *м^бóжно*, *прям^б*, *м^бы*, *пом^брётъ*, *разн^бопутье*, *и^баваріла*; как отмечает автор, следствием диффузности артикуляции является произношение на месте *м* звука «похожего одновременно на *м* и на *б*», а на месте *н* «звука среднего между *д* и *н*»; ассоциация *б* с *м*-призвуком отражена в произношении *б^мыли*, *шуб^мники*, *спасіб^мо*.

Сходное явление отмечено в хорватском говоре [FO № 44a], где развитие *б* после инициального *т* квалифицируется как появление нового сочетания согласных, в котором назальный никогда не получает слоговости – *м^бri:ž^б*, *м^бrà:v*, *mb'lijam* (=meljcm), *м^бlà:d*, *м^бlī:k* (=mljeko); как можно заметить, здесь,

в отличие от русских говоров, губная смычная артикуляция при *m* появляется только перед сонорным согласным (не перед гласным и паузой). В этом же говоре отмечено произношение вставного смычного согласного в *n'donola* (=lasica).

Как вставной согласный между двумя сонорными оценивается губной взрывной в македонских примерах *мбравје*, *мбрамор*, *умбри* (= умри), *мблат* (= млат) [Видоески 1998: 111].

Синтагматической особенностью сонорных согласных является то, что перед ними допустимо различие по участию голоса шумных согласных. Частным отклонением от этого принципа является тот тип сандхи, при котором на стыке слов перед сонантом и перед гласным, допустимы только звонкие шумные согласные. Специфика синтагматического поведения может определять статус согласного как сочетающего свойства класса шумных и класса сонантов. Это относится к *v*, *w* [Орлова; Toporišič; Sawicka]. Иногда губные спиранты не включаются в перечень сонорных согласных (так в [Русский язык: 329]). Кроме того, высказывается мнение, что спирантная артикуляция, свойственная *j*, не может быть присуща сонорному согласному [Кузнецов/Мейе: 425]. Однако синтагматика этих согласных соответствует статусу сонорных согласных.

Записывая промежуточное положение на шкале различий между гласными и шумными согласными, сонанты по своей функции могут попадать в сферу вокальности. Слоговые плавные *r*, *l* как компоненты вокального инвентаря представлены в части южно- и западнославянских диалектов. Слоговость может выступать и как позиционно обусловленное качество. Так, в словенских диалектах в результате утраты безударного гласного носителями слога становятся соседние сонанты – не только плавные, но и носовые [FO №№ 4–6, 11]. В южнорусском говоре отмечено произношение слоговых плавных в позиции между согласным и паузой, т. е. *в'енр'*, *рубл'*, *лавр* – явление речевого, но не фонематического уровня [Калнынь, Масленникова: 66].

В применении к русскому языку знаком принадлежности к сонантам предлагается считать отношение согласного к слогоразделу – в интервокальных консонантных сочетаниях, начинающихся на сонорный, этот последний находится перед слогоразделом [Аванесов, Сидоров: 60]. Однако это правило не безусловно – в русских говорах, в которых преобладает деление на открытые слоги, в начале слога, находящегося в середине слова, фиксируются сочетания *мв*, *мс*, *нб*, *нв*, *пш*, *пж*, *л'с*, *л'д* и др. [Калнынь, Масленникова: 60, 88, 94]. Но *j* и *w* всегда находятся перед слогоразделом.

1.2. Некоторые аспекты изучения сонорных согласных в славянских диалектах и задачи исследования

В изучении фонетики славянских языков сонанты занимают особое положение. Качеству этих звуков, их позиционному поведению уделяется тем больше внимания, чем более древней является та эпоха, языковой материал которой анализируется или реконструируется. И, наоборот, при изучении поздних периодов истории славянских языков/диалектов сонорные согласные пользуются меньшим вниманием.

Такое положение вещей имеет свои причины. В праславянской фонетике сонанты занимали важное место, что проявлялось как в их количестве, так и в исполняемой ими функции. Сонорные согласные различались не только по месту и способу образования в рамках основной смычно-проходной артикуляции, но и по долготе/краткости, по наличию/отсутствию слоговости. С учетом этого, А.А.Шахматов для позднего праславянского периода реконструирует 19 типов сонантов – [r – r̄ – r̄ – r̄], [l – l̄ – l̄ – l̄], [n – n̄ – n̄ – n̄], [m – m̄ – m̄] (точка в экспоненции обозначает поумяккость) [Шахматов: 32-33]. Сонанты наподобие гласных могли различаться по ряду. Пример оппозиции [задний ~ передний вибрانت] дают праформы *gr₁dlo (горло) – *gr₂dlo (жерло) [Бернштейн: 135]. В [Мейе: 32] в состав праславянских сонорных согласных включены спиранты *j* и *w*.

Многообразие функций праславянских сонантов выражалось в том, что они «в зависимости от положения служили согласными, гласными или вторыми частями дифтонгов» [Мейе: 30].

Праславянские сонанты в пределах слова сочетались с последующими гласными. Отсутствовали сочетания двух сонорных (V_{Son}Son) и сонорных с шумными согласными (V_{Son}C), так как в этих случаях сонант вместе с предшествующим гласным образовывал дифтонг, имевший свое развитие (между первым сонантом и последующим согласным проходила слоговая граница). Праславянские сочетания шумных согласных с сонорными (#C_{Son}, VC_{Son})

достаточно многочисленны и устойчивы, в чем видится аналогия с сочетаниями типа #CV, VCV [Мейе: 109].

Сочетания сонантов с гласными в определенных позициях сыграли центральную роль в процессах, связанных с тенденцией строить звуковую последовательность по принципу открытых слогов. Эти явления относятся к числу тех, которые занимают центральное место в сравнительно-историческом изучении славянской фонетики.

После падения редуцированных инвентарь сонорных согласных не претерпел принципиальных изменений. Различие между славянскими языками/диалектами в основном сводится к наличию/отсутствию слоговых сонантов. В то же время сложилась принципиально иная, в сравнении с праславянским периодом, картина синтагматики сонантов, не включенных в состав вокализма. Изменилось само пространство синтагматически обусловленных перемен. В сегментах типа SonV никаких новшеств, кроме уподобления по высоте тона, не происходило. Но актуализировались изменения в консонантных сочетаниях, содержащих сонорный согласный, а на конце слова в сочетаниях типа CSon#.

Падение редуцированных обусловило увеличение количества консонантных сочетаний, в том числе и содержащих сонорный согласный. Появились ранее отсутствующие сочетания сонанта с шумным согласным (SonC), а также сочетания двух сонантов (SonSon). Состав консонантных групп, содержащих сонант, расширялся за счет распространения иноязычных по своему происхождению слов, топонимов, имен собственных.

Во вновь возникших сочетаниях согласные подвергались изменениям, составлявшим особенность конкретных фонетических систем. Особенно наглядно это проявляется в фонетике диалектов, т.е. в некодифицированных формах языка, где фонетические процессы, как фонологически обусловленные, так и антропофонического характера, находятся в естественном развитии. Между тем, при изучении фонетики отдельных славянских языков/диалектов синтагматика сонантов нередко оказывается на периферии внимания. Причиной этого отчасти являются особенности структуры славянского консонантизма в том его виде, в каком он сложился после падения редуцированных гласных.

Большую часть консонантного инвентаря образуют шумные согласные. Во всех языках они делятся на соотносительные классы глухих и звонких согласных. В аспекте синтагматики с одним из этих классов идентифицируются и те шумные согласные, которые находятся вне такой соотносительности. Корреляция твердости-мягкости там, где она есть, является другим критерием группировки согласных в большие классы. В этом случае в классификацию

включаются не только шумные, но и сонорные согласные. Непарные по высоте тона согласные по своей артикуляции могут быть отождествлены с твердыми или мягкими согласными. Кроме этих больших классов, шумные согласные группируются в меньшие объединения по способу и месту образования.

Сонорные согласные после падения редуцированных во всех славянских языках/диалектах образуют ограниченный по составу и специфический по своей организации класс.

К числу собственно сонорных принято относить согласные смычно-проходного образования – назальные (*n*, *m*), латеральный (*l*), переднеязычный вибрант (*r*). Если эти согласные имеют мягкие пары, то, соответственно, их становится восемь. Как по своей этимологии, так и по синтагматике, к сонантам относятся спиранты *j* и отчасти *v/w* (губной спирант может манифестироваться и как шумный согласный). Легко заметить, что сонорные согласные образуют практически одночленные классы. Следствием этого является синтагматическое поведение, характерное именно для одного согласного (возможно, двух при корреляции твердости-мягкости). Этим эксплицируются правила, которые трудно обобщить, распространив их на более широкий корпус звуков. Традиция же фонетического описания того или иного идиома ориентирует на объединение гласных или согласных звуков в более или менее определенные блоки. Надо также иметь в виду, что многие сочетания, содержащие сонант, текстуально редки и вероятность их появления в спонтанной речи невысока. Поэтому без специального внимания к этому фрагменту фонетики многие факты оказываются не зафиксированными.

Сочетания типа SonC (сонант + шумный согласный), возникшие после падения редуцированных гласных, довольно однообразны по своему составу. Их появление в большой степени зависит от фонетики формальных морфем – это стык корня, оканчивающегося на сонорный согласный, и суффикса, начинающегося на шумный согласный. Как известно, фонетическое разнообразие суффиксов представлено достаточно ограничено. Отношение фонетической системы к допустимости ~ запрещенности сочетаний типа SonC хорошо демонстрирует фонетика иноязычных по происхождению слов. Однако традиционно в фонетических описаниях к таким словам относятся с недоверием, выводя их за пределы фонетических доказательств.

Перечисленные факторы обусловили недостаток внимания к синтагматике сонантов при изучении фонетики отдельных славянских языков/диалектов. Консонантные сочетания, содержащие сонорные согласные, подвергаются в славянских диалектах разнообразным изменениям вследствие ассимиляции или диссимиляции рядом стоящих согласных. Изменения могут иметь как регрессивную, так и прогрессивную направленность. Эти факты

иногда выносятся на периферию фонетических описаний и перечисляются списком. Между тем они нуждаются в каталогизации и сопоставлении с целью выявления тех правил, которые регулируют позиционное поведение сонантов в отдельных славянских диалектах. Можно полагать, что этот раздел фонетики входит в состав диалектных различий, актуальных в современном славянском диалектном континууме. В этой связи можно напомнить, что Р.И. Аванесов среди типологических обобщений, которые можно сделать на основе Общеславянского лингвистического атласа, назвал и «место сонантов в фонологической системе славянских диалектов» [ОЛА. Вступительный выпуск: 33].

Синтагматика сонантов является важным показателем уровня использования в фонетике идиома признака вокальности / консонантности – чем насыщеннее звуковая цепь сонантами или гласными на месте сонантов, тем выше вокализованность фонетического строя идиома и, наоборот, замена сонантов шумными согласными или их утрата сигнализируют повышение значимости признака консонантности в синтагматическом плане. Ср. учет этого обстоятельства в фонологической классификации славянских языков, предложенной в [Исаченко].

Предлагаемое исследование имеет своей целью дать представление о синтагматике сонантов в славянских диалектах в той мере, в какой позволяет это сделать материал имеющихся в настоящее время диалектологических описаний и диалектологических атласов. В сферу синтагматики сонантов включаются не только позиционные изменения самих сонорных согласных, но и их влияние на окружающие сегменты. Существенным является вопрос о том, почему при одинаковых артикуляционных условиях сочетание изменяется в одних диалектах и оказывается стабильным в других.

В исследовании последовательно рассматриваются синтагматика сначала смычно-проходных согласных – назальных, латерального, вибранта, а затем спирантов – среднеязычного и губного.

2

**Назальные сонорные согласные
(*n, m*)**

2.1. *Изменения согласных, вызванные синтагматической активностью назальных сонантов*

2.1.1.

Регрессивная ассимиляция согласных по признаку назальности

В консонантных сочетаниях, образованных с участием носовых сонантов, фиксируются изменения ассимилятивного и диссимилятивного характера. Направление изменения определяется одним из сочетающихся согласных и одним из признаков этого согласного – именно эти компоненты сочетания стимулируют происходящие в нем изменения, в то время как другой компонент того же сочетания является объектом реализации этого стимула.

Носовые сонанты в славянских диалектах часто выступают в качестве *активного* компонента сочетания, вызывающего изменение другого согласного. Что касается выбора признака, который может воздействовать на соседний согласный, то это локальный ряд или назальность (способ образования) согласного.

Регрессивной ассимиляции по назальности подвержены согласные любого способа образования – взрывные, фрикативные, смычно-проходные латеральные.

Сочетания одинаковых по месту образования *взрывных* и *назальных* согласных, т.е. *p, b + m, m', t, d + n, n'*, артикулируются как один согласный. Как пишет М.В.Панов, в русском языке «артикуляция [*йм, бм*] состоит в том, что увула, энергично щелкая, открывает проход в носовую полость – слышится звук увулярного «взрыва» (на самом деле щелчка) и вслед за этим – носовая часть согласного... Это две части одного согласного: на всем его протяжении губы и язык не меняют своего положения, продолжается та же самая выдержка». Согласные, образованные такой артикуляцией, М.В. Панов называет губными щелчковыми. В зубном ряду им соответствуют зубные щелчковые, т.е. *дн, тн* [Панов: 37]. О.Брок, называя зубную щелчковую артикуляцию фаукальным взрывом, считает его свойственным всем славянским языкам [Брок: 144]. По замечанию И.И. Ковалика, взрывные согласные вообще перед носовыми претерпевают частичную назализацию, при которой «в конце произно-

шения ротовых согласных группы *n, б, т, д, к, г* наступает носовая эксплозия» [Ковалик: 74].

Слитное артикулирование сочетаний взрывных и назальных согласных одного ряда создает благоприятные условия для ассимиляции, в результате которой шумный согласный заменяется назальным, т. е. *dn > mn, bm > mm*. Хотя артикуляционные предпосылки для такой ассимиляции есть практически во всех славянских диалектах, реализуется эта ассимиляция далеко не везде.

Особенностью такой ассимиляции является ее асимметричность – изменяется звонкий шумный согласный, а парный ему глухой перед тем же носовым остается без изменения. Отступления от этого принципа единичны – например, в болгарском говоре, описанном в [Димчев: 263], один раз отмечена ассимиляция по назальности в группе *tn* – *сѣнне* вместо *сетне*, а в [Младенов 1993: 330] – *сѣнне, нѣсѣнне, бѣннѣл* (< бутнал); в македонском говоре [FO № 106] – *'seni* дается как пример одинакового изменения групп *dn, tn*. На асимметрию в отношении сочетаний *dn, tn* указывают [Аванесов 1949: 167; Крывіцікі, Падлужны: 177].

Причину асимметрии Р.И. Аванесов видит в том, что для ассимиляции благоприятны лишь такие сочетания, оба компонента которых образованы с участием голоса, в то время как контраст между глухим шумным и сонантом препятствует ассимиляции [Аванесов 1949: 167]. Однако, как указывают другие факты диалектной фонетики, сама по себе глухость шумного согласного может не препятствовать замене его сонорным согласным. Так, в русских диалектах известно произношение губного назального согласного вместо взрывного губного *n* в словах *мн'іца, мчелá* [Аванесов 1949: 169]. Артикуляция глухих и звонких согласных различается не только участием голоса, но и степенью мышечного напряжения – более сильного у глухих, менее сильного у звонких [Брок: 50] Можно думать, что бóльшая напряженность глухих делает их артикуляцию более устойчивой и менее подверженной ассимилятивному воздействию со стороны носовых сонантов.

Сочетания *bm, bm'* и *dn, dn'* характеризуются разной частотой: губные сочетания образуются только на стыке предлога-приставки и следующей морфемы, а зубные сочетания представлены как на стыке морфем, так и в пределах одной морфемы. На разную частоту сочетаний *bm, bm'*, с одной стороны, и *dn, dn'*, с другой, указано в [ДАРЯ 1, комментарии 186] – ответы на соответствующие вопросы программы русского атласа [Программа: 70] фиксируют сочетания губного ряда в одном говоре в 1-4 примерах, а количество примеров с сочетанием зубного ряда доходит до 80.

Изменение *bm, bm' > mm, mm'* – это преимущественно черта русских говоров. Так, в Холмогорском р-не Архангельской обл. – *оммотáйум, оммо-*

lot'íl'i, омману́л'i, ом'м'эл' (императив), *ом'м'ишы* (= об Мише), *ом'м'ер, ом'м'ен'ат'*; о том, что это изменение репрезентирует актуальное фонетическое правило, свидетельствует произношение фамилии Грубман как *гру́мман*. В [ДАРЯ, карта 81] произношение *о/мм/ан, о/мм'ен* показано на севере, северо-западе русской территории и в виде островных локализаций в среднерусских и южнорусских говорах, где рассматриваемое явление часто лексикализовано.

В белорусских говорах ассимиляция *b* последующему назальному отмечена в витебском регионе – *амма́н, амм'эр'иц', амми'нуц'* [Крывцкі, Падлужны: 179]; в полесском говоре (Лунинецкий р-н Брестской обл.) – *амма́нвац', во́ммарок, дэ'э во́ммацком*.

Ассимиляция в группах *bm, bm'* известна и в некоторых юго-западных украинских говорах региона Карпат. Так, *омману́ти, омм'ин'ати* (Турковский р-н Львовской обл.), *омману́йте, омм'ин'ати / омм'ин'эти, омме́ти, омма́нчик, во́ммарок* (Великоберезный, Межгорьевский, Раховский р-ны Закарпатской обл., Путильский р-н Черновицкой обл., Калушский р-н Ивано-Франковской обл.).

В хорватском говоре отмечено уподобление губному сонанту зубного взрывного согласного, что выражается в изменении $d > m - \text{òmta}(h), \text{òmā}(h)$ [Ресо 1980:, 97].

Ассимиляция по назальности в сочетаниях *dn, dn'* распространена в славянских диалектах шире, чем это имеет место в сочетаниях губного ряда. Возможны три варианта комбинации этих явлений: [1. только *dn, dn' > nn, nn'*] ~ [2. только *bm, bm' > mm, mm'*] ~ [3. *dn, dn' > nn, nn'* и *bm, bm' > mm, mm'*]. *Вариант 2.* – это особенность русских говоров; *вариант 3.* кроме русских говоров отмечен в немногих украинских и белорусских; *вариант 1.* известен немногим русским говорам, но является основным репрезентантом ассимиляции смычного согласного назальному в других славянских диалектах. Территориальное несовпадение этих фонетических явлений в восточнославянских диалектах показано на карте в [Калнынь 1998].

Назализация смычного согласного в сочетаниях *dn, dn'* присутствует в русских говорах преимущественно на территории северо-западных областей и в меньшей степени на северо-востоке. Явление иллюстрируется примерами *нно́, об'и́нно, онно́, холонной, го́нно, ронн'а́, ин'о́м* [Русская диалектология 1964: 91].

Это же свойственно белорусским диалектам. В описании белорусского диалектного произношения назализация смычного зубного согласного иллюстрируется следующими примерами – *хало́нна, п'ирэ́н'н'ик, м'э́нн'гй, аша́, ла́нна, мару́нна, тру́нна, ро́нн'гй, с'а́н'н'и, т'а́н'н'ац', шно́, два н'н'и, куро́-*

сан'н'а, с'арен'н'і [Кривіцкі, Падлужны: 177, 191, 218]; в полесском говоре (Лунинецкий р-н) – *тры н'н'і, холанно, нунно, хон'н'і, слабінно*.

Назализация зубного согласного в сочетаниях *дн, дн'* является особенно-стью юго-западных украинских говоров региона Карпат, что иллюстрируется произношением *хіпний, пасанниц'а, пунн'ати, ч'унний, ріданный, ошніако, два тій* [Жилко 1955: 135]; *сп'інніц'а, полунне, в'ін' н'оно, чил'анник, два пні, тіїс', не хонна, ушн, пїан'н'її* (= пять днів) (Турковский р-н Львовской обл.); *у великóнному, зánний, перéнный, до полун'н'е, б'інноно, в'ід ошнóно, в'ін пéїї* (Раховский р-н Закарпатской обл.); *не хон'н'і, холóнна, зánне, посл'інне, тун на робóти* (< д#н) (Путильский р-н Черновицкой обл.); *холóнн'і, б'іннэй, хорóннша* (Калушский р-н Ивано-Франковской обл.).

Рассматриваемая ассимиляция присутствует в западнославянских и южнославянских диалектах, где в губном ряду нет аналогичного явления.

Польские диалекты – *jenna, stunn'a, v grunn'u* [Селищев 1941: 335], *stuñña, b'unny, цанну* [OF 1983: 92].

Словацкие – *honní, pannút', jenna, suñňička, jenna*, возможное сокращение сонанта – *hono, sreñi, sañit' si, slobono, vino, stuña, choñik, porjañe, ñes, ñeska, voñe* (= vo dne) [Stanislav: 549]. В [ASIJ K.XXV] показано произношение *kran-nut', kranut', sannút', zabunnút', stuñña, choñnik, prenní*.

Чешские – *jennoц, polenne, žánnej, ve nne, hlanný, spoñňička, stuññe, přeññi, žaññi, žennik* [Belič: 56; Havránek: 140].

Сербские – здесь явление определяется как упрощение группы *дн* путем утраты взрывного или образования геминаты, чему соответствует запись примеров с экспоненцией второго сонанта – *glá:n'a, xlà:n'i, jén'o:g, bùn'e, pré:šen'i:k* [FO № 61]; *žé:n'a, úpan'e, ró:n'e; ján'i:k, jén'o* [FO № 60].

Болгарские – *бéнна, глáнну, жéнна, инно, мéнник, нърóнни, рунннннннн, полéнни, припáннали* [БДА II К. № 109, с.69]; *бéннъ, глáннъ, зánнъ, еннó, полéнннн, плънннннъ* [Бояджиев 1972: 41]; *еннáш, глáнннн, плáнннннннн, срéпнннннн, сéнннл, понннчáрка* [Младенов 1966: 58]; *жéнннн, испрѣнннъ съ, пулгéнннъ, рунннннннн, сéнннъ, уткрáнннн* [Димчев: 263]; *рунннннннн, глáнннн, бéнннъ, еннó, зánннъ, нъпáнннъ, прéнннн, углѣнн'áф, поглéнннн, хлáннн, пóнннннннн, ср'áнннн* и др. [Бояджиев 1991: 114, 136, 157, 163, 175]; *л'ин'н'ица, глáнна, пр'ипáнналн му, с'éннал, ж'éп'н'и, упáннал, w'еннѣш', към плáнн'е, ннó мунч'é* (= одно момче) и *с'ин'и с'и, н'еска*, здесь же ассимиляция по назальности, но диссимиляция по месту образования представлена в виде *дн > тп* в слове *уткрáннл* [Калнынь, Попова: 117, 154].

Известна и такая ситуация, когда в соответствии с *дн* произносится один назальный согласный. В принципе в этом можно было бы видеть в равной мере как результат упрощения *тп* из *дн* (факты такого упрощения отмечены в

[Бояджиев 1991: 58; Stanislav: 549]), так и прямую утрату *d*. Именно как результат утраты смычной артикуляции квалифицируется произношение в хорватских говорах *jě:na*, *'zañi*, *'jena*, *nì:no* [FO № 22, 43]; *glāna*, *opāne*, *jěna*, а также *'omar* (< *dm*), *òma(h)* // *òmma(h)* [Peco 1980: 97, 119, 176, 183].

В македонских говорах как упрощение сочетания согласных оценивается произношение *'eno*, *'pana*, *s'ijana*, *'novi*, *'enaš* [FO №№ 106, 107, 109]. Однако здесь же в № 113а показано изменение *d > n* – *'panna*, *'enno*, *'senna*.

В серболужицких диалектах произношение *panuś*, *šenuś*, *panuć*, *paniće*, *panć* квалифицируется как результат утраты *d* в сочетании *dn*, минуя стадию *nt* [Michalk, Sperber]; то же сказано в [Michalk: 118; Fasske: 109]. Материалы десяти томов [Sorabischer Sprachatlas, далее SS] не содержат ни одного примера замены взрывного согласного назальным сонантом. Чаще сочетания *dn*, *dn'* сохраняются, реже – сокращаются до *n*, *n'*. Так, *sr'ědnak*, *sr'ěnk*, *sr'ěnc* (SS Т. 1, К. 83), *ćiplodna* (Т. 2, К. 42), *spědny*, *spydny*, *spódny* (Т. 4, К. 100), *slědna*, *slěna*, *zadńija* (Т. 4, К. 83), *pr'ědna*, *pr'ena* (Т. 4, К. 82), *ńeřěny* (Т. 7, К. 1), *pširodny* (Т. 8, К. 12), *sudńistwo*, *sudny* (Т. 8, К. 60), *jeněj*, *jenog*, *jadnogo*, *jadnog* (Т. 9, К. 27). Ср. также другие нижнелужицкие примеры – *seni se*, *zabynuś*, *kinuś*, *žena*, *srjenu* [Mucke: 249], *slěny*, *pr'eny*, *pósleny*, *krynuś*, *jan / jen*, *pańony*, *kuońica* [Калнынь 1967: 178].

В словенском говоре в [Zorko] произношение *'nas* < *дъньсь (с.110), *'nes* (с. 295), *spove'nica* (с. 206) расценивается как результат изменения *dn > gn > n*. То же в [Kenda-Jež: 222] – изменение *dn > n* в примерах *a'na:jst*, *wa'bena*.

Регрессивной ассимиляции по назальности в позиции перед *n* может подвергаться и взрывной губной согласный, заменяясь сонантом *m*, т. е. *bn > mn*. Так, в севернорусском говоре – *на́домно* (Холмогорский р-н Архангельской обл.);

в белорусском полесском – *дромныйе*, *г'имно́з / г'ибно́з* (Лунинецкий р-н);

в украинском северо-карпатском – *дримнийці*, *зримний*, *хамник* [Жилко 1955: 135], *дримний*, *сримний*, *потримно* [Бевзенко: 67], *др'имний*, *потр'имна*, *др'имн'і* (Турковский р-н Львовской обл.);

в болгарских – *гра́би* и *гра́мъ*, *дрéбен* и *въздрéмничък*, *сърбам* и *сръмъ* [Бояджиев 1972: 41], *дрéмну*, *гра́мъ*, *дримничкъ*, *дръмъ* [Бояджиев 1991: 106, 114], *осéмнет*, *осéмнували* [Умленски: 60], *грамни́къ*, *сръмиа́л*, *др'емн'ичк'и*, *уцсла́мна*, *на др'емну* [Калнынь, Попова: 114];

в македонских – *demnet*, *zetnet*, *zetne*, *gremni*, *iz'gimna*, *simne* [FO №№ 94, 97, 99, 103, 106, 110, 111];

в чешских – *dromní*, *velemnej pan*, *chvalitemňe*, *rimňik*, *honemni*, *dopodromna*, *hromňik* [Belič: 65; Havránek: 156];

в верхнелужицком – *huč'omnik* [Jentsch: 237].

Последующему сонанту *n* ассимилируется спирант *v* – губно-зубное образование заменяется билабиальным, проходное – смычно-проходным, т. е. *vn* > *mn*.

В [Васильева 1967: 231] на основе анализа материалов, собранных для русского диалектного атласа по [Программа], дается список слов, в которых содержатся результаты изменения *vn* > *mn*. Список слов достаточно большой, хотя частота появления *mn* в разных словах неодинакова. Это – *бремнó, слáмный, ромнiна, кружómник, упалómник, крómные, неотрýмно, дамнó, гамнó, корómник, жпiмник, поголómный, на дрómнях, полкómник, випómники, часómия, протiмно, отрýмнóе, мнук, м недéлю* (предлог *v*), *мнизú, не м на-стрóе, все м пóчь* и др.

В юго-западных украинских говорах – *мнук, кóмнiр, р'iмний, р'iмн'ати, дамнó, здáмну, слáмно* [Бевзенко: 67]. Диалектное различие *давно* ~ *дамно, рiвний* ~ *рiмний* является темой карт в [АУМ 1, К. № 96; АУМ 2, К. № 82]. В *жом'н'iр* [АУМ 1, К. № 80; АУМ 3, с. 256] отражено изменение *yn* > *mn*.

Такое же фонетическое изменение известно болгарским диалектам – *редóвен* и *редóмну, рáвен* и *рáмну, пл'áвъ* и *плéмн'ъ, дъждóвен* и *дъждóмник, глáвн'ъ / глáмн'ъ, грiвнъ / грiмнъ, слýмници, грáмпувал, лъжómнъ, удáмнъ* [Бояджиев 1972: 41, 60; Бояджиев 1991: 114, 122, 137, 175]; *одáмна, грiмн'а, рáмни, гламн'á, дръжáмни, срамн'áваше, полómник, векómни, чипómници, ръкáмница* [БДА III, К. № 97, с. 92]; *л'ибóмн'ик, сл'iмн'анцк'и* и *Сл'iw'an, клéмн'и* и *клéwа, даждóмна ýдá* [Калнынь, Попова: 117, 154].

В македонских говорах – *mnuk, glamna, oglamnica, ramno, pletna, odamna, nitni, oglamnik* и др. [FO №№ 90–94, 96–99, 192, 103]; *гл'амна, од'амно, самн'ул'ка, н'имни* <*вн* < *хн* (*пихни*), 'мнук, дожд'омник, 'крмнак [Видоески 1999: 35].

В словенских *vn* > *mn* – '*ramn* (= *poln*), '*vamna, t'ramnik* [Zorko: 262].

В хорватском – *râtno, râtnač* [Крајаč: 88].

В сербских говорах – континуант *давньо в [FO] во многих пунктах имеет сочетание *mn*; *òtnovi, râtno* [Ресо 1980: 76]; *râ:tno, râmnica* – контаминация известного в этом говоре изменения *ml* > *mn* (*mnà:d*) и *vn* > *mn* ведет к появлению сочетания *ml* на месте *vn*, т. е. *râ:mlo, râmnica* [FO № 65]; *pravóslamna, glámní, Dubró:mni:k, di:mno, kùpomna, omni:ci* [Remetić: 466].

В верхнелужицком говоре – *zbožomne, jutRomny* (от *jutRe*), *wičomnik* [Jentsch: 281, 239]. В [SS 3, S. 287] показано изменение *vr* > *nr* в *nr'jos* (= *versь).

Последующему носовому согласному может уподобляться латеральный сонант, что выражается в изменении *l'n, l'n'* > *nn, nn'*. Так, в украинских говорах региона Карпат – *вóл'а* и *нев'iтно, в'иn'и'i, с'иn', сóлеý* (Inst sg) и

с'і́нній'а, молóти и *мéнник, лен* и *енійшче, з енну́* (Турковский р-н Львовской обл.), *мéнник, пра́нник* (Путильский р-н Черновицкой обл.).

Вариант такого изменения отмечен в словенском говоре в виде *ln > mn* (ассимиляция по назальности при диссимиляции по ряду) – *'žotna* [Zorko: 206].

Примеры изменения *mn > nn* – *плáнна* (=пламна) [Стойков 1967: 132], *ф кóпноте* (=в комнате) [Кузнецов: 35].

2.1.2.

Регрессивная ассимиляция согласных по способу и месту образования без участия признака назальности

Пример такой ассимиляции дает замена в группе *dn* смычного согласного латеральным сонантом или вибрантом. В последнем случае уподобление по сонорности сопровождается диссимиляцией по месту образования, поскольку вибрант локализован в переднеязычном ряду, а *d* и *n* в зубном. Во всех этих случаях слитная щелчковая артикуляция прерывается, преобразуясь в два согласных.

В хорватских говорах – *lno, bò:lñok, pò:lñè*, а также *'olma*, где *lm* из *dm* [FO № 42]. Контраст по сонорности снимается и при изменении *dn > jn* в *zājni, srějni* [Peco 1980: 97]. И, напротив, увеличивается контраст по месту образования и снижается – по способу образования при изменении *dn > hn* – *gláhna, nah njóm* [Peco 1982: 97].

В нижнелужицких говорах – *pšeln'ica, parnuš, sturn'a, spórny, pšern'ica* [Калнынь 1967: 175]. В [SS Т. 3, 276] континуанты **vednoti* имеют вид *ǰarnuš, ǰagnić*, и даже со слоговым сонантом при редукции последнего гласного – *ǰadǰč*. В [SS Т. 5, К. 127] – *sturnǰja, studǰja, stuǰja*.

В словенском говоре [FQ № 149] отмечено изменение *bn > vn* в *d'rovni*. То же в болгарском – *л'ичéвна љдá* [Калнынь, Попова: 114]. В севернорусском – *на рывной ловл'е* [Кузнецов: 35].

Как ассимиляцию по способу образования можно расценивать изменение *čn > šn*, поскольку фрикативный согласный артикуляционно ближе к смычно-проходному, чем аффриката. О распределении сочетаний *čn, šn* на месте **čьn* в русской орфоэпии сказано в [Аванесов 1968: 153]. В качестве явления, дифференцирующего русские диалекты, это фонетическое изменение описано в [Бурова 1975] и показано в [ДАРЯ, К.83, комментарий с.187]. На территории ДАРЯ практически во всех говорах отмечено произношение типа *яшшница, конешно, мушной*, но, как показано на Карте 83, говоры различаются объемом

лексикки, охваченной этой фонетической чертой, т.е. частотой появления *ʒn* вместо *ʒn*.

Анлогичное явление отмечено в хорватском говоре [FO № 37] в примерах *'mišno*, *'o:blašno*.

2.1.3.

Прогрессивная ассимиляция в консонантных группах, содержащих назальный согласный

Унификация по назальности происходит и в результате прогрессивной ассимиляции, когда в позиции после *m* латеральный согласный заменяется носовым, т.е. *ml* > *mn*. Примеры этого в хорватском говоре – *zā:mna*, *vjā:mna* (=uzima), *pri:mna* [FO № 35]; в сербском – *mnà:d*, *mná:do:m*, *ómna:de se*, *mnà:ti:m*, *mná:ku vòdu*, *mné:ko*, *mné:čháča* [FO № 62], *da se ómna:di*, *mnà:ža:* [Remetić: 466] *mnéka*, *mnád*, *zèmnjē* [Peco 1980: 48].

Ассимиляцией по неносовому способу образования можно считать изменение *zn* > *zl* в *zlàte:ne* [FO № 65].

2.1.4.

Регрессивная диссимиляция согласных, обусловленная назальным согласным

В сочетаниях, содержащих в качестве второго компонента носовой сонант, происходит также и регрессивная диссимиляция, увеличивающая контраст между первым и вторым согласным. Стимул изменения исходит от носового согласного.

В русских говорах в позиции перед *m*, *m'* известно изменение *b* > *g*. Как показывает [ДАРЯ 1, карта 81], это явление свойственно некоторым северным говорам. Так, в Тотемском р-не Вологодской обл. – *огмануў*, *огмоц'іў*, *огмотайут*, *огморóз'іwc'e*, *огм'етáл'і*, *огм'ірáў*, в *огморок*. В этом же говоре на взрывный согласный губного ряда оказывает такое же воздействие губной спирант – *огвал'іла с'e*, *огв'ерну́ла*, *огв'іл'і*, *огв'іс'іла*.

На той же карте в [ДАРЯ 1] в некоторых северных и западных говорах зафиксирована замена *b* не задненебным взрывным, а зубным *d*, т.е. *o/ðm/án*, *o/ðm'/én*.

В русских говорах диссимиляция не распространяется на сочетание *dn*. Но это имеет место в словенских говорах, когда зубной взрывный заменяется задненебным согласным в позиции перед *n* – *gnə*, *g'na:r* [FO № 10], *gna:r*,

u'pa:ugne (№ 18), *'paugne, gna:r* (№ 19), *gnes* (№ 20), *'ve:gne, g'na:ko, gnes* (№ 149); в [Zorko] – *g'no:r, po'po:gni* (с. 110), *'po:gn, pər g'ni, š'kegn* (с. 206), возможно упрощение *gn* в *n* – *'ta:no* (=stegnil) (с. 295)

Вариант с фарингальным спирантом отмечен в сербских говорах (Восточная Босния): *dn > hn – gláhna, nah njóm* [Ресо 1980: 97]. В хорватских диссимиляция по месту образования представлена в виде *cn, t'ń > śn, śń – 'laśna* (FO № 23) *'muśno, 'šinośni* (№ 42).

В словацких говорах диссимиляция реализуется не только в сочетании *dn*, но и *tn*, т. е. изменению подвергается и глухой смычный – *gñes, gñeská, gnu, ožlknút', istokne* [Stanislav: 546].

Примеры изменения *tn > kn* зафиксированы также в словенском говоре – *k'na:la* [FO № 18], в македонском – *k'nočko* [FO № 109], хорватском – *měknut, mēknija* [Finka: 648]. В хорватском же говоре отмечено изменение *t > k* перед губным сонантом – *kmī:ca* [FO № 29]. В этом случае речь может идти об ассимиляции по низкому тону, поскольку губные и заднеязычные согласные веляривны.

Сходное явление в виде изменения *d > g* фиксируется в [АУМ 1, К. 133, АУМ 2, К. 90] в словах Дмитро, Дніпро. В комментарии [АУМ 1, 37] приводятся примеры *gn'inpó, gn'icter, gnúšče*. В материале ОЛА отмечено произношение *гно, hно* в отдельных украинских говорах. В отличие от незначительной распространенности изменения *dn > gn*, в украинских диалектах достаточно часто фиксируется изменение *dm > gm* в *gmитро, gmітер*. На территории [АУМ 2 К. 90] явление представлено более широко, чем в [АУМ 1 К. 133], где изоглоссой обозначен ареал, состоящий из 16 пунктов. В материалах [АУМ 3, 247] в Черниговской обл. зафиксировано произношение *gm* вместо *dm* в *gmит'ро, gm'им'ро*.

Изменение *dm > gm* в *Gmitro* отмечено в словацких говорах [Stanislav: 546].

Вариант диссимиляции по месту образования демонстрирует македонское изменение *ќњ, ѓњ > т'њ, д'њ*, при котором палатальный согласный передвигается в зубной ряд, образуя тем самым контраст с палатальным сонантом – *вот'њак, гат'њик, свет'њик, кут'њи, мед'њик* [Видоески 1998: 98].

Регрессивная диссимиляция меняет артикуляцию *m* в позиции перед *n*, т. е. назальный сонант воздействует на предшествующий назальный же согласный. Поэтому согласный *m* заменяется губным взрывным согласным, т. е. *mn > bn*:

в русском говоре – *вобнóг'ix* (Тотемский р-н Вологодской обл.);

в словацких – *darobní, písobní, gibnázija, tajební, spisebni, darebñica* [Stanislav: 558];

в чешских – *písebný, upříbny, darebný, tebný, tebnost* [Ковалик: 83; Селищев 1941: 207];

в болгарском – *грѣбна* [Стойков 1967: 83], вероятно через стадию *vn > mn* получено произношение *грѣбнѣ* с *b* вместо *v* [Бояджиев 1991: 136]; *грѣбн'а, грѣбна* [БДА III, К.№ 97, с. 93];

в словенских – *gəbnà* (G sg), *spôbnat se* [Ramovš 1924: 95], *riobnəm* [FO № 4], а также *mr > br – brŏwli:nc* (=mravlja) [Nartnik: 203];

в сербском – *gubno* [Ковалик: 83].

Диссимилиация такого же типа известна в сочетании зубных назальных сонантов *mn*. В материале [ДАРЯ, карта 81, комментарии с. 187] приводятся примеры произношения *dn* вместо *mn* в русских западных и северных говорах – *д'ер'ев'áдно, офс'áднѣя, стар'юдныйи, дл'юдныйи, сукóдной, кáм'едныйе, бол'шѣдна, ч'ьтыр'охгрáдный* (Новгородская обл.), *д'ер'ев'áднаа, по стар'юдному, постояáдно, обыкновѣдно* (Ленинградская обл.), *áдна* (=Анна), *тѣскади'и* (=посконни) (Великолуцкая обл.), *мóльди'а* (=молонья) (Смоленская обл.). Р.И. Аванесов такие факты русской диалектной фонетики оценивает как гиперизм, появляющийся у носителей диалекта в ходе стремления избавиться от такой диалектной черты, как *mn* из *dn* [Аванесов 1949: 168].

В белорусских говорах *dn* вместо *mn* в *тыѣд'н'а* [ОЛА 3, 130]. В [Крыўіцкі, Падлужны: 218] приводится произношение *тиóдны, ма́дны* (=пшонный, манный), которое также оценивается как гиперизм. В гуцульском говоре (Путильский р-н) на фоне частого изменения *dn > mn* отмечено и произношение *л'л'иднѣ полотнó*. В [АУМ 2, К. № 102] приводится слово *пράдник*, фонетика которого отражает изменение *ln > mn > dn*.

Между тем, то же фонетическое явление в чешских говорах квалифицируется именно как диссимилиация – вместо «первого *n* стал произноситься взрыв при закрытом входе в полость носа: *mn > dn*» [Селищев 1941: 109]. Примеры такого произношения: *Adna, padna* (=panna), *kamednej, dřevjednej, slatnědnej, dratedňik* [Belič: 56; Komárek: 81], *Hadna, padna, soukednej, kamednej* [Селищев 1941: 109].

Как результат диссимилиации в группе *mn* в русских говорах оцениваются примеры *мошѣл'ник, плем'áл'ник* в [Бромлей: 22].

Более распространена замена сонанта *m* согласным *v* перед *n*

В русских говорах – *виóго, т'евнотá, т'óвно, гувнó* (Холмогорский р-н Архангельской обл.); *надо виóй, гувнó, со виóй, т'евн'ѣ*, в этом же говоре *вм > мм* в [*тράмма на произво́ц'с'в'и*] (Пинежский р-н Архангельской обл.);

в юго-западных украинских – *щувный, зоўноў* (= зо мноў), *теўний, надарёўне, запоўнити* (= запомнить) [Жилко 1955: 95]; *'коўната* в материалах [АУМ 3, 256].

в болгарских – *тэвно, пóвн'а, запóвнихме, стóўнь* [БДА I, с. 77–78]; *гувно, зевник, крвн'ак, питóвно, плáвник, тевно, стóвна* [Умленски: 61], *каш-тодóвник, сéвна, кр'эвно, плáвник, стр'эвно, тэвнина* [Младенов 1966: 53], *плáўна, пóўн'ъ* (=помню) [Димчев: 267], *тэвно, стóвна* [Иванов 1977: 42], *пóвн'ъ, гúвну, тэвну, пúтувну, сéвна, стóвнь, стувна́ре* [Бояджиев 1991: 158, 163];

в македонских – *тевно, стовна, гувно* [Конески: 84], *'guvno, tev'nica, o'savne*, [FO № 104];

в хорватских – *gívno, távno, tàvnica, tavnovat* [Peco 1983: 257], *gu:v'no, se-dav'najst, osav'najst* [FO № 37], *slò:vnica, dù:vna, gǔ:vno* (№ 42), *tà:vnici, gú:vno* (№ 45), *prǎ vnò:n* (№ 56);

в сербских – *тáвница, потáвници, у тáвници* [Пецо 1975: 242];

в словенских – *тóўна, làkovnica, wákoўna, vnožgo, vnožina, spláўnom* (<platenom), *slaўnača, góўno, spōvnit se* [Ramovš 1924: 94];

Изменение *tn > xn* отмечено в хорватском говоре [FO № 29] – *x'noge* (=много). В этом случае реализуется диссимиляция по месту и способу образования и по участию голоса – сохраняется лишь веларность первого согласного, т.е. то единственно общее, что имеется между *t* и *x*.

Аналогичное явление представлено в словенском говоре [FO № 15]. Здесь на месте префиксального гласного *и* перед *t* произносится *x – x'mi:jem, x'mi, x'mərǎ, x'ma:zan*, а в [Logar: 85] еще и *γ'mərǎ*. Надо полагать, что этой фонетической мене предшествует изменение *и > џ/w*. Замена губного спиранта заднеязычным/фарингальным рассмотрена специально в разделе, посвященном синтагматике губного спиранта.

В чешских говорах при диссимиляции сочетаний *ňm, ěm* также возможна замена первого согласного спирантом, но звонким, т.е. *ň > j – konajna, sekajna, rajmata, nadivajna* [Belič: 58].

2.1.5.

Прогрессивная диссимиляция в консонантных группах, содержащих назальный согласный

В сочетании *tn* второй носовой сонант заменяется латеральным. В этом случае объектом диссимиляции является назальный согласный, и изменение стимулируется также назальным согласным, но занимающим первую позицию в сочетании.

Словенские говоры – *mlóel* (< тьпель), *kâmĭk*, *jâmĭca*, *swâmløk* (< slamnik), *brîmla*, *vîmla* (< G bremena, vumena), *pôumliti*, *sôumla* [Ramovš 1924: 96]; *mle*, *mlu*, 'kamli, 'kaĭmla, 'gu:mĭla [FO №№ 1, 21, 149]; 'tamlo, 'pu:əmlem, do 'te:mlĭga (= temnega) [Zorko: 104, 206, 262]; 'gu:umla, na 'ka:umli [Koletnik 2001a: 98];

хорватские – *sà mló:m* (= sa mnom), *žu:lmàk* < *žumĭak* (метатеза) [FO № 39], *dî:mĭa:k* (№ 45), 'kamla, 'gu:mĭla (№ 149), *gúmlo*, *súmĭjamo* [Finka: 648], *mlógo*, *mložina*, *jamlim* (от глагола *mniti*) [Peco 1983: 257], *sumljá na me*, *dîmljak* [Peco 1980: 149];

сербские – *mlògo*, *súmĭvivo*, *súmĭa:m* [Пецо 1975: 243]; *mlògo*, *jâmlim* (от *mniti*) [Peco 1983 257]; *mlògo*, *razmložilo se*, *mlòži*, *slâmĭlača*, *súmĭla*, *súmĭlv mi je* [Baotić: 92]; *mlògo*, *mlà:ti* [Remetić: 446]; *gú:mlo*, *tâmĭlica*, *osámle:s*, *rámĭlica* – отмечено, что в данном говоре сочетания, содержащие носовой сонант, показывают исключительную вариативность [FO № 65];

болгарские – *mlógo* [Младенов 1969: 42], *mlógu* [Стойков 1967: 80], *mluk* из *mluk* [Бояджиев 1991: 21].

В украинских говорах показано *кĭм'лата*, 'комлата, ком'лата в матерналах [АУМ 3, 257]. Пример такой диссимиляции в севернорусских говорах Р.И. Аванесов видит в произношении *пóмл'иш*, *пóмл'у*, отмечая, что «здесь речь идет едва ли не об одном этом слове» [Аванесов 1949: 169].

В чешских диалектах диссимилирующее воздействие сонанта *n* на следующий спирант проявляется в виде замены спиранта аффрикатой, т. е. переход от *n* к спиранту «совершается при закрытом входе в полость носа», чем увеличивается контраст по уровню шума в сочетании – *pancký*, *žencký*, *jinčí*, *jendže*, *mandžel* [Селищев 1941: 109].

Такое же явление представлено в македонских говорах в виде 'gənzə [FO № 98], *bronza* (№ 102), 'donci gu (< donesi), *zən'cex* (zanex) (№ 111), *mənc* (=mqž) (№ 112), а также *s>c* между сонантом и *k*, если в позиции V-k сохраняется *s* – *sfincko* и *tetosko* (№ 96); в болгарских – *шцѣкциѣа*, *шцшиѣр*, а также *рѣмѣи* [БДА I, К.№ 59]; *m'ěnc'ar*, *mánc'a*, *b'ins'ín* [Калнынь, Попова: 125].

2.2.

Синтагматическое воздействие назальных согласных на гласные

Позиция перед назальным согласным может оказывать влияние на гласный, если «артикуляция согласного начинается раньше, чем кончается артикуляция гласного» [Бондарко: 93]. При напряженном образовании назальных согласных это запаздывание более выражено. Вследствие этого гласный по-

лучает назальный резонанс, т. е. артикулируется при опущенной небной занавеске. Именно это имеет место в польских диалектах, как показано в [OF 1982, 1983] – *daŋa, baŋa* (№ 241), *mɔm, barɔn, kʰop'aɲy, sɔɔma, p'eɥɔn, p'erɔn* (№ 311); *sɛn, dɛŋa, mɔɔcɛɲy* (№ 317); *saŋo, kʰolɔŋo, liŋɲy, v'aŋɛc* (№ 318). Перед согласным и паузой сочетание типа VN может преобразовываться в назальный согласный – *k'ijɥka, b'edruka* [OF 1983: № 304], 1 sg ^h*ogne, stare, lethe* (№ 317); *tɔ, sp'yɲɥ* (= *śpiwam*), *tɥ* (= *tym*), *babɔ* (= *om*), *v'ɥ* (= *wiem*), *z dobry xlope, z brate, sni* < *znim* [Klemensiewicz: 111]. *tɔ, tɛ* (< *ten*), *sn'j* (< *nim*) [Селищев 1941: 323].

В польских же диалектах в позиции перед назальным согласным гласный может передвигаться в более высокую зону, что, возможно, объясняется напряженностью артикуляции назальных согласных. Это выразится в изменении *a > a̠, o, o̠; o > ɔ, u; e > e̠, i*. Так, в [OF 1983] – *klun, kuŋa, zɲuŋi, brɔna* (№ 293), *vrɔna, rakɔm, kʰɔn, k'ijɔŋka* (№ 300), *kuŋa, kuŋɛc, ɥogun*, в этом же говоре *e > i* после мягких согласных перед *ŋ* – *p'iŋ, śim'e, "og'ij, žiŋ* (№ 301), *boɥun, barun, skovrunek, vruna* (№ 305), *dloŋ, zomek, c'itom, dɔm, baron* (№ 316), *dɔm* (< *dam*), *barun, kɔɔɔny, kuŋa, mɔm* (№ 319); *boɥun, dum* (= *dam*), *ɥytum, vruna, bruna, ɥogun, dɔm, kožyŋ, ɥog'iŋ, śem'iŋ* (№ 322); *žɛŋi śe* (№ 312); *śam'a, kšɛm'aŋ, klucɔm, klucɔm'i, taŋɥje* (№ 323) и т. п.

Замена гласных *a* и *o* более высокими лабиализованными гласными с большой долей вероятности в потоке речи может сигнализировать следующий назальный согласный. В то же время отмечены и факты понижения подъема гласного перед назальным сонантом – *p'elɔn* (< *u*), *p'erɔn* (№ 317); *sɛn* (< *y*), *dɛŋa, mɔɔcɛɲy, gront, font, tlomok* [Klemensiewicz: 102].

В словенских говорах (*podjurski dialekt*) сонанты *m* и *n* в долгом слого обуславливают назальность соседнего гласного – *dɔŋ, mɔʂɲu* (= *maslo*), *sɥŋma, pɔi* < *panj* [Ramovš 1995: 123].

Воздействие назальных согласных на гласный представлено и в хорватских говорах. Как сказано в [FO № 37], «V+n/ в закрытом слого на конце слова, реже в середине слова часто создают назализованный вариант предшествующего гласного (например, *-an > a̠*)», что расценивается как реализация фонемного сочетания сонанта с гласным. Так, *o'ɛɔ* < *oco:n, ž'na* < *žna:n, 'pi:ta* < *pita:n* [FO № 23]; *n* (< *n, m*) и *ŋ* в конечном положении ослабляются и назализуют предшествующий гласный – *dɔ:n / dɔ:ŋ / dɔ:ŋ*; *pɔ:ŋ / pɔ:ŋ* / *pɔ:ŋ*; здесь же в соседстве с назальными согласными гласные *e; o*: испытывают повышенные подъема – *zɛle:n, kɔme:ŋe, zvɔ:ŋ, grɔ:m, nɔ:ž, ɔ:n, stážo:n / stážu:n, mɔ:nci, mɔmɔ:kɔ*: (№ 65).

Перед *n, ŋ* развивается назальный гласный с тем, что *n* утрачивается, а *ŋ* переходит в назализованный *j*, последовательность *a:n* обычно изменяется в

ц – *edǫ*; *'imɥ* < *an*, *kǫqj* < *kò:n*, *s krã:vq* < *s kravon*, Ген pl *vymìę* [FO № 146a]; носовой гласный образуется перед *n*, который фонетически сливается с предшествующим гласным – *kǫqj*, *'vrga:j*, т. е. назализируется целый слог (№ 148a). В (№ 22) фонема /a:/ после носового сонанта образуется как назализованный дифтонг ²a: – *n²a:j'vet'i*, *beln²ã:k*, *m²ã:lo*, *dvan²ã:js*. Назальные сонанты могут также накладывать определенные ограничения на синтагматику гласных – так, в № 153 гласный *a*: обычно не выступет перед назальным согласным: *p'lomen*, *rò:na*, *kò:ɥmen*, *s'loma*, *d'lon*, *lò:nski*, *bròɥ:na*, *srò:ɥm* (сужение гласного *a*). В [Ресо 1980: 149] *o* > *u* в связи с сонантом *n* – *ûn*, *ũnda*, *ũna*.

Лабиялизирующее воздействие сонанта *m* на следующий гласный может быть частным проявлением общего воздействия губных согласных на гласные, т. е. не относиться специального к сонорному согласному. Так, в украинском говоре – *мы^oти*, *мы^o* (Турковский р-н), в белорусском – *му́*, *му́ло*, *му́и* (= мышь, муж) (Лунинецкий р-н)

2.3.

Назальные сонанты

как объекты синтагматического воздействия

2.3.1.

Предварительные замечания

Рассмотренные выше случаи изменения консонантных сочетаний объединены тем, что они почти всегда стимулированы назальными согласными. Именно на них ориентируются разные виды ассимиляции и диссимиляции, происходящие в пространстве консонантного сочетания. Даже и в том случае, если сочетание состоит из двух назальных согласных, в сферу влияния со стороны назальных согласных попадают сами назальные согласные. Но в славянских языках/диалектах носовые согласные выступают также в роли объектов воздействия со стороны неназальных согласных.

В рамках этой обусловленности актуализируются два вида изменения назальных сонантов:

1) изменение согласного не выходит за пределы его «зоны рассеивания» и поэтому не сопровождается заменой сонанта другой единицей консонантного инвентаря актуального в консонантизме данного идиома, т. е. артикуляцией, выступающей и в других позициях;

2) изменение выражается именно в замене сонанта другой единицей консонантного инвентаря.

2.3.2.

Изменение назальных согласных в пределах их зоны рассеивания

Этот тип изменения эксплицирован достаточно распространенным в славянских языках/диалектах уподоблением сонанта *n* по месту образования последующему заднеязычному согласному, преимущественно взрывному, реже – фрикативному. Ассимиляция выражается в том, что в назальном сонанте смычка передней части языка с альвеолами заменяется смычкой задней части языка с мягким небом, т.е. происходит изменение *n > ŋ*. По замечанию О. Брока, велярный *ŋ* появляется в «славянской речи часто, правильно или спорадически, когда за *n* следует твердое *k* или *g*» [Брок: 29]. И далее, перечисляя языки, в которых есть *ŋ*, О. Брок называет польский, чешский, словенский, сербско-хорватский, болгарский. При этом для словенского языка указано на возможность изменения *n > ŋ* перед фрикативными *x, ɣ* [Брок: 61, 65, 67, 70, 74]. Как нормативная черта, произношение *ŋ* перед *k, g* определяется для словацкого [Stanislav: 558; Селищев 1941: 68] и серболужицких языков [Mucke: 249; Hornjoserbsko-ruski słownik: 476; Селищев 1941: 226].

Конкретную картину изменения *n > ŋ* дает диалектный материал.

Все польские диалекты, включенные в сетку ОЛА, имеют *ŋ* перед заднеязычными взрывными. Различие состоит в том, происходит изменение *n > ŋ* на уровне фонетической позиции, т.е. регулярно, или ограничено положением не на стыке морфем [OF 1982: 142; OF 1983: 145; OF 1984: 130]. Не на стыке морфем *ŋ* выступает главным образом в составе рефлексов прасл. назальных гласных, а также в заимствованных словах – *čonjnuca, moŋka, reŋka, veŋg'el, droŋk, geŋga* и др. [OF 1984: № 246, 251, 262, 263, 275]. Если изменение *n > ŋ* не ограничено морфемной ситуацией, то это иллюстрируется не только примерами типа *moŋka*, но и *ofsaŋka, šklaŋka, maćeraŋka, jeńćm'aŋka* [OF 1984: № 266, 283, 286, 287]. В № 286, 297 в позиции перед заднеязычным согласным, но после гласного *e*, образуется заднеязычный сонант высокого тона – *jeŋ'katy, na reŋ'ke, .seŋ'k*. В этом случае имеет место прогрессивное уподобление по высоте тона в сегменте *en*

В [OF 1982: № 260] отмечена спорадическая возможность *n > ŋ* перед *x* не на стыке морфем, но примерами это не иллюстрируется (вероятно, *węch?*).

В серболужицких говорах – *kų'isijŋka, śajŋ'k'i, kuzenŋk, č'eŋ'k'i* [Michalk, Sperber: 5, 14], *uěŋk, uoŋka, haŋka, kóŋk, peŋ'k'i* [Michalk: 56], *šlijŋka, kopajŋka, zagoŋk, zajitunga, za ornungu, dub'jaŋk'i, coŋk, um'eŋ'k* [Калнынь 1967: 92];

в словацких – *t'eŋki, baŋka, háŋka, aŋgín, strapon kosí* (стык слов), заднеязычным *ŋ* заменяется также *m* – *zánki, ňeŋka, jaŋka, maŋka* [Stanislav: 558]. Здесь же сближение латерального сонанта с заднеязычным смычным сопровождается изменением *l > ŋ* – *maŋk'i* (< *malki*), *maŋkųo ftáča* [Stanislav: 556];

в словенских – *lé:šɲk, m'laɲku* (=молоко), *aŋ'kərt, má:ɲko, maŋkámər, baɲk, liěšɲk, aŋ ga ję udvė:zu* [Logar, 144–146]; *dá:ɲka, uɲá:ɲka, 'nə:ɲka, za'sɲk, teɲka, uz'ya:ɲka, 'ri:ɲka, 'vo:ɲelca* (= gugelnica), *meɲk, rė:bəɲk, čə'rəɲga, 'aɲka, ɔ:ɲɟ'ungga ję* (= onega je), *'u:ɲga, u'ga:ɲka, 'či:ɲka, š'və:ɲka, 'po:ɲɲgrat* [FO №№ 5, 6, 8, 11, 16–20]; в [FO № 9] изменение *n > ɲ* задерживает взрывность следующего заднеязычного согласного, который в других позициях имеет фрикативное образование, т. е. *ɣó:ba, dó:ɲya, ɣlá:va*, но *ɲg*. В [Kenda-Jež: 221] заднеязычный назальный согласный отмечен в начале слова – *ɲka:r*. В [Jakop: 369; Weiss: 325] сказано, что изменение *n > ɲ* происходит перед *k, g, x*, но примеров на позицию перед *x* не дается; здесь же приводится факт изменения *m > ɱ* перед фрикативным *f* – *'šɲfat*.

В [Ресо 1980], содержащем сведения о фонетике сербских и хорватских диалектов, нет упоминания об изменении *n > ɲ*. Но этот переход показан в [FO] примерами *'sijɲka, s'la:ɲka* (< mk), *zna:ɲ ga* (№ 71), *'taɲka, 'mo:ɲka, s'taɲka, st'rela saɲ ga* (№ 74), *šė:ɲka, glėda:ɲ ga* (№ 77), *serà:ɲka* (№ 83); *paɲka, baɲka, ɟigaɲka* [Пецо 1975: 154]. Как видно из примеров, возможно изменение *m > n > ɲ*.

В македонских говорах – *'maɲgaɫ, 'maɲgar, g'raɲka, 'kopaɲka, f'raɲga, 'ɲenko* [FO №№ 96, 101, 102, 104, 106], в других македонских говорах, включенных в сетку ОЛА, артикуляция *n* перед *k, g* не меняется; в [Видоески 1999: 31] – *домак'иɲka, др'еɲka, 'иɲka, с'иɲko, м'еɲka*.

В болгарском языке заднеязычный *ɲ* перед *k, g* является нормой [Стойков 1942: 43; Стойков 1961: 155; Андрейчин: 51]. В диалектных описаниях заднеязычный сонант не всегда фиксируется, может быть потому, что является общепринятым. Примеры такого произношения: *кòɲкам са, на с'иɲк'и* (= на все), *гòст'еɲк'и, с'ид'еɲ'к'и, др'иɲгу, на р'иɲг'ен, с'иɲаɲка, т'укаɲка, Ст'аɲк'е, л'иɲгурка, аɲг'ел, с'иɲ кáмък, сап'уɲк'ена ўдá, таɲк, баɲк, кл'уɲк* [Калнынь, Попова: 125]. В [БДА IV, К. № 105, с. 90] заднеязычный назальный на месте согласного *m* зафиксирован перед аффрикатой – *моɲчé*.

Из восточнославянских диалектов *n > ɲ* имеют юго-западные, особенно карпатские, украинские говоры – *ɦиртáɲка, плáɲка, һод'иɲка, тóɲкый, һаɲел'ар, швіɲглер, аɲгіна, скл'áɲка, співаɲка, тóпаɲки* [Бевзенко: 78], а также *п'ип'еɲк'и, св'иɲку, стр'уɲга, мал'оваɲка, буд'иɲк'и, в'иɲк'е* (Турковский, Мостиский р-ны Львовской обл.), *раɲком, ф'ір'һаɲга, ж'иɲка, п'ідм'и'аɲко, вєɲг'єрс'к'ий* (Великоберезный, Межгорьевский, Раховский р-ны Закарпатской обл.). В других украинских диалектах это фонетическое явление не отмечено. Нет его и в стандартной фонетике [Курс сучасної: 147].

В белорусских и русских диалектах *ɲ* как позиционный вариант *n* не фиксируется. В то же время русская орфоэпия предполагает произношение *ɲ*

перед *k, g*, за которыми следуют *t, c, s* (*пункт, сажкиць, фрацкскъ*) [Аванесов 1974: 199].

В болгарском языке/диалектах есть и другое позиционное изменение *n*, не выходящее за пределы «зоны рассеивания» этого сонанта. Перед незадне-небными согласными, исключая *x*, язык не образует преграды на пути воздушной струи при открытом проходе в носовую полость – так артикулируется проходной сонант *v* [Стойков 1961: 86]. Место сближения (не смычки!) языка с небом зависит от предшествующего гласного: после гласного переднего ряда активна передняя часть языка (*тунъх*), после заднего гласного, соответственно, задняя часть языка (*о̀нзи*). В.И. Георгиев отмечает, что с фонетической точки зрения в последовательности V+n+C перед согласным произносится назальный гласный, т.е. «гласный, который в своем начале является ротовым (оральным), а в конце носовым» [Георгиев: 44]. Именно такой гласный произносится в соответствии с *em#* в форме I sg в польском говоре [OF 1983: № 317] – *starę, letnię / letniem, "ognię*.

Примеры произношения *v* в болгарском диалекте: *уввал'ит, кѡвф'ѣти, т'ѣвтѣл'и, м'евд'ѣлка, с'евсар', мувтуфѡжа, лѣвм'ич'ка, бѡнда, Авдѡн, ковс'ѣрв'и, т'унъх, л'ист'ѣнца, тавц'ѡр, камавл'ѣиу, мавш'ѣт'и, т'ѣвж'ерка, хр'ист'ѣанч'и, увм'ѣкч'ѣиѡ, бруухит, б'евт, р'истурѡвт, авѡнс, тавц;* здесь же проходной сонант произносится перед паузой – *кам'и'ѡв, бустѡв, д'ѡков, канѡв* [Калнынь, Попова: 124, 125].

В [Стойков 1961: 155] сказано, что в болгарском произношении проходное образование может иметь и губной сонант в словах *камбана, ламба*. Но в доступном нам материале имеются факты произношения *μ* (в том числе и на месте *n*) только перед губным спيرانтом – *бруцф'ит, кр'ѣмф'ѣиу'и, цѣфѡрт, коцф'ѣт'ѣр, расѣмѡва, кѡцфур* [Калнынь, Попова: 117].

Можно полагать, что в зоне рассеивания носового сонанта помещается назализованный среднеязычный спيرانт *j* (обозначен так в связи с неотчетливостью знака *j*, используемого в [OF]). Такой спيرانт появляется в результате ослабления язычной смычки палатального *ñ* – смычно-проходной назальный становится фрикативным. Это явление отмечено в польских говорах в позиции перед зубным спиртантом и аффрикатой, а также на конце слова (перед паузой): *kujski, koj, svij, kojski, majkut, v'ejce, tojcy, kesaj, spentojajski* [OF 1983: №№ 292, 311, 317, 318]; *kojca, kujsk'i* [OF 1984: № 282]; об изменении *ñ > j* сказано и в [OF 1982], но примеров этого не приводится.

Возможность изменения *ñ > j* в словенских говорах отмечена в [Logar: 8]. То же показано примерами *'ji:va, koj* [FO № 17], *'te:ja, 'me:ja, ku:j, svi:f* (Gen pl) (№ 20); изменение *ñ > j* в начале слова и между гласными в [Koletnik 2001:

99] – 'jega, 'ji:va, gospo'de:ʃa, 'ko:uxiʃa, mrav'li:ʃak, o'ra:ʃe, s'vi:ʃa, prazno'va:ʃe, b'ra:ʃe и др.

В хорватских – *kōj, bila:ʃĕk, kŭhja, taʃir* [Ресо 1980: 185].

Перед согласным и паузой изменению *ŋ > ʃ* может способствовать позиция, а перед гласным то же изменение является производным только от назальной артикуляции сонанта.

Особым видом изменения назальных согласных в пределах их зоны рассеивания является позиционно обусловленное снижение уровня их сонорности/голосности. Условия для снижения голосности сонанта имеются в сочетании сонанта с шумным согласным. Механизм воздействия шумного согласного на последующий и предыдущий сонант в звуковой цепи неодинаков.

Как замечает [Брок: 169], снижение участия голоса у сонорных после шумных «встречается повсюду в славянской речи; именно первая часть сонорного становится часто безголосой... Но, так как безголосая часть часто лишь минимальна, а решающим для слуха моментом становится в таких случаях последняя часть сонорного согласного, то этот початок уподобления остается без заметного значения для звукового строя». Однако там же речь идет и о потере голосности в последней части сонорного в сочетаниях *lk, nt, rs* (т. е. *llk* и под.) [Брок: 176]

Но если снижение голоса в сонанте превышает порог аудитивной невосприимчивости, то наступает эффект прогрессивного оглушения сонанта. Регрессивное оглушение сонанта, т. е. снижение голосности в его конечной части происходит перед шумным согласным, но здесь это редко заметно аудитивно.

В описаниях фонетики обычно обращается внимание на прогрессивное оглушение сонантов. Для назальных согласных в русском языке это – *n'ec'ŋ', драхм* [Аванесов 1956, 139]; *c'ŋ'ŋ'ŋ', копѣ, n'em' nácм*, (архангельский говор, Пинежский р-н); *окупѣ'éc'e* [Касаткин 1999: 237]. В этих случаях проявляется не только уподобление по уровню голоса предшествующему шумному согласному, но и стремление избежать повышения сонорности в конечном слоге слова. Это же достигается иногда силлабизацией конечного назального, который, однако, не становится элементом фонемного инвентаря. Так, в словенском говоре [FO № 6] *'wagn, 'pi:snŋ*, а также в словенских материалах ОЛА на рефлексы **e* и **o* – *sè:dŋ, 'sɛdŋ, ò:sŋ, sŋ, 'u:sŋ, 'wagn, 'uojgŋ*; по свидетельству [Lamprecht: 78], это же возможно в чешских говорах – *sedŋ ~ sedum, sedym*.

Но в русских диалектах возможно снижение голоса назального сонанта и перед шумными согласными – *солóмка, грóмко, р'емховáта* (Пинежской р-н).

В описании фрагмента польской фонетики в [Ulaszyn: 15] также констатируется снижение сонорности сонантов, в том числе назальных, не только

после глухих шумных, но и *перед* ними. В качестве примера приводится произношение слов *mszyca, plamka, wampir, kochanka* (сонанты со сниженной голосностью обозначены автором знаками *m, n*).

2.3.3.

Артикуляционные изменения, выходящие за пределы зоны рассеивания назальных согласных

2.3.3.1.

Изменение назальных согласных в результате регрессивной ассимиляции

Этот вид изменения назальных согласных в рамках звуковой последовательности реализуется в виде взаимной мены сонантов губного и зубного ряда.

Регрессивную ассимиляцию *негубному* согласному, ведущую к изменению *m > n*, демонстрируют:

словацкие диалекты – *m > n* в позиции перед *t, d, l, r, t', d', l, j* и перед фрикативными согласными на стыке слов – *ponton to išlo, keron son dome, s ňin robit', mán ja, počiúvan d'al'ej, tan sa kúpali, bud'en strielat', jen šecko* (= *im*), *starin ženat, misin* (= *musim*) *čakat', zányki, ňeňka, jaňka, maňka* [Stanislav: 558, 559]; в [ASIJ, К. XXV] *ňetec* и *ňenci; fton súd'e* (= *tom*), *na našon ganĝu, strončok, dončok, fton dome, ňetán sena, s takín chírom* [Pauliny: 283];

болгарские – *кънту, пánта, седндесе, зински, мóнче, тьсьнчэ, ханчэ, мунци, рьнци, сен душил, сын гу бикнал, сѣден клáса, брѣнка, слánка, кóнка* [Стойков 1967: 132] – в этом говоре изменение *m > n* перед заднепечными согласными можно считать результатом не только ассимиляции по негубному локальному ряду, но и диссимиляции по тону – сочетание типа *nk* по тону более контрастно, чем *mk*, где оба согласных имеют низкий (велярный) тон; другие примеры – *дум* и *дúнкъм, фпрімчъ* и *прінкъ, кóнкъ* [Бояджиев 1972: 41], *кънту́* (= *кънто*) [Димчев: 267], *мунчэ* [БДА II, К. №100, с.65], *дъдѣн ти, рáнк'е, дорáнче* [Младенов 1969: 43], *дóнка, слánка, шýнка, дьнгá, мопчэ* [Младенов 1993: 65], *рún 'ин на дрýг'и д'ен, мýнч'е* [Калнынь, Попова: 117].

В серболужицких говорах возможно изменение *m > n > ŋ* – *na teŋ kvasu, zaŋkřetej, zaŋk* [Michalk: 56]; *zaŋk, zaŋkřć* [Jentsch: 280];

в хорватских и сербских – *kú:nstvo, mò:nci, pà:nti, kónšija* [Remetić: 466], *nijěsan znàla, osandèse:, sèdansto:, mòli:n se, íma:ŋ ga, mó:ŋka, pò:ntin, ošandèsè:t, mon'cina* [FO № 42], *ko:n'sija, osànde'se:t, 'sijeŋka, zna:ŋ ga* [FO № 71], *s'laŋka, 'mo:nčé, 'sa:n si k'ri:f* [FO № 75], *pànti:, sedandesè:t, glèda:ŋ ga*

[FO № 77]; это же фонстическое явление отмечено в [FO №№ 44а, 56, 65, 74]; *седандѣсе:m, осандѣсе:m, Хандија, мѡнчић, иницир, кѡнција, искѡнцијо: га, зѡпѡнти* [Пецо 1975: 154, 242]; диссимиляция по тону в сочетании *mk* реализуется в виде изменения *m > ń* – *ста:ńка* в [FO № 39]; *ѡтѡнски рѡт, кѡнѡсија, слѡнѣца, пѡнтим, зѡпѡнтиѣ* [Baotić: 93];

в словенских – *ѡ:ńѣс* (= вымя) [FO № 148], *'si:nsweti* [Zorko: 104], *'se:n's'vetę* [Weiss: 337]; *зѡґка, слѡґка, зински, визѣнски, нѡнѡски* (< *nѣmѡски*), *ѡнѡчки* (< *јамиѡчки*), *нѣи n daję* (< *naj mi dajo*) [Ramovš 1924: 87]; *па:nѡа, рRѣ:nѡа, ѡ:sѡndeset* [Škofic 1997: 184];

в украинском – в комментариях к [АУМ 2 К. № 142] приведен результат изменения *mt > nt* в *тантѡѡ*.

Регрессивная ассимиляция репрезентируется также изменением *n > m* перед губными согласными.

Словацкие говоры – *пѡм боch, hamba, hambim sa, ѡemba* (= *ѡemba*), *чрѡmbа, камва, поchвѡлем pan, komvencia, гѡmbѡлија* (= *konvѡliа*), *brombol'ec / brnbolec, aspom пѡmбоѡsko, tem pes, sim moj, edom vel'ki, lem bied'iѡ, vom boѡ, tem tu, t'em пѡm фарѡr'*, (но *ten som boѡ*), *grumbuch* [Stanislav,: 556, 559; Pauliny: 284];

чешские – *пѡmbu, klemba, hamba, пампѡтер, komve* [Komárek: 66];

верхнелужицкий говор в [Jentsch] – *hѡmba < n'b* (235), *homf* < Hanf (237), *k'emб'єRk* < Callenberg (241), *fѡmve* < flnf (252), *zombark* < Sonnenberg (282), *zembf* < Scnf (281);

словенские – *brѡmbа, kѡ om pyšѡ, am бѡlan, dѣm пѣs, wѡm pa wѡna* [Ramovš 1924: 85]; *варѡ:mба, свѡрѡ:mба* [FO № 8]; *ам'па:r, ѡ'па:mpet* [Kenda-Jež: 222]; *'ampo* [Zorko: 104];

хорватские, сербские – изменение *n > m* отмечено в [FO] во многих пунктах, но примеры, иллюстрирующие это, немногочисленны: *jedompi:t, ximben* (№ 42), *јѡmpѡt, 'falam 'Bo:k* (№ 31), *jedѡmpут, стрѡмпѡтица, стѡмбени* [Пецо 1975: 242];

болгарские – *фѡлим бѡдѡ* [Стойков 1967: 132]; *ѡифѡрт, броѡфѡт, ѡѡвал'ѡт* [Калнынь, Попова: 155]; варьирование *m* и *n* перед *b* – *бѡмбѡн / бѡнбѡне, бѡмбѡну / бѡнбѡну, лѡмбантин / лѡнбатин, з'ѡмб'ѡл / з'ѡнб'ѡл, бѡмбѡшиѡ / бѡнбѡшиѡ* [Бояджиев 1972: 41]; изменение *n > m* перед *k* (свойственно разговорной речи): *бѡмка, плюмка* [Стойков 1961: 158] – в этой ситуации имеет место ассимиляция по велярности/низкому тону; то же в *Хумгѡр'ѡа* [Калнынь, Попова: 117];

севернорусский – *памбѡрхат, Домбѡс, комв'ѣрт* (Холмогорский р-н Архангельской обл.); изменение *n > m* перед губным согласным свойственно и русской литературной речи [Аванесов 1974: 194].

В польских говорах, имеющих континуанты *eN, oN* на месте **ɛ, *ɔ*, назальный компонент сегмента унифицирован по ряду со следующим согласным (губным, зубным, задненебным).

Мена *ml > vl* (ассимиляция по отсутствию назальности) имеет место в *длова:ни* (= *onomlani*) [Пецо 1975: 243].

Замена губного сонанта спирантом *ʏ* перед согласным *k* репрезентирует ассимиляцию по отсутствию губного смыкания в украинских говорах – *за-ўк'нула* [в материале АУМ 3, 364]. И, напротив, ассимиляция по губному смыканию в *с'томбур* из *стоўбур* [АУМ 3, 443]. Сближение по месту образования в *комфискува́ли* и *денкрат* (< *mk*) в гуцульском говоре (Путильский р-н).

Ассимиляция по месту образования лежит в основе изменения *n > n'* перед иепередненебными спирантами *ʒ, ʃ* в севернорусском говоре – *омма́н > омма́н'шык, ʘ'ingá > зац'ин'жел'и, в'ел'ikán > в'ел'ikán'ша* (Холмогорский р-н Архангельской обл.). При образовании *ʃ, ʒ* конец языка приближается к более заднему / менее переднему сегменту твердого неба, чем при *n*. Передвижение смычки согласного *n* в более заднюю зону сопровождается изменением корональной формы языка в дорсальную, что и дает палатализованный сонант *n'*.

В [Ramovš 1924: 91] именно как результат уподобления по месту образования квалифицируется изменение *n > n'* перед задненебным согласным в словенских говорах – *cińk, ʘańk, řeńk, ańjɕ, slovəńka, cɕʘańka, ʘřeńko, zāńka, ostarńiki, vāńk, vrāńjka*. В этом случае также происходит передвижение смычки сонанта в более заднюю зону.

Такое же явление отмечено в сербском говоре в [Baotić: 92] – *firańga, řtańga, řuńka, řuńkarica*.

2.3.3.2.

Изменение назальных согласных в результате прогрессивной ассимиляции

Такая мена носовых согласных друг с другом представлена в словенских говорах в виде *m > n* после зубного согласного: *sé: dŋ* [FO № 8], *'sa: iđŋ, 'a: usŋ* [FO № 18], *'si: dŋ, 'u: sŋ, 'pi: sŋ* (*pesem*) [FO № 19]. В македонском – *omne* (< *tm*), *uzne* (< *zm*) [Видоески 1998: 98].

В польском говоре [OF 1984: № 295] изменение *n > m'* после *ɥ* (из *l*) в *żoɥm'ize* (= *żołnierz*) репрезентирует уподобление сонанта предшествующему губному спиранту по ряду.

По своему внешнему виду проявлением прогрессивной диссимиляции выглядит изменение *n > n'* после взрывных задненебных согласных. Это отмечено в: словенских говорах – *gńūs, gńésti, gńév, gńida, jāgńe* [Ramovš 1924: 91];

хорватских и сербских – *gňoj, gňie:z'de* [FO № 29], *gňò:j, gňi:zdo, gňile:n* (№ 45), *gňò:j, izàghat, gňùša:* (№ 65), *'legñe, gňi:li, g'ñetav, na'takñeš, 'nikñe, k'ñiga* (№ 69), *dign'e, uprè:gn'e, za'makn'i* (№ 80); *gňòj, zagňòjilo gňizdo* [Baotić: 92].

В консонантном сочетании происходит расподобление согласных по высоте тона – низкий тон *k, g* и высокий – *ñ*. Однако этот контраст можно рассматривать как явление вторичное, сопровождающее первичный импульс сближения места образования сонанта и заднеязычного взрывного согласного. При артикуляции *n* смычка языка со сводом полости рта охватывает заднюю сторону верхних зубов и десны и передний край твердого неба. В ходе уподобления сонанта предшествующему заднеязычному смычка сонанта сдвигается назад в зону среднего неба. Для сонанта это автоматически означает повышение собственного тона, т. е. *n > ñ*. По существу это тот же артикуляционный сдвиг, который превращает *n* в *ŋ* перед заднеязычным согласным. Но *перед* заднеязычным согласным ничто не мешает передвинуться артикуляции сонанта в заднеязычный ряд, а *после* заднеязычного этому мешает смычка, уже реализованная до начала артикулирования сонанта. Сближению места образования сонанта с предшествующим заднеязычным, вероятно, способствует напряженная артикуляция шумного согласного. Так, в описании словенского говора [FO № 17] сказано, что в условиях эмоциональной речи, по определению фонетически более напряженной, после *k, g* появляется назальный палатальный спирант *ʃ* вместо *n* – *g'ʃe:st, g'ʃezdi se, k'ʃes*; при этом назализованным становится и гласный после сонанта.

Ассимиляции по отсутствию назальности в виде изменения *gñ > gl'* в словенском говоре показана в [Ratovš 1944: 97] в примере *məgléne*.

В [ДАРЯ К.79, с. 183] отражена свойственная некоторым русским говорам прогрессивная ассимиляция назального латеральному, т. е. *l'n' > l'l'* – *учíte[л'л']ица, бо[л'л']ица, колоко[л'л']я, испо[л'л']ите[л'л']ий, по-неде[л'л']ик, [л'л']аной*.

2.3.3.3.

Изменение назальных согласных в результате регрессивной диссимилиации

Такое изменение в группе [носовой сонант + губной согласный] происходит в виде *m > n*:

русские говоры – *конб'инат, т'енн'ерату́ра, йонба* (= топоним Емба), *контлес, шаньун'и́а, конбайо́р, онба́р, ту́мба, канфоро́войо ма́сло* (Тотемский р-н Вологодской обл.), *бонб'ит, л'ин'н'и́йда* (Холмогорский р-н Архангельской обл.), *капю́т, ла́нна, т'ьнн'ира́ту́ра, шаньну́н'* (*mn > nn > nñ*),

кѣнб'іжсѣр, канфѣрнѣѣа мѣсла (Моршанский р-н Тамбовской обл.). Эта диссимиляция представлена и в русском просторечии [Аванесов 1974: 194];

белорусский полесский говор – л'аппа, канбѣѣ, канб'ікѣрм, анбѣн, канпѣт (Лунинецкий р-н.);

болгарский говор – плѣвам, штѣнвам, сѣн бѣл [Стойков 1967: 132, 141].

словенские говоры – изменение *n > m* перед следующим зубным и переднеязычным согласным в 'ku:mšt, 'samce, 'jumc (= junec), pred'lo:msko, 'ku:umšp, 'namč (< поцпч), 'nu:umca (< nupca) [Zorko: 206, 262]; изменение *m > n* перед *k* демонстрирует диссимиляцию по веларности, которая однако компенсируется заднеязычным *ŋ* – 'sè:dəŋka, 'vəsəŋka, 'kò:leŋkišta (kò:ləm = уголь) [Weiss: 337].

Диссимиляция, ведущая к замене зубного сонанта губным перед негубным согласным, отмечена в словацких говорах – kumšt, komšeu, rimski (= rýnski) [Stanislav: 556]. В сербском – bəmzīm, pémzija [Baotić: 92]. Явление такого же типа представлено в болгарском говоре произношением кумс'ѣрв'и, вимзѣвт [Калнынь, Попова: 117, 118].

Диссимиляция по высоте тона в виде изменение *m > n* перед *k* в хорватском примере slā:nka [FO № 39].

В материалах [АУМ 3, вопрос 443] приводится пример изменения *ѣб > мб* – с'томбур, ш'томбур. Расстояние между губными согласными увеличивается благодаря замене первого согласного назальным сонантом (первый согласный диссимилируется второму).

2.3.3.4.

Изменение назальных согласных в результате прогрессивной диссимиляции

Как показано выше, изменения такого рода происходят в сочетании *mn* (*mlogo*) (2.1.5.) Пример *sn > sm* отмечен в болгарском – песни (= песни) [Стойков 1967: 80].

2.3.4.

Развитие вторичного назального сонанта

В словенских говорах может происходить развитие этимологически не мотивированного / вторичного назального сонанта в позиции V–C. Это вызвано, как сказано в [Rigler: 186], кратким колебанием увулы при переходе от гласного к согласному, что создает эффект назальности и дает произношение

štēinge, barantūt, špānciērat, compāt, nāngəl; другие примеры – *'buntara, po'ruŋg]*, *'tumpast, 'žomft, 'tɔmf* [Zorko: 229] (изменение вторичного *n > m* перед губным согласным).

Явление связывается специально с назальностью согласного перед гласным в [Zorko: 263] – запоздалый выход языка из положения назального согласного способствует передачи элемента назальности гласному и далее развитию перед согласным назального сонанта. Именно так объяснено произношение *pepel'ninca, peč'ninca, čet'niŋk, pš'ninca* (с. 229), *čər'nənce, les'nəŋka, 'mɔ:ŋka, 'ja:ŋga* (= *njega*), *'namč* (= *noč*), *pše'ni:ŋca, res'nəncsa, s'me:ŋtje, s'ne:ŋk, vɔde'ni:ŋčr, 'mɔnčnjk* и др. (с. 263).

Вставной *n* отражается на словообразовании, преобразуя суффикс *-ak > -aŋk* – *ku'ku:ičjaŋk, 'ku:rjaŋk, 'li:əšjaŋk, s'li:ədjaŋk* [Zorko: 106]; *-ek > -enk* – *'pa:ɥlenk, pon'da:ilenk* [Koletnik 2001a: 99]. Парадигма существительных, оканчивающихся на *l, lj*, имеет назальный согласный после латерального [Rigler: 186]. Примеры из [Zorko: 105] – *'a:ix]na, 'no:g]na, 'pa:ɥ]na* (от *Pa:ɥl*), *k'la:d]na, 'pe:t]na* и др.

Вероятно, развитие вторичного/вставного назального согласного отражает особенности артикуляционной базы соответствующих словенских говоров.

2.4.

Особенности назальных согласных как синтагматического класса

Изменения в консонантных группах, содержащих носовой сонант, возможно, не исчерпываются примерами, приведенными выше. Тем не менее, они и в таком составе дают основание судить о синтагматической специфике класса назальных сонантов в фонетике славянских диалектов.

Назальные согласные, как зубного, так и губного ряда, синтагматически достаточно активны. Они стимулируют *регрессивную* ассимиляцию и диссимиляцию согласных, находящихся перед *m, n*.

Ассимиляция выражается в снижении контраста между согласными:

1) по сонорности и по способу образования (*bm > mm; bn > mn, vn; dn > nn, dn > rn, ln; tn > nn*);

2) только по способу образования в зоне сонорности (*vn > mn; ln > nn; ml > mn*);

3) по сонорности и месту образования (*dm > mm*);

4) по месту образования (*mn > nm; k'ń, g'ń > t'ń, d'ń*);

Регрессивная *диссимилиция*, обусловленная сонантами m, n , увеличивает контраст между рядом стоящими согласными по таким характеристикам, как:

1) место образования ($bm > gm; dm > gm; tm > km; dn > gn; tn > kn; dn > rn$); при изменении $dn > rn$ меняется не только место образования первого согласного, но и происходит его ассимиляция по сонорности;

2) уровень сонорности, когда сонорный компонент сочетания заменяется шумным согласным ($vm > xm; mn > bn, xn; nn > dn$); диссимилиция по сонорности для m, n сопровождается изменением способа образования, когда носовой резонатор заменяется ротовым;

3) способ образования в зоне сонорности ($nm > jm, nm > jn, mn > vn$); изменение $mn > vn$ можно считать и ассимиляцией по месту образования, поскольку билабиальная артикуляция заменяется лабиодентальной, а дентальное сближение свойственно n .

Носовые сонанты становятся *объектом* синтагматического воздействия со стороны соседних согласных в сочетаниях типа SonC (C = шумный согласный).

Уподобление по месту образования выражается в изменении $m > n$ перед негубными согласными, $n > m$ перед губными, $n > \eta$ перед заднеязычными. К этому же типу относится изменение [$m > n, n$ перед k], [$n > n$ перед z, s], поскольку уменьшает артикуляционное расстояние между сочетающимися согласными, так как артикуляция сонанта сдвигается в направлении к шумному согласному.

Перед шумными согласными происходит и регрессивная диссимилиция сонантов, выраженная в изменении $m > n$ перед губным согласным и, более редко, $n > m$ перед негубным согласным.

Особый вид синтагматического изменения состоит в позиционном повышении уровня голосности/сонорности сонанта (или – понижении уровня его консонантности) в виде устранения смычки в артикуляции сонанта и превращении его в проходной согласный, т.е. $n > v, m > \mu$.

Выступая в качестве второго компонента сочетания, сонанты в качестве объекта синтагматического воздействия подвергаются, хотя и редко, *прогрессивной* ассимиляции и диссимилиции. Это – уподобление по месту образования ($dm > dn, tm > tn, sm > sn, zm > zn, gn > gn$), расподобление по способу образования в зоне сонорности ($mn > ml$), по месту образования ($sn > sm$ – один болгарский пример).

Как явствует из сказанного, синтагматическая экспликация назальных согласных в славянских диалектах весьма разнообразна. Одни и те же сочетания, содержащие сонант, изменяются по-разному и с неодинаковой частотой в разных диалектах. Сонанты могут, как стимулировать изменение в консонантной группе, так и быть объектом воздействия со стороны другого компо-

нента сочетания. Сонанты участвуют как в прогрессивно, так и регрессивно направленных изменениях. Специфика синтагматики назальных согласных выделяет их в качестве своеобразного компонента славянской фонетики.

При описании фонетики одного диалекта изменение в консонантном сочетании оценивается как конкретное проявление артикуляционного уподобления/расподобления рядом стоящих согласных. В применении к собранию диалектов разных языков такие конкретные объяснения создают впечатление исключительной индивидуализации синтагматического поведения одинаковых сочетаний. Всякое изменение в звуковой последовательности ориентировано на произносительное удобство – фонетическое изменение в принципе не может стремиться к затруднению произношения. Но оказывается, что это удобство ощущаются по-разному в разных славянских диалектах, поскольку в них согласные сходной артикуляции по-разному ведут себя в идентичных консонантных сочетаниях. Можно думать, что причина неодинакового отношения одних и тех же сочетаний к возможности изменения как такового и разнообразия изменений, в них происходящих, кроется не только и не столько в артикуляционной специфике сегмента, а отражает некоторые общие свойства фонетики данного идиома.

Одним из таких свойств может быть уровень сохранности архаических отношений при образовании консонантной последовательности. Имеется в виду следующее.

Образование звуковой последовательности в рамках фонетического слова репрезентирует два вида связи между звуками. Контактная связь присутствует в любом сочетании, когда второй звук образуется непосредственно после реализации первого. В этих условиях первый звук может влиять на артикуляцию второго, т.е. артикуляция первого звука как бы распространяется на второй (произносительная инерция) и происходит прогрессивно направленное изменение в сегменте. В славянских диалектах прогрессивно направленное изменение в группах согласных редко носит диссимилятивный характер – при образовании согласного конфронтация непосредственно предшествующей артикуляции затруднена. Другой вид связи – это дистактная связь, когда выбор первого звука происходит до произнесения второго, а лишь в предвидении/ожидании его. Дистактная связь лежит в основе регрессивно направленных фонетических изменений. Даже в группе рядом стоящих звуков первый звук формирует свое артикуляционное намерение в предвидении еще не произнесенного, а лишь только ожидаемого звука. Именно поэтому О. Брок писал, что регрессивно направление изменения основано на принципе антиципации [Брок: 168].

Контактная и дистактная связи между согласными в фонетическом слове имеют разную хронологию. Контактная связь – это онтологическое свойство любой связно произнесенной звуковой последовательности вне хронологических ограничений. Дистактная связь – это инновация, поскольку становится актуальной в славянских диалектах, в основном, после падения редуцированных, когда нарушился стереотип слова как последовательности открытых слогов и расширился ассортимент консонантных сочетаний

Имея в виду актуализацию этих по-разному хронологически маркированных связей, можно следующим образом классифицировать рассмотренные изменения в консонантных сочетаниях.

Немногие зафиксированные изменения, в основе которых лежит контактная связь, т.е. онтологическая зависимость второго согласного от первого, представлены в южнославянских диалектах. Стимул артикуляционного изменения исходит от первого компонента в $dm > dn$, $sm > sn$ (словен.), $gn > gn̄$ (хорв., серб.), $ml > mn$ (серб.), $mn > ml$ (словен., хорв., серб., болг.). Это – архаичский компонент фонетики соответствующих диалектов.

Однако основной состав изменений в консонантных сочетаниях, содержащих назальный сонант, имеет регрессивную направленность, т.е. регулируется дистактными связями между согласными, или антиципацией второго согласного при выборе первого.

Логика регрессивной ассимиляции в сочетаниях, содержащих сонант, соответствует представлению о произносительном удобстве, поскольку артикуляционный контраст или устраняется ($bm > mm$, $dn > nn$), или становится менее выраженным ($nb > mb$, $bn > vn$, $vn > mn$).

Мотивы регрессивной диссимиляции не всегда лежат на поверхности. Таково изменение, при котором увеличение артикуляционного контраста между согласными достигается за счет передвижения первого компонента сочетания (позиция перед назальным) из губного или зубного ряда в задненебный. Это – $bm > gm$, $dm > gm$, $tm > km$, $dn > gn$, $tn > kn$, $vm > xm$, $mn > xn$. При этом в изменении $d, t > g, k$ перед m присутствует и элемент ассимиляции по веллярности (активность задней части языка), свойственной губным и задненебным согласным. Передвижение согласных в задненебный ряд выглядит как усложнение звуковой цепи, поскольку увеличивается расстояние по месту образования между рядом стоящими согласными. Однако это же изменение может быть квалифицировано и по-иному, а именно – как реализация более удобного шумопрохождения в линейной звуковой последовательности. В перечисленных сочетаниях артикуляция первого согласного перемещается в задненебный ряд, а второй согласный продолжает оставаться в более передней зоне. Это способствует тому, что развитие шума движется по каналу зву-

чания в соответствии с естественным прохождением звука, т.е. от голосовых связок вперед. Перестройка консонантной последовательности в соответствии с естественным направлением шумопрохождения устраняет сложные фаукальные артикуляции *bm, dn*. При такой интерпретации изменение $b, d > g, t > k$ можно рассматривать как вариант упрощения артикуляции в рамках консонантного сочетания и считать, что диссимилятивная по виду перестройка имеет те же последствия, что и ассимиляция. Как сказано выше, не вполне лишь ясен механизм замены согласного, образуемого с голосом, глухим спирантом в сочетаниях *vn, mn*.

Пример изменения, внешне выглядящего как диссимиляция, но являющегося по своему первичному импульсу ассимиляцией по месту образования, демонстрируют $gn > g'n$, изменение $n > n'$ перед переднеязычными согласными *š, ž*.

Настоящая диссимиляция представлена изменениями $mn > vn, ml; mb > nb; nš > mš, sn > sm$ (один болгарский пример).

2.5

Парадигматический аспект синтагматики назальных согласных

Мотивировка изменений, которым подвергаются в звуковой последовательности назальные согласные, может быть рассмотрена и через призму парадигматических характеристик. Имеем в виду следующее.

В славянской лингвистической традиции принято считать, что носовые сонанты *m, m', n, n'* реализуют фонемы, в характеристику которых входит ДП назальности.

Согласно Н.С. Трубецкому, назальность относится к числу резонансных признаков, и противопоставление по этому признаку образует одномерную оппозицию между взрывными и носовыми согласными. Поскольку оппозиция «обнаруживается, по крайней мере, в двух локальных рядах: лабиальном и апиальном ($d - n = b - m$)», то она является и пропорциональной. Привативность оппозиции (наличие/отсутствие назальности) в комбинации с одномерностью и пропорциональностью характеризует противопоставление взрывных и носовых согласных как назальную корреляцию [Трубецкой: 199].

Ситуация с носовыми сонантами в славянских языках не вполне укладывается в эту схему. Здесь оппонентом носового согласного в зубном ряду может быть не только взрывной согласный, но и латеральный сонант, и эта оп-

позиция имеет существенное значение для определения фонемного статуса носовых согласных.

В губном и зубном ряду согласные дифференцированы по способу образования – взрывному, фрикативному, смычно-проходному. Назальность сочетается лишь со смычно-проходным образованием. Но только в зубном ряду возможно противопоставление смычно-проходных согласных, различающихся наличием/отсутствием назальности (использованием носового резонатора). Это – /*n/* - /*l/*, /*n' /* - /*l' /*. Губной сонант реализует смычно-проходную фонему, не имеющую в своем ряду неназального оппонента того же способа образования. Назальность согласных *m, m'* не используется как единственное различие между образующими оппозицию согласными. Назальность только сопровождает смычно-проходное образование в сочетании с локализацией в губном ряду. Это означает, что фонемы /*m/* и /*n/* (а также /*m' /* и /*n' /*) различаются локальным рядом, наличием ДП назальности у /*n/*, /*n' /* и отсутствием характеристики относительно назальности у /*m/*, т.е. /*n/* имеет четыре ДП (включая отношение к ДП твердости-мягкости), а /*m/* – три или два (в зависимости от включения/невключения ДП твердости-мягкости). При такой интерпретации фонем, реализованных носовыми сонантами, нельзя констатировать назальную корреляцию, распространяемую на два локальных ряда. При отсутствии же корреляции твердости мягкости противопоставление /*n/* - /*l/* носит изолированный характер.

В системе, где есть назальная корреляция, можно ожидать появления фактов, указывающих на ее нейтрализацию. Н.С. Трубецкой приводит пример такой нейтрализации, эксплицированной варьированием взрывных *p, t, k* и носовых *m, n, ŋ* в одной и той же позиции. Но пример этот не славянский и относится к языку, имеющему только глухие взрывные [Трубецкой: 199].

Полагая, что фонемный статус звука и его синтагматика взаимосвязаны, рассмотрим с этой точки зрения поведение носовых сонантов в линейной звуковой последовательности.

Особенностью рассмотренных изменений в консонантных сочетаниях, содержащих сонант, является то, что ни одно из них не проводится настолько последовательно, чтобы полностью устранить изменяемое сочетание, т.е. свидетельствовать о его запрещенности. Изменения носят характер более или менее последовательно реализуемой тенденции, а не синтагматического правила, т.е. разрешения/запрещения на определенные сочетания. Эта непоследовательность изменения допускает фонетическое варьирование словоформы и тем самым – варьирование его фонемного состава. Но при последовательном (безысключительном) осуществлении тех же изменений в консонантных

группах их результаты в свете фонематической характеристики носовых могли бы быть интерпретированы следующим образом.

При изменении $b > m$, $m' > n$, $d > n$, n' перед носовым сонантом происходит чередование согласных одного ряда и разного способа образования – [взрывной ~ смычно-проходной]. Хотя это чередование могло бы быть следствием и проявлением синтагматической запрещенности b, d перед m, n , его нельзя интерпретировать как проявление нейтрализации фонемной оппозиции по способу образования, реализованной названными шумными согласными и сонантами, т.е. /b/ - /m/, /d/ - /n/.

Устранение из позиции перед сонорными согласными звонких губных и зубных взрывных не ведет к изменению фонематической характеристики относительно способа образования тех носовых согласных, которые выступают в роли замены взрывных шумных. Сонорные носовые согласные, каждый в своем ряду, функционально одинаково противопоставлены по способу образования как глухим, так и звонким согласным своего ряда. В оппозициях /b/ - /m/, /p/ - /m/, /d/ - /n/, /t/ - /n/ релевантно различие в способе образования: взрывной – смычно-проходной в губном ряду, взрывной – смычно-проходной назальный (так как есть /d/ - /l/, /t/ - /l/) в зубном ряду. Различие относительно участия голоса в перечисленных оппозициях функционально незначимо. Для фонематического элемента, реализованного шумным согласным, функциональное значение глухости-звонкости проявляется за пределами оппозиции «шумный – сонорный»; для сонорных участие голоса нерелевантно, поскольку никогда не используется в качестве единственного различия между образующими оппозицию согласными. Хотя при последовательно проведенной ассимиляции в группах bm , dn устраняется противопоставление $b-m$ перед m , $d-n$ перед n , тем не менее, сонанты, заменившие собою взрывные согласные не меняют свою характеристику, поскольку она поддерживается оппозицией $m-p$, $n-t$. Изменение в функциональную характеристику относительно способа образования m перед m и n перед n могло бы быть внесено только в том случае, если бы перед сонорными были запрещены как звонкие, так и глухие губные и зубные взрывные (т.е. $b, p > m$ перед m ; $d, t > n$ перед n).

Не меняет фонематической характеристики губного назального и изменение $vn > mn$: даже при последовательном проведении этого изменения остается оппозиция /f/-/m/ перед n

Констатация одинакового отношения между /p/, /b/ и /m/, между /v/, /f/ и /m/, между /t/, /d/ и /n/ не означает, что из этого суждения можно сделать вывод о тождестве глухих и звонких шумных фонем. Совокупность ДП каждой фонемы выявляется на основе ее противопоставления всем другим фонемам данного языка. Однако не в каждой отдельной оппозиции актуализируются

все ДП фонемы. Именно в противопоставлении с носовыми согласными функционально не проявляется ДП участия голоса у шумных согласных.

Фонематические последствия имеет ассимиляция *ln, ln' > nn, nn'*. Фонемы /l/ и /n/ имеют одинаковый ряд (зубной) и одинаковый способ образования (смычно-проходной). Различаются они наличием/отсутствием назальности, и это различие снимается в позиции перед *n, n'*, как показывает изменение *вбл'а – закбна > в'инно, закбнно; йечм'ин – с'ил' > йечм'инна, с'иниц'а* (бойковский говор, Турковский р-н Львовской обл.).

Ассимилятивные и диссимилятивные изменения носовых согласных, чаще перед шумными согласными, нередко рассматриваются как проявление нейтрализации противопоставленных по ряду носовых согласных. Эту идею так аргументирует Н.С.Трубецкой: «В тех языках, где существуют только два носовых (обычно *m* и *n*), они противопоставлены как члены одномерной оппозиции, параллелизм которой с *b-d, p-t* не очень ярко выражен как раз благодаря ее одномерному характеру; ведь *m* и *n* являются единственными носовыми, тогда как *p* и *t* не являются единственными глухими, а *b* и *d* единственными звонкими. Благодаря этому обстоятельству связь между фонемами *m-n* и фонемами *p-t* (или *b-d* и т. д.) ослаблена, а отношение *m-n* иной раз обнаруживает тенденцию стать привативным, причем *m* оказывается в таком случае маркированным, а *n* – немаркированным членом оппозиции», и далее констатируется возможность нейтрализации этой оппозиции, в том числе и перед согласным, когда представитель архифонемы обусловлен внешне: он приспосабливается к локальному ряду следующего согласного [Трубецкой: 202].

Этого положения придерживается и Р.И. Аванесов. Рассматривая сочетания *m, n* с шумными согласными в русском просторечии, он делает вывод о том, что *m* и *n* находятся в отношении дополнительного распределения. Губной назальный согласный преимущественно сочетается с губными, а *n* – с зубными согласными. Поэтому Р.И. Аванесов считает локальный ряд носового согласного перед губными и зубными взрывными согласными признаком функционально незначимым, позиционно связанным [Аванесов 1974: 191]. Именно потому, что перед губными и зубными взрывными функционально значимой оказывается только назальность согласного, становится возможным, по мнению Р.И. Аванесова, диссимилятивное изменение *m > n* перед взрывными губными. Хотя Р.И. Аванесов, сообразно концепции МФШ, не использовал понятие «нейтрализация», в предложенном им объяснении речь идет именно об этом.

О нейтрализации оппозиции /*m*-/*n*/ говорится в [FO]. Так, в хорватских говорах – происходит нейтрализация в пользу *m* (№ 153); в пользу *m* перед губными, в пользу *n* – перед задненебными (№ 39); в сербских – нейтрализа-

ция в пользу *n* перед губными согласными (№ 55); оппозиция /*m*/ - /*n*/ нейтрализуется перед губными (№ 84) и т.д. Как нейтрализацию противопоставления /*m*/-/*n*/ расценивает мену носовых сонантов в болгарском говоре [Бояджиев 1972: 41].

Однако идея нейтрализации оппозиции носовых согласных по локальному ряду не кажется бесспорной. Как было сказано, оппозиция /*m*/-/*n*/ не привативна, поскольку фонемы различаются не наличием/отсутствием одного признака – ДП локального ряда присущ обеим фонемам, а ДП назальности только одной фонеме, при том, что другая фонема вообще никак не эксплицирует свое отношение к этому признаку.

Факты ассимиляции и диссимиляции носовых сонантов в консонантных группах не подтверждают, что есть аналогия между рядом сонанта и последующего согласного, поскольку *m* > *n* перед *b, b', p, p', v*; *n* > *m* перед *š, s* и под. Несомненно, более частой является замена губного сонанта зубным и это независимо от качества второго согласного. Причину этого можно видеть в стремлении заменить согласный, назальность которого функционально незначима, фонематически более информативным элементом, имеющим ДП назальности, каковым и является *n*. Мена *m* и *n* перед согласными облегчается и тем обстоятельством, что почти исключает омонимию, поскольку консонантные сочетания, начинающиеся на *m*, отличаются сравнительно низкой частотой.

Наиболее показательным аргументом в пользу функциональной незначимости назальности губного сонанта является его замена зубным сонантом в конце слова. Финальная позиция в принципе исключает возможность воздействия на носовой сонант со стороны следующего согласного, т.е. функциональная характеристика сонорного согласного выступает в наиболее эксплицированном виде. Замена губного назального согласного зубным на конце слова свойственна некоторым славянским говорам.

Изменение *m* > *n* в конце словоформы обычно, но не всегда, происходит в тех морфемах, в которых *m* постоянно находится перед паузой, т.е. позиция перед паузой не может быть преобразована в позицию перед гласным или согласным в той же морфеме.

Словенские говоры – среди фонетических особенностей, присущих словенским диалектам, изменение *m* > *n* на конце слова названо в [Logar: 8]; в [FO] *dičlan, z brátren* (№ 2); *k'ravan, te'lē:tan, 'vu:can* (= ovcam), *m'lq:tin, 've:rjen, pən sa:n, 'pē:sen, s'ra:n* (= sram), *ta:n, čo:n* (= bom) (№ 11); *m* > *n*, если губной не сохраняется путем аналогии – *z b'ra:tan, 'de:juan, tan* (№ 13); *xođin, z b'raton, ka:n* (=kam) (№ 20); *'sa:jdq, 'a:uŕp* (№ 18), *že'neŋ, din, dqm* (№ 21); многочисленные примеры употребления *n* вместо *m* в конце падежных и глагольных форм приведены в [Koletnik 2001a: 98] – *po'ba:ron, 'si:non* (I sg), *'mizan,*

'sie:st^{ra}n (D pl), p'ra:vin, 'pi:šen, 'vi:di:n и др. В непоследовательности изменения *m > n* в резьянских говорах [Бодуэн де Куртене: 15] видит «пример того, как влияние аналогии мешает действию звукового закона»;

хорватские – в финальном положении, где нет морфологического чередования, нет оппозиции /n/ - /m/, а только /n/ – D pl 'materan, но jä:ra:m, dī:m [FO № 22]; в финальной позиции /m/ в N sg только в di:m при 'dima, но g'ri:n (и g'rima), kju'co:n, o'vi:n d'vi:n, 'si:nan, žeš 'šeštron, ti:n, 'mišlin, 'ja:šen, ni'sen, ja: bin, 'šedon, 'ošon, ta:n (№ 23); 'gru:n, 'osan, но 'di:m, pi't:om (№ 37); volin, ješò:n, 'šedan, ži:don, 'šilon, но и dò:m, grò:m, pütò:m (№ 42); типично далматинской особенностью названы примеры čùjēn, nè dān, stārī dōn, `idēn, svičēnikon [Peco 1980: 103]; kokošān, prácin, ovcān, ríčin, rūkōn, nōhgōn, nōžēn [Finka: 648], согласный *n* в этом говоре как бы получает значение сигнала конца слова и отмечен в формах Dat-Lok-Inst, где он как этимологически немотивированный звук произносится после гласного в dvīman, dvòjiman, ŋjīman, trīman; в этом же говоре этимологически немотивирован *m* в dumbòk, dumbončiji;

сербские – òsan dana, sèda:n, mòlin, rábotan, kópa:n, ide:n, s mà:lijen tràktorom – замена губного сонанта зубным на стыке слов может быть связана и с позицией перед зубным согласным [Remetić: 472]; sedan, osan, na vratin, po raskršćin, sa čeljadeton, trnovin koon, s nožinon, nisan, vraćan se, rukan, sestron, man, među kozan, tobon, sobon, ljubin [Peco 1980: 118, 119]; mlā:tin, òsan [FO № 56], 'imā:n, ov'co:n, pu:'ton (№ 72);

болгарские – sedīn, bépin, dójn, céjn, сън, ман [Младенов 1993: 199]; отмечено варьирование 1 sg praes съм / сън в [БДА IV, К. № 104];

словацкие – в [ASIJ K. XXV, 5] изоглоссой показано произношение *n* вместо *m* в sed'en, osen, id'en, z ocon, zen, nán, ván, а также chlapon, son, volán [Stanislav: 559].

В [Pauliny: 283] дано описание вариантов этого явления в разных словацких говорах. Так, в восточном Новограде каждый конечный *m* заменяется сонантом *n* и перед словом, начинающемся на гласный и негубной согласный – robotu mán a robot' si ňemóžen; son ej prisahala; то же в [Stanislav: 559] – poton to išlo, keron son dome, s ňin robot' mán ja, počūvan d'álej, buđen strílat, jin šecko (= im), starin ženám, misín čakal'.

В западном Новограде – финальные *n, ň > m* перед паузой и перед словом, которое начинается на гласный или губной согласный – sem (= syn), dam, dobrockím vrchon, tem pam farár, vom боу mašiñista; если же после *n* следует слово, начинающееся на негубной согласный, то *n* сохраняется, а *m > n* – tam e l'en takí mladi; tan do zeme; ja mán tan d'joŋku; ňevjen kel'ko. Выделяется и третья область, где каждый согласный *m* в конце слова заменяется на *n* – poton

teda, pod jeden stron, čo ten tan robí, čo tu robín?, mán tu starího oca. Отмечено, что *m* на конце морфемы и на конце слова заменяется не только согласным *n*, но и «неопределенным губным консонантным носовым звуком перед каждым негубным согласным» – *strončok, dončok, f ton dome, ňemán sena, s takín chirom prišla* [Pauliny: 283]. То же в [Stanislav: 559] – *sim moj, edom veľki, ľem biediŕy, vom boŕ, tem mi, na bubem udreŕi*.

В словенском говоре [FO № 21] замена конечного сонанта *m* зубным назальным согласным квалифицируется как нейтрализация оппозиции /*n*/ - /*m*/. Однако замена не проводится настолько последовательно, чтобы полностью исключить *m* в финальной позиции (ср. оппозицию *din* – *dom*). Кроме того, во флексиях, где носовой согласный постоянно находится в одной и той же позиции, синхронно ничто не указывает на происхождение *n* из *m* (ср. флексии I sg, D pl, I sg praes). Изменение *m* > *n* в конце словоформы лишь увеличивает в этой позиции частоту фонемы, назальность которой функционально значима. В таком примере, как *grin*, Gen *g'rima* (FO № 32), имеет место чередование фонем /*n*/ и /*m*/.

Существует мнение, что замена финального *m* зубным назальным сонантом является следствием контакта южнославянских диалектов с романскими [Sławski: 44; Lencek 1981; Lencek 1983: 187]. Если это так, то явление интерференции могло иметь место именно потому, что в славянских диалектах были для этого фонематические предпосылки в виде функциональной незначимости назальности у губного сонанта *m*. В [Младенов 1993: 199] замена финального губного назального зубным считается результатом внутреннего развития диалекта.

Замена губного назального согласного зубным не только на конце слова, но иногда также и перед гласным в отдельных словоформах, встречается в других диалектах. Так, в болгарских говорах – *салгън, сусън, организиана* и *Максине* [Младенов 1966: 59]; *плъчим / плъчин, биръм / бирѣн, тиръм / тирѣн* [Кочев: 66]; *н'умо / н'ун'о* [Виденов: 70]. В словенском – *'ni:əmo* (= *mimo*) [Zorko: 229]. В русских говорах *n* вместо *m* часто произносится в слове *санонряха*; в севернорусском говоре – *н'умо, с'уноц'ка* (Холмогорский р-н Архангельской обл.). В нижнелужицких – *saňak, saňica, ňack'i* [Калнынь 1967: 200].

Проявлением того, что назальность *n* функционально более значима, чем назальность *m*, является упрощение *mn'* > *n'* в польских говорах – *ňasto, żeňa, kaňeň*, а также *m'* > *n'* после согласного – *šny'rc, šniga, ječheň, Varňija*; как следствие этого, может наступить отождествление *mń* и *ń* как репрезентантов назальности, что выражается в смешении этих сегментов – *mńiska, mńitka, mńecka, mńizac, śmńy'k* (= *śnieg*), *śmńadaňe, zmńiknoć* [Klemensiewicz: 153; Nitsch: 45]. Возможна и обратная замена *n* > *m*. В [Doroszewski: 14, 50, 68]

приводятся примеры *m'isko, m'imcuř, žolm'ize, kolm'is, ěezu, paěeta*. Здесь же автор дает перечень последовательных ступеней перехода от *m'* к *n'*. Это – задержка движения палатальности; назализация *j*; отождествление моментов губной смычки и движения палатальности; утрата губной смычки. В сознании говорящих, пишет В. Дорошевки, может утвердиться смежность (oboczność) *m'* и *n'*, и в результате ощущения факультативности каждого из этих звуков один появляется на месте другого. В [OF 1984] показано произношение *ěeřa* (= *mieszka*), *luřaěi, xěel, žeěeě, jecěeě, ěeřa / m'ez, a, řaěe / řaměe, řoěeě, ěoěa / měoěa, paěenta, řeěe / řem'e, řoěanu, bžeěe, ěino / měinoě, žeěo / řeměo*: Определяется это то как результат изменения *m' > mě > n'* (с. 16, 30, 40, 55, 60, 84, 106), то как *m' > n'* (с. 68) (в последнем случае имеются в виду примеры *bžeěe, ěeřa, řeěe*). Пример обратной замены, *n' > mě* в *řměadaěe* (с. 50). В [OF 1983] – *řm'ek, m'em'ec, m'em'eck'i, řměadaěe* (с. 30, 50, 97); в [Nitsch: 45] – *řm'y^ok, řm'adaěe, m'ecka, m'itka*.

В словацких говорах изменение *n > m* в *pam, bubem, xrem, korem, ohem, lem* [ASIJ K.XXV, 5]; *l'am* и *Gen l'emu, d'em* (= *deě*), *vom* [Stanislav: 559].

В серболужицком *koěemc* вместо *koěenc* [SS 2, S. 176] – явление объясняется как диссимилиация *n-n > n-m*. В [SS 3, S. 88] – приводится слово *řouřta* с губным сонантом вместо зубного. В [SS 4, S. 88] произношение *colm, řolm, cořm* рассматривается как результат диссимилиации в последовательности *ln*.

Примером функциональной сниженности губного назального согласного являются приведенные в [Peco 1983: 256] факты произношения в сербском говоре на конце слова этимологически немотивированного *m* после гласного – *řkōrom, řbiljam, řrijam*: в этих случаях губное смыкание с назальным резонансом выступает только в роли сигнала, завершающего слово. То же показано в [Baotić: 94] – *dāklem, řkōrom dōřō, řudam, řbělam*, но здесь же и отмечен финальный вторичный *n* – *dōklen, nēkadan, řndan, řudan*. В такой ситуации сигналом конца слова является назальный резонанс как таковой безразлично к месту его образования.

Сказанное позволяет сделать следующие выводы о парадигматическом соотношении губного и зубного назального сонанта.

Различие в качестве резонатора (ротовой/носовой) согласного является основой синтагматического контраста между носовыми и неносовыми согласными губного и зубного ряда. Носовые согласные обоих рядов синтагматически активны и могут выступать в качестве стимулятора ассимилятивных и диссимилиативных изменений в консонантных группах. Но зубной назальный сонант вызывает большее количество изменений, чем губной назальный согласный. А в тех случаях, когда сонант является объектом синтагматиче-

ского воздействия со стороны соседних согласных, губной назальный согласный менее устойчив, чем зубной.

Меньшая синтагматическая устойчивость губного назального согласного является следствием того, что в парадигматическом плане назальность *m, m'* функционально незначима и является качеством, сопровождающим ДП смычно-проходного образования в губном ряду. ДП назальности обладает фонема /n/ (/n'/), которая по наличию этого признака противостоит другой фонеме зубного ряда, а именно /l/ (/l').

Позиционную мену носовых согласных нельзя рассматривать как реализацию нейтрализации оппозиции /m/-/n/, поскольку эта оппозиция не является привативной.

Как было сказано, носовые сонанты не образуют назальную корреляцию с губными и зубными взрывными согласными, так как отличаются от них способом образования, а не только носовым резонансом, т. е. оппозиция не является привативной. Носовые согласные не имеют ДП участия голоса и поэтому они одинаково противопоставлены глухим и звонким согласным своего ряда, т. е. *m-v* и *m-f*, *m-b* и *m-p*, *n-d* и *n-t*, *n-z* и *n-s* – ДП участия голоса у шумных согласных при оппозиции с носовыми не актуализируется. Позиционная мена, устраняющая звонкий шумный согласный перед носовым, не меняет фонемный статус появляющегося в этой позиции носового согласного, так как он сохраняет оппозицию с глухим согласным, парным по отношению к устраненному звонкому.

По изложенным причинам оппозиция «носовой согласный – шумный согласный» одного ряда в славянских диалектах не нейтрализуется. Нейтрализуемой является оппозиция /n/-/l/, /n'/-/l'/ и это реализуется меной *l, l' > n, n'* перед зубным носовым согласным. Другим менам носового и неносового согласного на фонемном уровне соответствует чередование фонем, а при непоследовательном проведении изменения – варьирование фонемного состава словоформы.

Иллюстрация разного синтагматического поведения губного и зубного назального согласного:

синтагматическая активность согласного n выше, чем m:

bm > mm

mn > bn

bm > gm

mn > vn

bm > dm

mn > nn

dm > mm

mn > xn

dm > gm

bn > mn

tm > km

bn > vn

vm/um > xm

vn > mn

ml > mn

mn > ml

tn > kn

dn > gn

dn > nn

dn > ln

dn > rn

čn > šn

kń, ġń > t'ń, d'ń

ln > nn

nn > dn

в качестве объекта синтагматического воздействия согласный *m* менее устойчив, чем *n*:

mb > nb

mp > np

mv > nv

mt > nt

md > nd

ms > ns

mš > nš

mč > nč

mž > nž

mr > nr

ml > vl

mj > nj

mk > nk

mg > ng

m# > n#

gn > ġń

mn > ml

nb > mb

np > mp

nv > mv

ns > ms

nm > mm

nš > mš, n'š

nž > n'ž

2.6.

Список интерпретируемых в разделе фонетических явлений

2.1.1.

dn, dn' > nn, n'n'

dn, dn' > n, n'

tn > nn, n

dn > mn

dm > mm, m

bm, bm' > mm, m'm'

bn > mn

$vn > mn > ml$

$vr > mr$

$vm > mm$

$mn > nn$

$l'n, l'n' > nn, n'n'$

2.1.2.

$dn > ln$

$dm > lm$

$dn > jn$

$dn, dn' > rn, rn'$

$dn > sn$

$bn > vn$

$čn > šn$

2.1.3.

$ml > mn$

2.1.4.

$bm > gm$

$bv > gv$

$bm > dm$

$dn > gn$

$dn > hn$

$dm > gm$

$dm > gn$

$dm > ʒm$

$dn > hn$

$tn > kn$

$cn, tn > šn$

$tm > km$

$kń, ġń > tí, dń$

$mn > v/wn$

$mn > bn$

$mr > br$

$mn > xn$

$nn, n'n' > dn, dn'$

$nn > ln$

$ln > nn > dn$

$ńm, ńn > jm, jn$

2.1.5

mn > ml

ns > nc

nš > nč

nž > nẓ̌

2.2. Влияние назальных согласных на гласные

2.3.2.

n > ŋ, μ;

m > μ;

lk > ŋk

n > v;

n, m > ŋ, μ

ń > j (назальный спирант);

lk > ŋk

2.3.3.1

m > n перед негубными согласными

n > m перед губными согласными

ml > vl

mk > vk

nš > nṣ̌, nž > nẓ̌

n > ń перед задненебным согласным

nc > mc

ns > ms

2.3.3.2.

dm > dn#

sm > sn #

zm > zn

ɹń > ɹm'

gn > gń

kn > kń

gń > gj

gń > gl

kń > kj

tm > tn

l'n' > l'l'

2.3.3.3

m > n перед губными согласными

n > m перед негубными согласными

mk > nk

2.3.3.4.

 $sn > sm$ $mn > ml$

2.3.4. вторичный назальный сонант

2.5.

 $m > n\#$ $m > n$ на стыке слов $m > n$ перед гласными $n' > m$ перед гласными $m\acute{n} > \acute{n}$ $n > m\#$ этимологически немотивированный $m\#$, $n\#$

Латеральный сонант (*l, ʎ*)

3.1.

*Варианты артикуляции континуанта *l.*

Артикуляция определяется по позиции перед непередними гласными.

Континуант праславянского *l в славянских диалектах образуется как боковой щелевой, т. е. при открытых отверстиях между боковыми краями языка и зубами. Чем сильнее открыты боковые отверстия, тем слабее звучит консонантный (шумовой) компонент согласного и, наоборот, усиливается его голосность; при большом размере боковой щели шума вообще нет [Бондарко: 84].

Латеральный сонант в современных диалектах варьирует свою артикуляцию в зависимости от того, образуется он или нет как двухфокусный согласный.

Двухфокусным является согласный *l*. Его артикуляция комбинирует затвор, образовавшийся кончиком языка в передней части ротовой полости, и сосредоточение массы языкового тела в средней или задней части ротовой полости. «Чем сильнее сосредоточение взад, тем обширнее становится образуемая впереди рта свободная полость, тем ниже собственный звук этой полости и потому тем глубже («велярнее», «гуттуральнее») звучит *l*; понижению собственного звука может притом, как в гласных заднего ряда, способствовать еще и округление губ». [Брок: 34].

Если сонант образуется без сосредоточения массы языка в задней зоне полости рта, то он лишен характера двухфокусности. Активность языка сосредоточена в передней или средней зоне полости рта и проявляется в сближении кончика языка с зубами или альвеолами. Это невелиризованный согласный *l*, в применении к которому часто используются определения «среднее», «европейское», «полумягкое». Два первых определения носят описательный характер, а третье – неверно по существу. Квалификация невелиризованного сонанта как нетвердого отчасти основана на представлении, согласно которому при корреляции палатализованности твердым оппонентом мягкого согласного является веляризованный согласный – отсутствие же веляризации означает и отсутствие названной корреляции [Реформатский: 46]. Однако это не обязательно. Как отмечено в [Чекман: 44], веляризованность твердых соглас-

ных сопровождает корреляцию палатализованности в русском и белорусском языках, в других же языках, имеющих ту же корреляцию, веляризованность твердых согласных может отсутствовать. Ситуация, когда невеляризованный сонант относится к классу твердых согласных и образует оппозицию по высоте тона с *l'*, известна в русских диалектах [Русская диалектология 1964: 79], болгарских [Иванов: 120], украинских [Жилко 1963: 28].

Адекватное определение артикуляции двух видов латерального сонанта дано в транскрипции [ОЛА. Вступительный выпуск 1994: 53]: *l* – переднеязычный зубной веляризованный боковой и *ʎ* – переднеязычный зубной невеляризованный боковой.

По поводу хронологического соотношения *l* и *ʎ* нет единства мнения. К общеславянскому состоянию отнесен *l*, а к более позднему времени *ʎ* в [Шахматов: 125; Селищев 1951: 194]. Напротив, первичность *l* предполагается в [Pauliny: 108; Stanislav: 565]. А в [Мейе: 88] – «в общеславянском было три способа произношения *l*», т. е. *l* – *l* – *ʎ*. Современный общеславянский контекст, во многих своих частях имеющий невеляризованный латеральный сонант на месте **l*, а веляризацию демонстрирующий как вторичное явление, заставляет предполагать исконность невеляризованного латерального сонанта. Подтверждение этого содержится в характере восточнославянского изменения праславянских сочетаний, в которых сонант находился перед согласным, т. е. **ʎlt*, **ʎlt*, **tolt*, *telt*. Перед согласным происходила веляризация сонанта, что сопровождалось передвижением в задний ряд предшествующего гласного, т. е. *ь > ъ*, *e > o*. Передвижение гласного могло не происходить, если ему предшествовал палатальный согласный (**žьltьjь*, **žьelbь*) [Шахматов: 13] (поэтому *желтеть*, *челнок*). В то же время [Якубинский: 143] считает, что изменение *ь > ъ* в указанных сочетаниях происходило в древнерусском языке после любого согласного. Свидетельством того, что веляризация сонанта перед согласным первоначально имела позиционный характер, является то, что при реализации полногласия согласный, оказавшись перед гласным, утрачивал веляризацию. Именно поэтому в восточнославянских диалектах, имеющих *l*, этот согласный произносится и в слове *molokó*, хотя первый гласный несомненно указывает на предшествующее существование позиционно веляризованного сонанта в этом слове, поскольку **e > o* могло происходить только перед *ʎ*, но не *l* (т. е. **melk-* > *melk-* > *mołk* > *molok-*).

Нарушение баланса между переднеязычной и велярной артикуляциями у *ʎ* могло сопровождаться усилением велярного и губного компо-

нента согласного, что выразилось в превращении латерального сонанта в билабиальный спирант *w/ʎ*. Изменение могло происходить независимо от позиции, т. е. перед гласными, согласными и паузой, но чаще – только перед согласным и паузой, или на конце слога.

3.2.

Континуанты сонанта *l перед непередними гласными

Общий вид территориальной локализации *l*, *ʎ*, *w/ʎ* на месте *l перед непередними гласными в славянских диалектах выглядит следующим образом. Для показа этого, кроме имеющихся фонетических описаний, использован материал карт, включенных в выпуск ОЛА «Рефлексы *q» [ОЛА 26], где приводятся континуанты праформ *želqǫbь (карта № 19), *lqǫq (№ 22), *želqǫbьkь (№ 24), *golqǫbь (№ 31), исконно имеющих латеральный сонант перед непередним гласным. Варианты континуантов *l распределены следующим образом:

Словенские диалекты – *l*, *ʎ*, *w*; в [FO № 7] *l* > *w* перед *u*, *o*·, *o*·, если перед *l* не стоит зубной согласный; в (№ 8) перед *a*, *u* возможен как *l*, так и *ʎ*, но *ʎ* является заменой *l* – *ulán*, *lú:šm*, *ló:pa*, *lapáta* и *iblá:na*, *žviplà:m* (< *lj*); связь между *l* и *w* может выражаться в обратной мене сонантов, т. е. *l* вместо *v*, что автор квалифицирует как результат аналогии – при *gwá:wa*, *mwà:t*, *wó:nc* произносится *ta prà:lega* (= *pravega*), *gwá:le*, *mǎrt'le*, *čér:kle*, *stàtle* (= *statve*) [Škofic 1999: 187] – в этих примерах просматривается связь *l* с позицией перед передним гласным; в [Ramovš 1995: 97–101] показаны диалектные варианты континуантов праформы *čelo, в которых на месте *l перед гласным зафиксированы *l*, *ʎ*, *ʎ*; в [Zorko: 168] приводятся примеры произношения *w* на месте *l перед непередними гласными – *'pi:wa*, *'pi:wo*, *no'si:əwa*, *ka'di:əwə*, *moʎ'wi:əwə* и др.; изменение в лабиодентальный *v* перед задними гласными показано в [Škofic 2000: 149] – *và:s* (< *las*), *xvá:če*, *ská:va*, *vó:na* (= *lonec*), *vúč*, *vú:šəm* (= *luščim*), *žé:vot* (= *želod*), *gvá:va*, *svá:ma*;

хорватские – *l* в картах на рефлексы *q в ОЛА, а также в [FO № 22 и след.];

сербские – *l*, а на востоке сербской территории ОЛА в немногих пунктах *ʎ*, что показано в картах на рефлексы *q и в [FO № 46 и след.]; в [Peco 1980: 51, 53] также в некоторых говорах отмечен *l* – *gládan*, *sláva*; о возможных спонсах латерального с велярным компонентом в серб-

ских диалектах сказано в [Vujičić: 53] и здесь же приводятся примеры с *l* из говоров северо-западной Боснии – *gláva, slazèna*;

македонские – *l* в картах на рефлексы *q и в [FO № 90 и след];

чешские – *l*; на юге и северо-востоке Чехии *l*; *chlap, volal, šty, hlustej*, а также *ɥ* – *chɥap, chɥum* [Селищев 1941: 105]; в № 207 сетки ОЛА, где представлена польская фонетика, *w* из *l* перед гласным;

словацкие – преимущественно *l*; в средней Словакии *l* – *blato, slama, lopata, bola* [Stanislav: 564]; на юго-западе Словакии *ɥ* – *ɥato, mɥáka, chɥap, kɥáda, hɥas, pekɥo, ɥavica, ɥopata, pékɥa* [Pauliny: 237; Stanislav: 564; Селищев 1941: 106];]

серболужицкие – в [SS 13, S. 216; Michalk, Sperber] показано, что перед непередними гласными в нижнелужицких диалектах представлены *l* (в варьировании с *l*) и *ɥ*, а в верхнелужицких только *ɥ*; в [SS 13, S. 208] для обозначения этого спиранта используется знак *w* – *kwoski, gwɥp, swoma*;

польские – преимущественно *ɥ*; согласный *l* на западе вдоль границы с Лужицей и на востоке вдоль границы с Украиной и Белоруссией; территориальное распределение *l* и *ɥ* перед гласными в отдельных регионах Польши показано на картах в [OF 1982: 139; OF 1983: 144; OF 1984: 130].

В [Стойков 1942: 65/345; 1961: 113] отмечено, что в болгарском произношении латеральный сонант *л* более твердый в сравнении с чешским, словацким, сербохорватским, и более мягкий, чем русский *л* и польский *l*, но в целом находится «в круге *l*-среднего». В диалектных описаниях согласный *l* определяется как диалектный вариант латерального. Так, в [Кочев 1969: 31] – «факультативный вариант *л*, особенно у информантов, которые знают румынский язык, средневропейское *l*, преимущественно перед лабиализованными гласными и перед согласным»: *лук, plóča, бѹлкъ, áбълкъ, зѹлвъ, бóлнъ, дѹлзъ*. Вариант *l* констатирует [Иванов 1977: 120], отмечая его присутствие в некоторых западноболгарских говорах – *gláva, dal, klóka, lókam, col, lym, lóшо*. Примеры с *l* из восточноболгарского говора: *lák't'u, mǎzlá, klǎst'u, loj, buklúk*, а также перед согласным *дѹлбóку, xǎlwá, б'áлт'ък, máлка, ѱálxá* [Калнынь, Попова: 125].

В описании говора Полога в [Селищев 1981а: 293] указано на существование латерального с ослабленным затвором кончика языка у *нѣба*, что дает звук промежуточный между *л* и *ɥ*, который обозначен как *л* (ʎ) – *давал, побегнал, бил, сад, вѣлк*.

Информацию о распределении рефлексов *l перед непередними гласными в восточнославянских диалектах, наряду с картами на реф-

лексы *q в ОЛА, дают национальные атласы [АУМ 1–3; ДАБМ; ДАРЯ 1]. Как было сказано, раннее проявление веляризации латерального сонанта в восточнославянских говорах имело место в сочетаниях *ʎlt, *ʎlt, *telt, *tol. Следующий этап веляризации сонанта в позиции перед непременными гласными, согласными и на конце слова имел место во всех белорусских говорах, большей части украинских и русских говоров. В целом на восточнославянской территории перед непременными гласными доминирует сонант *ʎ*.

Невеляризованный сонант *l* представлен:

в украинских диалектах – на юго-западе в регионе Карпат, в говорах севера и восточной части центра территории АУМ;

в русских – на северо-востоке территории ДАРЯ, а также в виде островных проявлений на северо-западе и в центре [ДАРЯ 1, карта 61];

в белорусских говорах невеляризованный сонант *l* не отмечен.

В [ДАРЯ 1. Вступит. статьи: 162] приведен список примеров, записанных с *ʎ*, *w* на месте латерального согласного перед непременным гласным (*сказáва, ходíва, чеўовéк, ўбáт, поўў* и под.). Большинство примеров относятся к говорам северного региона (Архангельская, Вологодская обл.). В комментарии к карте эти записи оцениваются как не отражающие фонетической закономерности. Напротив, те же факты в [Бромлей: 16] расцениваются как один из аргументов в пользу реконструкции изменения *ʎ > w* перед гласным в некоторых русских говорах.

В материалах [АУМ 2] произношение *w*, *v* на месте латерального сонанта перед гласным отмечено в украинских говорах на территории Польши и Словакии – *зowото, поwовн'а, ўбодá, бwохá*. Что касается говоров собственно Украины, то в отдельных пунктах отмечено произношение *ўбодá, бwохá*. В [Жилко 1955: 94] сказано о возможности приближения перед гласным велярного *l* к губно-губному *w*, особенно в западной части юго-западных говоров, но не об их совпадении. Можно считать, что изменение *l > ʎ* перед гласными непременного ряда не характерно и для украинских диалектов.

В описаниях белорусских говоров нет указаний на изменение *l > ʎ* перед гласным.

Распределение *ʎ* и *l* на территории восточнославянских диалектов показано на карте в [Калнынь 1995: 15].

3.3.

Изменение латерального сонанта в *w/ɥ* перед согласными и на конце слова

Произношение губного сонанта на месте латерального перед согласным и паузой (позиция часто называется «конец слога») распространено в славянских диалектах шире, чем в позиции перед гласным. Если губной согласный на месте *l произносится перед гласным, то это автоматически означает его появление и в конце слога, т. е. перед согласным и паузой. В то же время, как отмечено в словенском говоре в [Škofič 1999: 191], возможны разные нюансы губного спиранта перед гласным, с одной стороны, и перед согласным и паузой, с другой. Автор приводит примеры: *wú:kna*, *wó:nc*, *gwá:wa*, *mwá:t* и более вокализованный вариант *ɥ* в 1-ptc *dé:wouɥ* и в позиции после утраты конечного гласного *o* – *čé:ɥ* (= čelo), *ši:ɥ*, *dé:ɥ*.

Губной спирант *w/ɥ* перед согласным и на конце слова появляется на фоне сонантов *l* и *l̥* перед непередними гласными. Содержание артикуляционного изменения *l > w/ɥ* и *l̥ > w/ɥ* различно. Для согласного *l* это модификация уже имеющихся компонентов – усиление велярного и губного элементов при ослаблении латерального. Для *l̥* – общая перестройка артикуляции, поскольку в нем нет элементов велярности и лабиализованности.

Латеральный сонант обладает более высоким уровнем голосности/сонорности, чем билабиальный спирант. Хотя бы потому, что латеральный сонант может быть слоговым (образовывать вершину слога), а губной спирант – нет. Поэтому замена латерального сонанта губным спирантом, как таковая, эксплицирует снижение уровня сонорности в звуковой последовательности типа SonC, Son#, т. е. имеет место регрессивная ассимиляция по низкому уровню сонорности. Но то же артикуляционное изменение может иметь альтернативную оценку. Билабиальный спирант *ɥ* образует с предшествующим гласным дифтонгоид, который в целом является центром слога, что может означать стабилизацию уровня вокализованности звуковой последовательности.

Сочетания латерального сонанта с последующим согласным и паузой имеют следующее происхождение. Это – 1) компонент рефлекса *ɣlt, **ɣlt̥*, содержащего сонант перед согласным, и 2) сочетания *lC*, *l̥#* (конец слова), образовавшиеся в результате падения редуцированных.

Если изменение латерального согласного происходит в обеих ситуациях, т. е. независимо от присхождения этих сочетаний и без лекси-

ческих или морфемных ограничений, то изменение имеет статус позиционного. Имеются следующие примеры этого в славянских диалектах.

В словенских говорах замена латерального сонанта билабиальным согласным может сосуществовать с *l* и *l̥* перед непременным гласным. Так, в [FO № 2] – *lovta*:; *kupi:la*, *lowtó*:; *kò:tlu*, *klabú:k* и *'voʉ*, *'debeʉ*, *mà:ʉta*; в [Kenda-Jež: 213] – *zas'taja:la*, *'wi:dla*, *'lajšta* и *'waʉ*, *'maʉxa*, *s'pa:ʉcat* (I sg), *'meʉeʉ*, *s'meʉeʉ*, *'dò:ʉx*, *'to:ʉst*, *'piʉ*; в [FO № 17] – *'ign*, *'lonc*, *'mlgt*, *gl'a'vu*, *s'latka* и *t'kaʉca*, *'viʉ*, *p'roʉ*, *'daʉ*, *'ki:say*, *'domč* (= *daleč*).

По данным [FO], в хорватских говорах нет изменения латерального в губной согласный на конце слога. То же в сербских диалектах. Лишь в [Ресо 1980: 24] отмечено, что в призренско-тимочких говорах возможно *l > v* на конце слога – *bóvni*, *bóvnica*, *pepev*, *biv*, *dav*, *digav*, *izvukov*.

В некоторых македонских говорах сетки ОЛА показано изменение *l > ʉ* перед согласным и на конце слова – *kaʉ*, *'kaʉta*, *'bivoʉ*, *'zəʉva*, *'maʉka* [FO № 98]; *koʉk*, *'eʉka*, *'oreʉ*, *'peteʉ*, *'voyna*, *voʉk* (№ 101); *doʉ*, *daʉ*, *k'riʉce*, *'soʉza*, *'vəʉeʉ*, *'voyna* (№ 111); то же факультативно в (№ 102, 112).

В русских говорах замена латерального согласного билабиальным *ʉ/w* перед согласным и на конце слова на уровне позиции отражена в [ДАРЯ 1, карта 61; Вступит. статьи: 162]. Это возможно на фоне как *l*, так и *l̥* перед непременными гласными. Явление локализовано в достаточно большом ареале на северо-востоке карты ДАРЯ, где перед гласными преимущественно представлен вариант *l̥*. Изменение веляризованного сонанта *l̥* в билабиальный спираント отражено на карте ДАРЯ в виде небольших островных образований. В комментарии к карте (с. 162) приведены факты произношения *f* (*ф*) в соответствии с **l̥* перед глухими согласными и на конце слова (*сйеф*, *погна́ф*, *пофт́инник*, *мофчи́* и т. п.), что указывает на предварительное изменение *l̥ > w > v*.

Примеры сосуществования невеляризованного сонанта (обозначен как *л*) перед непременными гласными и замены его билабиальным согласным перед согласным и на конце слова из севернорусского костромского говора (Кологривский р-н) – *п'ѣла*, *изл'ажайут*, *ма́сло*, *л'он'ис'а*, *жал'унко* и *коу́пак*, *коўдос'во́*, *саўда́т*, *тоўстой*, *поўл'ўтра*, *ўзоў*, *стоў*, *нашóў* и т.п.; из вологодского говора (Тотемский р-н) – *л'ыко*, *б'ѣл'ых*, *сл'уда*, *л'ана*, *мол'око́* и *кoвн'ак*, *в'ыдоўбат'*, *обд'ѣўвал'и*, *поўф'унта*, *воут'ар'*, *вауд'ыр'*, *коўдун*, *заек'авс'е*, *повз'у*, *ц'евн'ок*, *тоўшче*, *нам'еўко*, *ц'уўк'и*, *жыўк'и*, *коў*, *подóў*, *пр'ишиóў*; здесь же возможен и *л̥* перед согласным, преимущественно в результате мены *л̥ > л* перед твердыми зубными и переднеязычными согласными (*пал'то́*, *кул'ту́ра*, *на л'дóу*, *куп'ал'но*, *пó сол' ту* (но сол'), *бол'шóй*, *ф'ал'ш*).

Зона замены латерального сонанта билабиальным согласным в украинских говорах на уровне фонетической позиции обозначена «условной изоглоссой» в [АУМ 2, карта 127] – это произношение *гoўка*, *стpўка*, *цiтiўно*, *стiў*, *пoнiў*. Изоглосса выделяет часть юго-западных говоров южнее 50 параллели по течению Днестра и островные ареалы на границе с Польшей. Через эту зону проходит изоглосса, к северу от которой перед гласными представлен согласный *l*, а к югу *l̥* [Калнынь 1995: 15]. Так, в бойковском говоре (Турковский р-н), при *l̥* перед гласным, актуально изменение *l̥ > ʷ* перед согласным и на конце слова – *сeло*, *лaвиц'a*, *цeгла*, *блхa*, *кoлы'oска*, *слы'oзa*, *жoблут'* и *т'iўна*, *гpaбiўно*, *русaўна*, *цаўкoм*, *кoўбиц'a*, *нaўка*, *шoўта*, *вiўми* (Instr), *дoўше*, *пoўх*, *к'iў*, *даў*. А в гуцульском говоре (Путильский р-н), при наличии *l̥(l̥)* перед гласным, также произносится *тoўстий*, *жoўч*, *дoўго*, *к'iўна*, *гвaўт*, *ц'iпeўно*, *сaпeўно*.

Но замена латерального сонанта билабиальным согласным может быть ограничена генезисом сочетания и в связи с этим определенными морфемами.

В этом плане следует выделить украинские и белорусские диалекты. В них, исключая украинские говоры, ограниченные в АУМ «условной изоглоссой», изменение *l̥ > ʷ* (*л̥ > ʷ*) происходит только в континуантах сочетаний **t̥lt*, **tlt* и на конце формы I-ptc m sg. А в сочетаниях типа *lC*, образовавшихся после падения редуцированных, и на конце subst N sg m латеральный согласный сохраняется.

В украинских диалектах этому соответствует произношение *воўк*, *моўчит*, *поўний*, *доўг*, *жoўч*, *буў*, *стаў* и *голка*, *вилка*, *бiлка*, *веселка*, *могилка*, *стiл*, *пoпiл*, а, по данным [АУМ 1], перед согласным в новых сочетаниях и на конце subst N m возможен также невелиризованный сонант *л̥(l̥)* – *oтвал*, *мел-ник*, *гoйдал-ка*, *вихал-ка*, *бiл-ка*, *бусел*; в [АУМ 2] *пoпiл*, *кoпал-ник*, *мел-ник*.

В белорусских – *вoўна*, *мaўчыц'*, *вoвк*, *пoўныj*, *доўх*, *биў*, *насиў* и *бeлка*, *вясeлка*, *магiлкi*, *вyгал*, *кол*, *вал*. Принципиальность ситуации не меняется от того, что в некоторых белорусских говорах, по данным картотеки ОЛА, в сочетаниях типа **t̥lt* произносится не только *ʷ* (*ʷ*), но и *l̥* (*l̥*). Это отмечено в континуантах праформ **d̥ylbetʷ*, **d̥ylgʷ*, **v̥ylkʷ*, **v̥ylna*, **k̥ylbasa*. Но в каждом отдельном говоре примеров с *l̥* всегда меньше, чем с *ʷ* [ОЛА 3: 153-157] и нет белорусских говоров, где бы был отмечен только *l̥* (*l̥*) в этих сочетаниях. В описании белорусской диалектной фонетики *ʷ* на месте *л̥* также фиксируется только в континуантах **t̥lt*, **tlt* и в I-ptc m sg [Крыўiцкi, Падлужны: 148].

Опубликованные материалы картотеки ОЛА дают возможность судить о судьбе сонанта на конце *l-pts m sg*, с одной стороны, и в *N subst m sg*, с другой, а также в словах содержащих суффикс *-lʰk*. Фонетико-грамматическая серия: *jědlʰ, *měrilʰ, *jěxalʰ, *bělilʰ [ОЛА 1]; *žělʰ, *vezalʰ, *delelʰ [ОЛА 2a]; *qgʰlʰ [ОЛА 2б]; лексико-словообразовательная серия: *bělʰka, *pererebʰka [ОЛА, животный мир]. Материал показывает, что в украинских и белорусских пунктах в *N subst* и в новых сочетаниях с согласными латеральный сонант не заменяется билабиальным согласным.

Замены латерального сонанта билабиальным спирантом на уровне позиции (перед согласным, конец слова), с одной стороны, и в фиксированной лексической группе (содержит интерконсонантный *ʌl, **ʌl̥*) и в *l-pts m*, с другой, не только разделены хронологически, но и исходно имеют разный структурный статус.

Как сказано выше, в правосточнославянских диалектах сонант в интерконсонантных *ʌl, **ʌl̥* приобретал веляризованность перед следующим согласным, чем вызвал, в свою очередь, передвижение предшествующего гласного в задний ряд, т.е. *ʌ > *ʌ̆*. В условиях реализации правила открытого слога до падения редуцированных интерконсонантные сочетания **ʌl̥* (возможно, **ʌl̥* после палатальных), оказавшись перед слогоразделом, получили статус дифтонга – *ʌ̆l̥*, *ʌ̆l̥*, т.е. сегмента, образующего слог. Редуцированный в составе такого дифтонга был «сильным» независимо от качества гласного следующего слога. В праукраинских и прабелорусских диалектах в период до падения редуцированных имела место тенденция повышения вокализованности названных дифтонгов, что достигалось их превращением в нисходящий *ɥ*-дифтонг, представлявший собою единицу вокального инвентаря. Возможность для этого содержалась в самой артикуляции *l*, которая реконструируется как лабиовеляризованная [Шахматов: 62]. Устранение переднеязычного зубного сближения усиливало лабиальный компонент артикуляции. После прояснения «сильных» редуцированных дифтонг *ɥl̥* (*ɥl̥*) изменились в *ou*, (*eu*), а в дальнейшем, в связи с изменением *v* > *ɥ* в определенных позициях, последовательности *ou*, *eu* стали сочетанием гласного с губным согласным. Именно это отражают записи из украинских диалектов в [ОЛА 3] – '*čoven*, '*dovhyj*, '*tovstyj*, '*wovna*, '*povnej*, '*mov'čyt'*, а также *stopp*. В [ОЛА 3, карта XI] фонологический статус континуантов **ʌ̆l̥* в украинских и белорусских диалектах определяется как «интерконсонантная последовательность **ʌ̆*/*o+*w». Отождествлению *ɥ* из *l* с *w/v* способствовало и то обстоятельство, что *ɥ* в континуантах интерконсонантного *ʌl̥* (*ʌl̥*),

находясь в составе постоянного сочетания с следующим согласным, ни при каких словоизменениях не обнаруживал связь с *l*.

ЛабIALIZАЦИЯ латерального сонанта в украинских и белорусских диалектах происходила на конце формы *l-pts m*. Это может быть результатом того, что данная форма утратила редуцированный гласный раньше, чем другие формы, имеющие финальный *ʎ (например, *N subst m sg*). В этом случае пауза сыграла такую же роль, как и согласный после сонанта в *ʎlt, т. е. вызвала дифтонг, кончающийся на *ʎ*. То же отмечено в континуанте *polʎ (половина).

Стадия *ʎ*-дифтонгов была свойственна и той части русских говоров, которые примыкают к белорусскому ареалу – это показано в [ДАРЯ 1, карта 61].

Изменение *l > ʎ*, ограниченное интерконсонантными сочетаниями *ʎl (*ʎl*) и *l-pts m*, изначально было формой повышения вокализованности конца слога в условиях недопустимости закрытых слогов. Нисходящие *ʎ*-дифтонги до падения редуцированных могли быть компонентами вокализма праукраинских и прабелорусских диалектов. Эти дифтонги были альтернативой развитию слогового латерального или последовательности *lV* в других славянских диалектах.

Изменение же *l > ʎ*, которое актуализировались на северо-востоке ДАРЯ и в юго-западных украинских говорах в пределах «условной изоглоссы», происходя на уровне позиции, никак не связано с устройством слога до падения редуцированных. Оно стало актуально после падения редуцированных и является особенностью звуковой синтагматики в этих говорах, предполагающей усиление лабио-компонента в артикуляции латерального согласного перед согласным и паузой. В отличие от раннего изменения, лабиализация латерального сонанта после падения редуцированных на уровне позиции не разрушает связь между сонантом и билабиальным согласным. Поэтому в фонетических описаниях соответствующих говоров иногда пишут о позиционном чередовании *l : w* или оценивают *ʎ* как вариант фонемы *lV*.

Иная точка зрения на хронологию и содержание изменения *ʎlt, *ʎlt предложена в [Шевсьлов: 523]. Автор считает, что изменение *l > ʎ* первоначально произошло в североукраинском регионе и много позже падения редуцированных. Это выражалось в уподоблении латерального сонанта предшествующему *o* из *ʎ, что способствовало усилению единства слога, реализуя вариант слоговой гармонии по лабиализованности (с.533). После континуанта *o лабиализация латерального не происходила, так как в новом закрытом слоге это был гласный *o ~ u ~ „o*, а раз-

витие *ʎ* после *uo* могло бы провоцировать трифтонг, что недопустимо. Поэтому *вовк* и *голка* / *гилка*.

В этой связи можно отметить следующее. В восточнославянских диалектах после падения редуцированных в пространстве типа CVC актуализировалось регрессивное уподобление согласного и гласного следующему сегменту. Это – палатализованность согласных перед гласными переднего ряда; *e* > *o* перед твердым согласным или непредним гласным следующего слога, что, в частности, проявилось в достаточно раннем украинском изменении *e* > *o* после палатальных согласных; изменение *t'at'* > *t'et'*. Уподобление гласных согласным могло быть и прогрессивным – белорусское изменение *y* > *u* после губных согласных, украинское *ja* > *je*. Но уподобление *согласного предшествующему* гласному *после* падения редуцированных проблематично. Тем более это относится к эвентуальному изменению *l* > *ʎ* после *o* при отсутствии такого уподобления после гласных, имеющих более высокую степень лабиализованности и в связи с этим более высокий уровень напряженности (например, *u*), что с большей вероятностью могло бы способствовать прогрессивной ассимиляции следующего после такого гласного сегмента.. В связи со ссылкой на дифтонг *uo* как на препятствие изменению *l* > *ʎ* можно заметить – если бы изменение латерального в зависимости от предшествующего лабиализованного согласного действительно было актуально, то оно могло бы возобладать над дифтонгом и задержать изменение *o* в новом закрытом слоге на стадии *o* или *u* (т.е. избежать трифтонга). Надо также иметь в виду, что дифтонгизации гласного *o* в новом закрытом слоге предшествовало его количественное изменение (компенсационное удлинение). Но нет никаких оснований считать, что гласные *o* и *o:* должны по-разному влиять на артикуляцию следующего латерального согласного, если бы такое влияние действительно реализовалось.

Ситуация сходная с украинской отмечена в [Селищев 1941: 328] «на северо-западе кашубского края» – *l* в *tʎlt* (из **tʎlt*, **tʎlt*) изменился в *ʎ* (*воуќ*, *воуќа*); то же в *poʎ* – *poʎtorä*; в прочих положениях *l* > *l*.

В хорватском кайкавском диалекте [Peco, 1980: 185]: *l* > *v* после гласного в *l-ptc* – *püstiv*, *vüdriv*, *pav*; здесь же может быть *ʎ* или утрата *l*; в форме м.р. прилагательного – *vèseu*, *vèsev*, *dèbeu*, *dèbev*; вне этих категорий *l* сохраняется на конце слога.

В сербском посавском говоре возможно *kotov*, *posav* [Peco 1980: 113]; в [FO № 64] факультативно *l* > *o* > *v* – *päv*, *sèv*, *čäv*.

В среднесловацких [Stanislav: 561] *l* > *ʎ* в *l-ptc* и **poʎ* – *robiʎ*, *poʎ*.

3.4.

Изменения латерального сонанта в гласный

Как отмечено в [Брок: 35], присущее латеральному согласному «первенствующее значение собственного звука над характерным шумом» лежит в основе той легкости, с которой латеральный, теряя смычный компонент артикуляции, может преобразовываться в гласный. В частности, «артикуляционная форма и характер собственного звука *l̥*» способствует его изменению в гласные *o* и *u*.

Рассматривая эту особенность синтагматики латерального сонанта, не касаемся изменения *l̥* в гласный в южнославянских и некоторых чешских и словацких говорах. Это – сюжет, относящийся к развитию вокализма, а не к консонантной синтагматике.

Позиция замены латерального сонанта гласным определяется как «конец слога» или «не перед гласным и *j*» (в словенских говорах [FO: с.176 и др.]), т. е. перед согласным и на конце слова. Позиция в конце слова чаще всего фиксируется в *l-pts m*. Соответственно, латеральному согласному в звуковой цепи может предшествовать как гласный, так и согласный. При этом особая синтагматическая ситуация создается в *l-pts*, где сонант мог оказаться после падения редуцированных после шумного согласного перед паузой (**nesl̥, *pekl̥, *vedl̥*). Этим создавалось повышение sonorности в конце слога, т. е. перевернутая дуга sonorности типа *VCson#* (нисходяще-восходящая, а не восходящая, как это было до падения редуцированных, т. е. *CsonV#*).

В позиции после гласного замена сонанта гласным обусловлена артикуляцией сонанта, возможно, в сочетании с тенденцией избегать завершения слога согласным, в данном случае латеральным *l / l̥*. Поэтому в некоторых случаях гласный заменяет собою сочетание типа *VI*. В сочетаниях *Cl* в конце *l-pts* сонант заменяется гласным с целью устранить перевернутую дугу sonorности в слоге. Изменения сонанта в гласный создает слог, имеющий восходящую дугу sonorности – *V/CV#*.

В словенских диалектах отмечено изменение латерального сонанта в *u* и *a*. Так, *l > u* после шумного согласного и *r* в *l-pts* – *né:su, pé:ku, 'daru, pož'haru* [FO № 2].

Тот же результат достигается изменением *ə, i, u, ě + l > u* в [FO № 17] – *'nɛ:su, 'nɔ:su, 'vi:du, 'obu*; в [Kenda-Jež: 217] – *'katu* (= *kotel*), *wa'doxnu, 'letu / 'leteɥ, ɣ'riɛbu* (< *eɫ*), *u'ta:r* (< *oltar*), *ku'nik* (< *ol*); в [Škofic 2000: 146] – *ž'vu* (= *živel*), *m'lu, 'šu* (= *šel*), *cvə'du* (= *cvetel*). В [FO № 20] – *l > a* после нелабиализованных гласных *'teaci* (< *telci*), *v'rɛ: ačina* (< *vrel-*

čina), c'vea / c'veja. В [FO № 8] при тенденции изменения $l > \mu$ на конце слога билабиальный согласный не появляется в l-pts, где [ə, i + l] заменяется гласным u – né:su, pé:ku, nvásu, xvádu (< *ходилъ).

В хорватских говорах замена латерального сонанта гласным происходит в конце слога, чаще всего в l-pts. В [FO]: $l > o$ с j в получившемся зиянии *bijo, klèjo, kisejo, vò:*, а также *al, əl > ao > a:* – *žà:vica, dōša:, šéi:pa:, cáka:* (№ 45); *débeo, čùo, nosio* и *vò:l, sò:l* (№ 52); гласный o : в результате стяжения сочетания гласных, второй компонент которого o из $l - vò:$, *stò:*, *òro:*, *jó:xa, ùzo:*, *dò:*, а также *ùzeo* (№ 65); $l > o$ в l-pts, редко в других словоформах – *'uzo:*, *'ra:stò:*, *dòno* (№ 151); [Peco 1980: 127, 131, 185] – *debèu, počèu, ðiu, vidiu, šapniù, pèko, pošìko, mičò, krìčo.*

В сербских говорах: [FO] – *imào, orào, sedèo, tèoci, débo* (< eo < el), *vèso* (№ 64); *lan'cuo, ko'na:o, te'meo, za:'bio* (№ 72); *okrù:go:* (< oo < ol), *cvetò:*, *dò:* / *dào, brò:* / *brào, vido:* (< eo), *išò:*, *pòčeo* (№ 78); *sò:* (< oo < ol), *obò:*, *'bego* (< ao < al), *'metnuo, peo, à:nžeo* (№ 83);

[Peco 1980: 86, 88] (славонские говоры) – *pèpeo, tòpao, vrèo, kàbò;* *al# > ao > ā – dōšā, pròpā, kòtā;* [Vujičić: 54] (говоры западной Боснии) – *stò, vò, sò, pèpeo, sòkò, dèbeo, tòpò.*

В сербском говоре [FO № 84] l заменяется нелабиализованным гласным, часто при j в образовавшемся зиянии – *'Bejagrad, 'peka, s'tiga, de'beja, pe'peja, 'gòja* (< ol), *ko'ta* (< al), *'kiseja* (< al), *'pòčeja, b'raja.*

Изменение латерального согласного в гласный в позиции после гласного не повторяется в других регионах Славии. Эта синтагматическая особенность части южнославянских диалектов максимально эксплицирует повышение уровня вокализованности звуковой последовательности. Согласно типологической классификации А. Исаченко, насыщение звуковой последовательности гласными в наибольшей степени присуще «радикально вокалическому» типу.

3.5.

Синтагматическое воздействие l / μ на гласные

В польских говорах перед тавтосиллабическим l преимущественно в l-pts происходит изменение $i > u$ (ассимиляция по низкому тону, что переводит i в задний ряд, а это предполагает включение лабиализованности) – *zal'ul, žel'ul* [OF 1983: № 305], *p'ul, b'el'ul, m'ežul, žen'ul še, zgub'ul, pišyžul* (№ 324). Если то же происходит перед μ из l , то в этом случае непосредственно на гласный действует артикуляция лабиализованности – *p'iu / p'iu, žel'iu* (№ 300), *p'iu, b'iu, nošiu* и *p'iu* (№ 301).

Не в глагольных формах возможно изменение *i > e* перед *y, l* – *zeȓa, kobeȓa, motel* (№ 284).

3.6.

Эллипсис латерального сонанта

Это явление иногда констатируется параллельно с заменой сонанта гласным в хорватских говорах в конце слова после гласного, особенно в l-pts. Так, в [FO] – утрата *l* в l-pts *'popi, ušȓ:, 'vide, 'diga, zdaxnȓ:* (№ 22); *'ĕu:, 'reka, 'vidi, 'uze* (№ 37); *pi:tȓ, rĕ:ka* (№ 146a); *l* утрачивается в конечных последовательностях *-al, -ol* – *'tepa, 'da, 'poša, 'vo* (№ 44a). Как результат утраты *l* интерпретируется в кайкавских говорах произношение *postȓ, vȓ, pȓ miša, pȓ tića, ĕȓ, zizȓ se* [Peco 1980: 132,185]; *izodȓ, izdanȓ, usanȓ, dȓ, prosȓ* [Skok: 260]. В [FO № 29] в l-pts *m* конечный *l* утрачивается после *r* – *'zȓpar, x'mar*.

Утрата *l* в приведенных примерах, как и замена *l* гласным, является одним из выражений свойственной названным говорам тенденции не допускать завершения слога согласным (VC#), в данном случае преимущественно в l-pts *m*.

Иной механизм образования l-pts, без финального *l*, определяется в [Stanislav: 566] для словацких говоров – стяжение *u+y (< ʎ)* дает *kradnȓ, l'ahnȓ, napomenȓ ho*.

Следует отметить, что форма l-pts *m* во многих славянских диалектах демонстрирует изменение сегмента, содержащего конечный латеральный сонант. Но при этом речь идет об изменении не в последовательности VI#, а о в сочетании VCl#, полученном в результате падения редуцированных гласных. Сочетания такого рода провоцировались и в других формах (subst, adj). Сегмент VCl# нарушал стереотип построения конечного слога по восходящей дуге сонорности. Это фонетическое неудобство устранялось в форме l-pts *m* разными способами – утрата сонанта, его силлабизация, оглушение (снижение уровня сонорности).

Утрата латерального сонанта после согласного в середине слова и в начале слова (после #) происходит обычно через стадию *w/y*.

Так, в словенских говорах *lȓ > yȓ > u:* – *'hu:x, 'u:ĕ, ù:nȓ, ú:žȓ* [Logar: 99]; *uštȓ:na, uđȓ, ú:žȓ, pušȓ:ša* [FO № 148]; *l > w > Ø* перед *u:, u, o* – *užnȓ:uc (< lažnivec), o'kȓt (< laket), upȓ:na (< lupina), ú:žȓ, gȓ:x, kobȓ:sa* (№ 7). Как результат утраты латерального интерпретируется произношение *ȓ'kȓ: (= nikoli), 'dȓo: (= doli), u:'tȓ:r, pȓo: (< 'pȓo:l)*, после *u* на конце слова – *u'bu, sȓ'zu, ĕu, 'ĕȓbu* [Weiss: 324, 342]; возможно в первых примерах

утрата конечного сонанта компенсируется продлением оставшегося гласного. Примеры *'da* (= *dal*), *'pa* приведены в [Kenda-Jež: 229].

В словацких говорах, где *l* > *ɥ* – *puch*, *obúpim*, *suha*, *na úki* при сохранении *ɥ* после гласного (*piɥu*, *škoɥu*) [Stanislav: 566]; *pú*, *čovjek*, *úka* [Pauliny: 237].

В серболужицких говорах то же явление фиксируется более часто после губных и заднеязычных согласных – *boto*, *mody*, *koski*, *guxy*, *kobyk*, *buzna*, *dumoko*, *soma*, *sužba* [SS 13, 199].

В [OF 1983] из польских говоров приводятся примеры ослабления и утраты *ɥ* < *l* после согласных и паузы (начало слова) перед непременными гласными *u*, *o*, *y*, *a* – *tusty*, *dug'i*, *ok'eć* (№ 291), *pum'en'*, *myńarka* (№ 294), *pot*, *opata* (№ 300) и т. п.; но в (№ 325) отмечена утрата не *ɥ*, а самого веларизованного сонанта *l* – *pica* / *pluca*, *pɥa*.

Таким образом, утрата латерального сонанта или его замена после гласного и после согласного эксплицируют с языковой точки зрения явления разного типа. После гласных – это коррекция контура слога, после согласных – результат артикуляционной специфики утрачиваемого согласного.

3.7.

Замена шумных согласных латеральным сонантом

Зубные смычные согласные могут заменяться латеральным сонантом перед следующим согласным. Если это происходит перед шумным согласным, то этим реализуется регрессивная диссимиляция по уровню сонорности и контраст по этому признаку в сочетании увеличивается. Если та же мена согласных происходит перед сонорным, то это – регрессивная ассимиляция по сонорности. Но в обоих случаях фонетическое изменение способствует повышению уровня сонорности звуковой последовательности.

В хорватских говорах: *'polpiš*, *'pol bogon*, *'polkova*, *'olgovor*, *ol'kat*, *olče'pit*, *kol'ca* (G sg от *ko'tac*), *'olma*, *l'no*, *bò:l'ňok*, *pul sò:lte*, *pul šp'lit*, *jel'ni* [FO № 42]; *pêl godišć*, *olgojil*, *jelnu*, *ol svôga*, *ol nogé*, *ol muškëta* [Peco 1980: 157–159]. Диссимиляция в виде *t*, *d* > *l* перед шумными согласными разного места и способа образования – явление необычное. Возможно, оно является результатом того, что стремление повысить уровень сонорности консонантного сочетания комбинируется с влиянием лабиализованности предшествующего гласного на ожидаемый сонант. Элемент лабиализованности свойственен начальной фазе лате-

рального сонанта. В [FO № 23] $d > l$ в *kol 'na:š*, а также после согласного и в соседстве с гласным *o* – *ñež'lo* (= gnjezdo).

В [FO № 44a] в хорватском говоре отмечена прогрессивная ассимиляция фрикативного шумного согласного латеральному в форме *l-pts* *f* – *'pa:l.^a* (< *pasla*), *'pol.^a* (< *pošla*).

В словацких и юго-западных украинских говорах региона Карпат замена шумного согласного латеральным ограничена сочетанием *dl*. Сочетание зубного смычного с латеральным сонантом образует слитную артикуляцию, которую [Брок: 144] называет «боковым взрывом», свойственным всем славянским языкам, а [Панов: 103] «взрывно-боковым звуком». В [Бернштейн: 188] высказано мнение, согласно которому такой артикуляционной слитности не было в западных праславянских диалектах – здесь компоненты *tl, dl* представляли собою совершенно отдельные артикуляции и поэтому сочетания сохранялись, не упрощаясь на ранних этапах в *l*, как это было в восточнославянских языках. Слитная артикуляция в сочетаниях *tl, dl* могла развиваться позже.

Слитность артикуляции способствует регрессивной ассимиляции в сочетании *dl*, но не *tl*, где контраст по голосу препятствует ассимиляции.

Словацкие говоры – *šillo, sallo, billo, strašillo, zuballo, ville, palla, ukralla, sellál, hrllo* [ASIJ 1, К. XXV]. Сочетание сонантов может сокращаться до одного согласного – *šilo, salo, mylo, rylo* [Селищев 1941: 72].

В словенских говорах [FO № 6, 10, 20] констатируется изменение *tl, dl > l* – *'wile, 'šila, 'vi:le, 'ši:lə, 'vile, p'leli; 'le:tvə* [Weiss: 336]. Неясно, предшествовала ли этому ассимиляция в группе согласных или непосредственно утратились *d, t*. При этом в [FO № 6, 10], если сочетания сохраняются, то *tl* унифицируется по участию голоса, т. е. *'pa:dla* и *p'ledla / p'f̥e:dli, po'm'ɛ:dla*.

Отмеченное в словенском говоре изменение $dl > rl$ – *zmar'le:itka* (< *mladlet*) [Koletnik 2001a: 112] повышает уровень сонорности сочетания и напоминает в этом отношении рассмотренное выше изменение $dn > rn$ в нижнелужицком.

В украинском гуцульском говоре (Путильский р-н) – *nil-л-унéти, nil-л-áуку, с'ил-л-ó, nil-л-óha, nil-л-éс'ím* (= под листьями), *nil'л'íze, поnil'л'ím, л'л'а г'itéни, vil-л-уч'éти*.

Замена шумного согласного латеральным повышает вокализованность звуковой последовательности, что в хорватских говорах выражено в большей степени, чем в словацких и украинских, поскольку эта замена не ограничена позицией перед *l*, а возможна перед шумными, в том числе и глухими, согласными.

3.8.

Изменение места и способа образования шумного согласного перед латеральным сонантом

В сочетаниях *dl*, *tl* может меняться место образования первого смычного согласного в виде его передвижения в задненебный ряд, что является регрессивной диссимиляцией по месту образования.

В гуцульском говоре (Путильский р-н), где происходит *dl* > *ll*, в сочетании *tl* глухой зубной заменяется задненебным – *клу́мок*, *докла́*, *м'ікла́*, *св'ікла* (Сен світло), *укл'іло́се*.

Замену зубного смычного согласного задненебным в сочетаниях *tl*, *dl*, демонстрируют:

словенские говоры – *'ci:ɣc* (здесь *g* > *ɣ*), *'či:kle*, *'šinjɟ* [Kenda-Jež: 221]; *g'le:sna*, *g'la:n*, *'mekla* [FO № 149]; *k'lačim*, *k'lije*, но *d'la:ka* (№ 17); в (№ 20) отмечено только *g'le:ivo*, *g're:ɟ*, *g'lo:n*, *k'wo:čiti*, *'wi:kla*, *'me:kla*, *k'lo:čjt* и др.; в [Koletnik 2001: 111] *g'lu:mp*, *g'le:jiva*, *k'la:čijo*, *'ku:kla* (= *tolklja*); в [Weiss: 338] *g'lè:sən*, *'pe:ŋgəl* (< нем. *Pendel*), *š'vinglet*, *g're:ɟca*, *k'li* (3 sg) *'na: kle*, *'fe:rkaɔc* (< *Viertel*). На фоне этого может происходить обратное изменение *gl* > *dl* – *d'li:ix* (= *glih*), *'mɛe:dla*, *'re:tl* (< *rekel*) [Zorko: 170, 265]; *d'le:n*, *'ra:jsknɛ:d'*, здесь же отмечено и упрощение *gl* > *l* – *'le:tvə*, *'le:te* (< *glejte*) [Weiss: 336];

хорватские – *'maɟla*, *gɟan*, *g'laɟa* [FO № 29]; *mɛkla*, *nākle*, *glāka*, *māklō*, *glētve* [Peco 1980: 175, 183];

сербские – *glāko*, *glèto*, *pɛklja* [Peco 1980: 31];

македонские – в начале слова *k'lanik*, *klejt* (= *tlee*), *g'lobok*, *g'leto* [FO № 99];

словацкие – *klčiem*, *klknút*, *glih*, *glžen*, *mgli* (= *mdly*) [Stanislav: 545]; в [ASIJ, К. XXV, комментарий с. 132] показана замена зубного смычного задненебным в сочетаниях *tl*, *dl* (в том числе перед слоговым сонантом) – *skɟp*, *kɟmačit'*, *gɟhán*, *gɟh*.

Замена смычного зубного согласного задненебным в сочетаниях *tl*, *dl* увеличивает контраст между рядом стоящими звуками, так как они отдаляются друг от друга по своей локализации. При слитности артикулирования этих сочетаний (единое артикуляционное движение) их изменение должно иметь особую подоплеку. Она состоит в тенденции перестроить консонантную последовательность в соответствии с естественным направлением шумопрохождения, что в конечном счете означает упрощение консонантной артикуляции. Имеется в виду следующее. Переключение

зубного смычного в латеральный сонант осуществляется путем некоторого перемещения языкового сближения с зубами спереди назад, т. е. навстречу движению воздушной струи, образующему шум. Особенно это выражено при невеличизованном согласном *l*. Изменение $t > k$, $d > g$ означает, что подход к латеральному сонанту переместился из передней части ротовой полости в ее заднюю часть. Средствами синтагматики корректируется направление шумопрохождения при образовании консонантного сочетания, чем достигается произносительное удобство (о других проявлениях этой фонетической особенности см. [Калнынь 2001: 104]).

В некоторых южнославянских диалектах отмечено фонетическое явление, состоящее в передвижении зубных спирантов в переднеязычный ряд перед латеральным сонантом, а также перед *n*.

В [FO № 95] изменение $s, z > š, ž$ в македонском говоре происходит перед палатальными согласными и объясняется как ассимиляция (сближение по месту образования, поскольку переднеязычный ряд ближе к среднеязычному, чем зубной) – *'mirišliv, 'ugašnu, t'rešnu, 'užnu, p'rikažna* (и *ugasneš, uzneš*); то же возможно в (№ 106) – *šljap, šljat, šl'jazi, šl'jači, š'liva, š'lini, 'mišli, maš'lina, žlja, izl'jaza*. В хорватском $s, z > š, ž$ – *š'l'iva, ž'l'ica* (№ 23).

Но авторы других описаний не связывают то же изменение зубных спирантов с палатальностью следующего сонанта, а считают, что передвижению предшествующего спиранта в переднеязычный ряд способствует сама по себе сонорность следующего согласного независимо от высоты его тона. Так, в словенском говоре [FO № 146] – *jà:šle, šli:baca, šli:na, šli:əd*; в сербских – *š'lijep, ž'li:*, а также *š'naxa, ž'nq:m* (№ 74); *šlika, rāžlika, mišlit, nē žnam, šnāga, šnjeg* [Peco 1980: 61, 62]; *š ljúdimā, š ljěsnikā, pošlje, pošljednji, šljězov, izljúbiti, iž njegā, krōž njegā, razljútit*, при этом отмечено, что переднеязычный спирант на месте *z* несколько более палатальный, чем обычный *ž*, но не *ž* [Peco 1983: 257]; в македонском – *'ašli, š'liva, šlep, šlet, se š'lekvi, če'rešla, iz'leva, iz'legva* [FO № 108].

Можно также отметить, что в хорватском говоре показано изменение $s > š$ не перед латеральным, а перед другими сонорными и перед *k* – *šmrēka, švrāka, škóblīca, šká:kavica* [FO № 33]. В этом случае также происходит сближение места образования рядом стоящих согласных.

3.9.

**Позиционно обусловленное
снижение уровня сонорности/голосности
латерального сонанта**

В славянских диалектах возможно снижение сонорности согласного *l*, т. е. *l > ʎ* в определенных позициях. Явление в своей основе имеет разные причины.

В сочетании типа *tSon#* изменение *l > ʎ* в конце слова имеет своей целью устранение восходящей сонорности в консонантном сочетании, завершающем слог, так как подобное завершение противоречит построению конечного слога по нисходящей сонорности. Так, в серболужицком слепянском диалекте – *wumetʎ, pl'etʎ, n'esʎ, dow'edʎ*; полное исключение голоса у сонанта ведет к его утрате, поэтому *jědʎ > jět, p'akʎ > p'ak* [SS 13, S. 222]. В *klatʎ, lesʎ* вместе с сонантом оглушается и шумный согласный [Селищев 1941: 233].

В [OF 1982: № 280] сказано о *l > ʎ* «в позиции оглушения» в польском говоре, но примеров этого не дано.

Устранение финального сочетания *tSon#* может достигаться утратой конечного сонанта. Поэтому в русском языке форма *l-pts m* имеет вид *нёс, вёз, нёк, стриг*, но при изменении *dl, il > l* в *иёл, вёл, плёл*.

Другим основанием понижения сонорности латерального согласного является прогрессивная ассимиляция предшествующему глухому согласному, как это отмечено выше для назальных согласных. Примеры из архангельских говоров – *t'epdó, pónдавн'и, кдад'йт'е, сусдón, мáсдо, пошдó, пóсди* [Касаткин 1999: 237]; *ос'л'éнда, пондафк'и, кл'уц', корáнд', волд', мыс'д', мотоц'икд*, а также *заподст'и, стодн* (Пинежский р-н). Снижение контраста по сонорности в этих конечных сочетаниях не свидетельствует об их недопустимости, как это было в окончании формы *l-pts m*, утратившей латеральный после тех же согласных.

3.10. Список интерпретируемых в разделе фонетических явлений

3.2.

ł/l > w, ɥ, v перед гласными

v > l

3.3.

ł/l > w, ɥ, v на уровне позиции, т. е. перед согласными и на конце слова

ł/l > w > f#

ł/l > w, ɥ, v в фиксированных морфемах (континуанты *tɥlt, *tɥlt и l-ptc m)

3.4

ł/l > o, u, a

3.5.

i > u перед t, ɥ

i > e перед ɥ, l

3.6.

утрата ł/l в звуковой цепи (> Ø)

3.7.

t, d > l перед шумными и сонорными согласными (tl, dl > ll, l; sl, šl > ll; tp > lp; tk > lk; tč > lč; ts > ls; dg > lg; dn > ln; dm > lm)

dl > rl

3.8.

dl, tl > kl, gl

s, z > š, ž, ś, ź перед латеральным сонантом

3.9.

l > ł

4

**Переднеязычный сонант
(вибрант r , r')**

4.1.

Варианты артикуляции переднеязычного сонанта

Согласный *r* образуется при дрожании передней части языка в зоне переднего нёба. «Эти движения не приводят к появлению турбулентного шума – они лишь создают характерную для дрожащих прерывистость звучания» [Бондарко: 84]. Артикуляционное варьирование *r* представлено в меньшей мере, чем у других сонорных согласных. Может быть разной степень «раскатистость» согласного, т. е. количество смыканий языка с нёбом. Так, при одноударности *r* в русском литературном языке, в диалектах тот же согласный может иметь 2 и 3 удара, чему соответствует более высокий уровень напряженности артикуляции согласного [Касаткин 1999: 238].

В немногих говорах на крайнем западе Славии вибрант образуется активностью увулы, т. е. в гортанной зоне. В [ОЛА. Вступительный выпуск: 54] согласный *R* определяется как заднеязычный сонорный и иллюстрируется примерами из верхнелужицких и словенских говоров. В [Jentsch: 49] тот же согласный в верхнелужицком говоре определен как увулярный спирант (uvulare Reibelaut) в *Rybo, kRušejn, jaRa. buR*. В применении к словенскому говору речь идет о заднем увулярном согласном *i* – *'i:ba, 'r̥e:b̥re, 'foka, 'fo:na, m'fau̯la, ž'r̥e:lo, u'r̥eme, 'r̥unkje* [Zorko: 24, 57 и др.]. Увулярная артикуляция производит акустическое впечатление менее раскатистой (менее дрожащей), чем переднеязычная.

Палатализованный вариант переднеязычного сонанта *r'* «условно назван дрожащим – кончик языка может находиться в фиксированном положении – фонетически *r'* более похож на щелевой, чем на дрожащий» [Бондарко: 84].

Синтагматически обусловленные изменения согласных *r*, *r'* в славянских диалектах связаны преимущественно с разной степенью их десоноризации (оглушения). Артикуляционный механизм изменения *r'* описывает [Брок: 37] – «если прикладываются плотно к зубам-деснам края также и переднего языка, оставляя для вибрации лишь маленькую, самую переднюю часть передней каймы языка, то вибрация этой каймы сопровождается свистящим или шипящим шумом, вызванным трением выдыхаемой струи о края узкого отверстия и его разбиением о край зубов». Напряженное артикулирование *r* также включает элемент фрикации в его образование.

Палатальный и палатализованный вibrант в большей степени, чем другие сонанты такого же типа, склонен к отвердению. Это может выражаться в изменении $r' > r$, а также декомпозиции $r' > rj$. Последнее рассматривается в 6.6.

4.2.

Соотношение r и l в пространстве слова

Славянской речи в некоторых ее диалектных и просторечных проявлениях свойственно особое отношение к ситуации, когда в слове имеются два вibrанта или вibrант и латеральный сонант, разделенные другими звуками, т. е. $r - r$, $r - l$. Эти последовательности часто подвергаются неконтактной диссимиляции. Как отдельный фрагмент фонетической синтагматики конкретного славянского языка/диалекта это явление в литературе не рассматривается. Исключение в этом плане представляет статья в [Hujer], где относительно подробно в пределах имеющегося материала описываются изменения в последовательностях $[r - r]$, $[r - l]$, $[l - r]$, а также $[l - l]$. Обычно же эти факты отнесены в список мелких фонетических явлений и упоминаются как признак изолированных слов. Поэтому и дальнейшее изложение носит фрагментарный характер.

В последовательности $[r - r]$ происходит регрессивная или прогрессивная диссимиляция по месту образования, в соответствии с чем, первый или второй вibrант заменяется латеральным согласным.

В [Hujer: 21] это явление определяется как свойственное всем славянским языкам и вызванное стремлением не насыщать слово одинаковой артикуляцией. Замена $r > l$ удобна тем, что уровень сонорности звуковой последовательности сохраняется. В работе приводятся следующие примеры регрессивной диссимиляции $r - r > l - r$ или $r - l$:

чешские: *falář, mulař, palagraf, leservní, opelirovat, kvaltýry, delectorka, legruta, levír, levizor, klejčič, lichtář, lournik* (от *roury*);

польские: *lubryka, lewerenda, lewers, lezerwa, alkierz* (=ärker), *mularz, lubryka, lozmar*;

хорватские: *slebrò, lebrò* (с. 20, 21).

Из другой литературы:

словенские примеры – *‘lojbər, la’nięřk* (< *garnir*) [Kenda-Jež: 230]; *upe’lè:rat, ‘lè:grat, ‘lò:r, sekəla’rist*; [Weiss: 344]; сербские – *lepètira, brez rèbla* [Boatić: 96]; словацкие в [Stanislav: 524] – *palagraf, legister, dil’echtor, almara, slaborica*; болгарские в [Стойков 1961: 164] – *леволвѣр, колидѣр*.

Явление распространено в русском просторечии: *на шаллiры, ди-лeктор, фолeтор* (= фореитор), *лаболатoрия, кульeр, лыцарь, халактер, глeйдер, леворoция, сильвирoвано, левольвeр* (здесь последовательность [р – л – р], так что возможна ассимиляция в р – л), *альхерeй* и др.

Прогрессивная диссимиляция $r - r > r - l$:

словенские примеры – *'ruol, terc'ja:lka* [Kenda-Jež: 230]; чешские – *střiblo, rula, rula* (< rúra), *rozbuliíc, brumbál, kvartýl, třet'alocky* (-rocky), *karnálek* (< karnárek) [Hujer: 20]; словацкие – *prepel'ica* (*perper-), *korhel'* (< Chorheg), *rúl'a* [Stanislav: 524]; русский – *прóлубь*; болгарский – *гар-дилóн* [Младенов 1993: 256]

В чешском и словацком при диссимиляции в [l – l] первый или второй латеральный заменяется вibrантом: *brblati* (< blblati), *mrholiti* (от mlha), *prubíal* (< pluvial), *flaner, liniár* [Hujer: 22]; *pirul'e, pirul'ki, popelvár* (< popelvál) [Stanislav: 524]; в словенском – l - l > r - l в *'ra:dʃc* [Kenda-Jež: 231].

Изменение $r - l > r - r$ в *revorver* [Stanislav: 525] и *парцáре* (< парцали) [Младенов 1993: 202]. В чешских говорах $r - l$ может преобразовываться в $r - n$: *itrocín* (< jítrocel), *petronka* (от petrolej), *šrajtofna* (< fl) [Hujer: 23]

Эффект метатезы создается в том случае, если согласные в последовательности $r - l, l - r$ меняются местами. Словацкие примеры – *goriel'* (< gol'ier), *gricel'in, chorel'a, krél'ik* и *l'evorver, palazór* (< parazól) [Stanislav: 525]; словенские – *la'vərber, 'le:bura, lə're:ta, 'lɔ:rʃi* (имя Rolf, где $r - l > l - r$); *'purʃəl* ($l - r > r - l$) [Weiss: 244]; македонские – *'laro* (< ralo), *'lurče* (< gulče) [FO № 106]; болгарские – *рiль* (< лира), *лiтpи* (< ритли) и *левервeр, кьльмфiр* [Бояджиев 1991: 59]; *каралáш* (< Калараш) [Младенов 1993: 256]; русские – *леригия, лериквия, леревантный* и наоборот *фершал* [Разговорная речь: 183].

Взаимное перемещение сонантов *r* и *l* в слове является следствием того, что они воспринимаются говорящими в слове как компоненты некоего целостного образования, хотя и не находящиеся в непосредственном контакте. Поэтому они могут меняться местами сообразно с представлением о произносительном удобстве. Здесь просматривается некоторая аналогия с назальными сонантами, которые тоже взаимозаменяются, но не в условиях неконтактности.

Взаимная мена вibrанта и латерального сонанта может происходить вне указанного контекста. В севернорусских говорах перед гласным и на конце слова она отмечена в [Бромлей: 22] – *косты́р', моты́р'*,

vál'ejski, néxmel'. В [Младенов 1993: 202] – *жэръди* (< жельди). В украинском говоре ОЛА № 462 – *'jater* (< дятел) [ОЛА 2а, 146].

Здесь же можно привести пример регрессивной ассимиляции в сочетании *rl* в закарпатском украинском говоре – *телліця, умелла* [Шевельов: 945].

4.3.

Сочетания *sr, zr, žr / str, zdr, ždr*

Изменения, происходящие в этих сочетаниях, в принципе могут быть связаны как с особенностями артикуляции фрикативного согласного, так и сонанта.

В праславянский период между фрикативным и вibrантом развилась смычная артикуляция, т. е. *sr > str* [Селищев 1951: 217; Бернштейн: 139]. В [Касаткин 1999: 253] это объясняется тем, что фрикативные были напряженным и вследствие этого после них перед *r* образовывалась «смычка с верхними зубами или альвеолами», что и давало эпинтетический взрывной согласный. Но возможен и другой вариант объяснения. При многоударном/напряженном *r* шум, сопровождающий каждый удар, усиливается и артикуляция *r* комбинирует дрожащую артикуляцию с фрикативной. Наличие этого фрикативного элемента снижает контраст в последовательности «фрикативный + вibrант» (тем более, если они оба имеют высокий уровень напряженности) и согласные разделяются смычным согласным. Позже, в истории отдельных славянских языков, вновь возникшие в результате метатезы сочетания того же типа могли или продолжить более раннюю тенденцию вставки *t, d* или остаться без изменения. Сопоставление этого явления в масштабах Славии предполагает [Вопросник ОЛА: 33] на материале континуантов праславянского *serda, *sormъ, *žerbe, *žbrdlo, *serbъro, *zbrěль.

Специальное внимание этому явлению в севернорусских говорах, в связи с констатацией в них фонетической категории напряженности/ненапряженности как альтернативы звонкости/глухости, уделено в [Касаткин 1999: 253]. Приводятся примеры вставных *t, d* не только в сочетаниях, получившихся в результате метатезы плавных, но и на стыке морфем после падения редуцированных – *струб, строк, строн'ила, страка, здр'ет', здр'а, раздр'езало, изд рук'и*.

В гуцульском говоре (Путильскийкий р-н Черновицкой обл.) отмечено не только *уздр'іу, н'іздр'а, острун* (= сруб), но и *изд метром* (= метро), *безд метрики* – поскольку *без масла, из меда*, то можно полагать, что в

приведенных примерах вставка *d* вызвана не контрастом между *з* и *м*, а неконтактной связью между *з* и *р*.

В целом в восточнославянских диалектах отношение *sr, zr, žr ~ str, zdr, ždr* как отдельный фрагмент фонетики не рассматривался специально. Существует лишь констатация появления вставных согласных *t, d* и отдельные примеры этого (например, русские просторечные *страм, здря*). Но корпус этих примеров и частота их появления в отдельных диалектах неизвестна.

В [Stanislav: 547] указано на словацкое диалектное различие *sr* (среднесловацкие говоры) ~ *str* (западно- и восточнословацкие говоры), т.е. *sreda* и *streda, sribro / sriblo, strebac*. В чешском [Lamprecht: 100] – *střěda, v Izdraheli, zdrali*.

По данным [FO] в македонских говорах вставной *t, d* может появляться не только в сочетаниях, образовавшихся в результате метатезы плавных, но и в таких сочетаниях, которые появились вследствие падения редуцированных. Так, *st'reda, st'reka, st'račka, stram, žd'rebe, 'nazdri* [FO № 90]; *st'rebro, st'reda, žd'rebe* и *'izdrečit, bezd'raboten, zdruk* (№ 96) и др. То же в болгарских говорах: *страм, уздрѣли, въздрѣстен* [Бояджиев 1991: 175]; *ждрѣбна, съ ждрѣбеше, съ уздрѣи* (= узрее), *спредѣта* [Младенов 1993: 123].

Вставка *t, d* в сербском говоре [FO № 169] – *st'rebro, st'ret'a, stre'da, st'ram, zd'rel*.

В словенском говоре [FO № 4], при наличии *zdrięc*, сочетание *žr* устраняется вставкой заднеязычного *h* – *požhrè:, žhrè:be* (в этом говоре *g > h*); вставка *g* представлена в *žg'rəbę, žg'ri:əboc* [Zorko: 104].

В то же время в македонских и болгарских говорах проявляется противоположная тенденция, а именно утрата смычного согласного в сочетаниях *str, zdr* разного происхождения:

македонские говоры – *'sesra, s'rina, s'rana, s'rojnik, z'rajve, ž'rebe* [FO № 97]; *sraf, s'raža, s'rižit, s'rela, zraf, z'rajve, z'ravec, ž'rebna* (№ 99);

болгарские – *срѣнь, срижѣ, срах, сѣсръ, ѡсръ, бисръ, сѣсриш, ср'аа, ѡсрик, срѣшни, зрѣф, узръв'а; срѣнь, срѣшнь, пьсру, срѡгу, зьрвѡвъ съ, сисрѣ, ср'ал'ят, срихѣ, вьср'ьп* (= ястреб), *срѣмпу* [Бояджиев 1991: 114, 136, 150].

В словенском говоре отмечена утрата *d* в сочетании *zdr* – *z'ra:wa, z'ra:jt* [Kenda-Jež: 230].

Эта утрата смычных согласных, вероятно, может быть обусловлена, ненапряженностью как вибранта (его одноударностью), так и фрикативного согласного в данных говорах. Смычные согласные, по опреде-

лению, имеют большую напряженность, чем фрикативные и вбрант. Включаясь в последовательность низко напряженных согласных, смычные *t, d* создают ощущение произносительного неудобства, и поэтому они утрачиваются.

4.4.

Эллипсис *r*.

В словенских говорах отмечена утрата вбранта после переднебных согласных – *ž'be* (= *žrebe*), *žē:bās*, *čē:da*, *čvō* (= *črevo*), *čpī:na* (= *čperija*), *čē :su* (= *čreslo*) [Škofic 2000: 144]. Утрата конечного *r* после гласного – *'gūo:* (< *gūo:r*), *'ka:* (< *ka:r*), *s'kūo:* (< *skūo:r*) [Weiss: 343].

4.5.

Мена сонанта *r* с другими согласными

Как показано выше в 2.1.2., возможна ассимиляция по сонорности в виде *d > r* перед *n* в серболужицких говорах. Такое же изменение, но перед гласным отмечено в чешских говорах в [Hujer: 22] – *děrek, tera, porušky, borejt'* и, наоборот, *r > d* в *kládyneť*. Такая мена предполагает слабую напряженность артикуляции *d*. Изменение *r > n* в тех же диалектах может быть результатом ассимиляции перед *t* – *dezentér, dezentýr* (передвижение в зубной ряд).

В русских примерах *ярманка, некрут, анхерей* изменение *r > n* – следствие неконтактной регрессивной диссимиляции в *r – r*.

В хорватских говорах известно произношение *r* вместо переднебного фрикативного *ž* в интервокальном положении преимущественно в формах глагола *moći: more, do'rene* [FO № 37], *vra* (< *uže*) (№ 29). В словенском – *bore* (< *bože*) [Ramovš 1924: 156].

4.6.

Синтагматическое воздействие сонанта *r* на гласные

Находясь перед согласным *r* или после него, гласные могут менять свою артикуляцию в отношении степени подъема.

В южнославянских диалектах это происходит *после r*.

В словенских говорах после *r* возможно как расширение безударного *e > a*, так и сужение *a > e* – *ra'pi:še* (= *repišče*), *ura't'e:nə*, 's'e:tra (= *sestre*) [FO № 10]; *re'ke:ŷje*, *pre'se:ŷca*, 'fi:ŋgret, *se jə res'ta:ŷkla* (№ 18). В хорватских фиксируется сужение *a > e* после *r* – *vre:bác* [FO № 39], *k'rešt*, *re'bac* (№ 43), *ré:sten*, *vré:bac* (№ 45).

После *r* континуант *ě может отличаться от основной рефлексации этого гласного. Так, в сербских говорах произносится *e* после *r* при рефлексе *ije*– *rèpa*, *vrèč'*, *rèčica*, *bréšč'ič'* [FO № 49]; при рефлексе *je* – *vrèca*, *brègovi*, *rèčica* (№ 50); при рефлекссах *je*, *i* – *strè:a*, *mrè:ža:*, *brèza*, *vrèca*, *ždrèba:d* (№ 59).

Изменение *a > e* после *r* отмечено в польских говорах в [OF 1983: 30, 52, 99] – *reduo*, *rem'a*, *uinter*.

В украинском надсянском говоре после твердого вбранта (как и после других переднебных) произносится *a* вместо *e* – *nirá* (но *ŷidè*), *hmrá*, *hmrát*, *чарáсло*, *храмít*, *бирáза*, *варашчéли*, *парахры́с*.

В словенском говоре в [Koletnik 2002: 143] для изменения гласного актуальна позиция *перед r*, что проявляется в изменении *o*: в *u:o* – 'm̄:orje.

Позиция *перед r* может влиять на качество гласного в польских говорах. В [Селищев 1941: 324] – *у*, *i* перед *r* приобретают более широкую артикуляцию – *ser*, *šeroko*, *šek'era*, *šerota*. В [OF 1983: 83] – перед *r* спорадически *u > o* (*xmora*) и, наоборот, *o > o > u* (*kačor*, *gošur*).

4.7.

Изменения вбранта, эксплицированные снижением уровня его сонорности/голосности

Выше было сказано о возможности понижения уровня сонорности у назальных и латерального согласного в определенных позициях. Снижение голоса у этих сонантов не выводит артикуляцию за пределы их зоны рассеивания, т. е. не сопровождается заменой сонанта другой единицей консонантного инвентаря, свойственного данному идиому. Максимальное понижение сонорного компонента согласного может привести к выпадению этого согласного из звуковой последовательности (замена нулем звука).

Снижение уровня сонорности вibrанта имеет своим результатом не только безголосый вариант вibrанта, но и звуки иного образования. При этом следует различать изменения *r* и *r'*.

Специфика образования палатализованного *r'* способствует развитию фрикативного шума, который присоединяется к вibrантной артикуляции, результатом чего является шумный (не сонорный!) вibrант *ř* (такое определение согласного *ř* дано и в транскрипции [ОЛА. Вступительный выпуск: 50], где он отнесен к классу спирантов). Как отмечает [Брок: 37], «в *ř* раскатистое образование покидает ряд сонорных согласных», а дальнейшее развитие *ř* в виде *ž* представлено в польском, когда вибрация полностью потеряна. В этой связи можно отметить, что по данным [OF 1984], стадия *ř* сохранилась в некоторых польских говорах после смычного согласного и на конце слова. Контакт со смычным согласным стабилизирует вibrантный компонент. Но после глухого согласного и на конце слова *ř* теряет голос, т.е. *ř* > *ṛ̌*. Ср. в [OF 1984] – *žeka* и *břoza*, *gřiva*, *zv'eř* (№ 263); *čořex'i* и *gřex'*, *txoř* (№ 264); *jažmo* и *břozowy*, *v'epř* (№ 273); *ožexi* и *břoza*, *pjepř* (№ 286) и др. О сохранении *ř* в польских говорах см. в [Klemensiewicz: 149]. В польском языке вibrант на стадии *r'* или *ř* подвергся прогрессивному оглушению после шумных согласных (поэтому *řu* и *džewo*).

Снижение голоса у вibrанта *перед* шумным согласным отмечается редко – так, в [Брок: 167] сказано о болгарском произношении *bil'arj*, *gorj*.

Специфическое проявление прогрессивное оглушение вibrанта имеет место в нижнелужицких диалектах, где такому оглушению подвергается не только *r'*, но и *r*. Здесь после глухих смычных согласных *p*, *t*, *k* на месте *r* может приноситься переднеязычный корональный спирант *š*, а на месте *r'* (перед передними гласными) – палатальные *š'*, *č'*, палатализованные *š'*, *č'*. В транскрипции в [SS 1, 17] для этих согласных использованы определения – *stumpf hart š*, *stumpf weich š'*, *č'*, *stumpf halbweich š'*, *č'*. Параллелизм в оглушении *r*, *r'* представлен не всегда – изменение *r'* распространено шире и может существовать без оглушения *r* [Mucke: 229; Stieber: 49]. Так, в описаниях фонетики серболужицких пунктов ОЛА [Michalk, Sperber] показано соотношение [*pr*, *kr* > *pš*, *kš*; *tr* > *čj*]; [*pr'*, *kr'* > *pš'*, *kš'*; *tr'* > *čj*] (№ 234), а в переходном говоре *pr*, *tr*, *kr* сохраняются, но происходит изменение *pr'* > *pč'*, *tr'* > *č'*, *kr'* > *š'č'* (№ 235).

Особенность нижнелужицкого фонетического явления состоит в том, что замена сонантов *r*, *r'* шумными согласными после смычных *p*, *t*, *k* происходит лишь в праславянских консонантных сочетаниях и отсутствует в аналогичных последовательностях, возникших после мета-

тезы плавных и падения редуцированных (например, *prozny*, *wotrubaś*, *wotr'ezas*, *na kr'u*). Исключения составляют префиксы, восходящие к **perd-*, **perz-*. Имеются разные объяснения изменения *r'* в этих морфемах – более слабая артикуляция предлога «благоприятствовала утрате вибрации в *r'*» [Селищев 1941: 239]; аналогия с префиксом **pri-* [Fasske: 108]. Не исключая этих объяснений, можно также предположить, что метатеза в инициальной группе **tert* происходила раньше, чем в следующих частях слова, т. е. в тот период, когда еще был актуален процесс оглушения вibrанта.

Примеры нижнелужицкого прогрессивного оглушения вibrанта: *pšosyś*, *pšawy*, *pšoso*, *tšaца*, *tšužnik*, *u'ěš*, *bratš*, *kšet*, *kšyśo*, *kšom'icka*, *pšěść*, *pšęgaś*, *įapś*, *tšěść*, *nulś*, *kšiju*, *kšida* и отсутствия изменения в новых сочетаниях – *praxe*, *prziś*, *strocy*, *póstronk*, *krynuś*, *krona*, *špr'icka*, *tr'ěś*, *kr'ick* [Fasske: 107]. Позже тот же автор результаты изменения вibrанта после *t* обозначает только как *tr > č* [SS 13, S. 224].

В нижнелужицких диалектах возможна ситуация, когда *r* (но не *r'*) оглушается только после *t*, но сохраняется после *p*, *k*, например, *jatšy*, *išax*, *sošša*, *tšuna*, *wuśobny*, *wučoba*, *čoxu*, *čawa* и *prawy*, *prosty*, *krupy*, *kryšo* [Калнынь 1967: 108].

Условием оглушения вibrанта в указанных сочетаниях был высокий уровень напряженности глухих смычных согласных. При этом близкие по локальному ряду согласные имеют больше оснований для ассимиляции, чем согласные, место образования которых отдалено друг от друга. Вibrант по месту приближения языка к твердому небу соседствует с зубным взрывным согласным. Поэтому можно считать, что прогрессивная ассимиляция *r* шумному согласному раньше всего происходила после *t* и в части нижнелужицких говоров этим ограничилась. В других говорах процесс продлился и в него были включены группы *pr*, *kr*. Импульс ассимиляции должен был быть достаточно сильным, чтобы преодолеть расстояние между *p*, *k* и *r* – шумные были удалены от *r* не только по месту образования, но и отличались от сонорного веляризованностью, присущей согласным губного и задненебного ряда.

Отсутствие изменения вibrанта в сочетаниях, появившихся после метатезы плавных и падения редуцированных, может означать, что новые сочетания не имели тех свойств, которые послужили предпосылкой для унификации по отсутствию голоса старых сочетаний *p*, *t*, *k* с вibrантом. Различие может касаться: 1) качества глухих взрывных, 2) качества вibrанта, 3) характера связи между этими согласными. Глухие согласные могли стать менее напряженными и их ассимилирующее

воздействие на следующий сонант стало слабее. Артикуляция вibrанта является раскатистой. Но, возможно, на протяжении истории варьировалось количество ударов, образующих раскат. Чем больше ударов, тем выше эффект шума, тем больше шансов для вibrанта подвергнуться ассимилятивному оглушению. Наконец, артикуляционная связанность компонентов праславянских сочетаний могла быть более тесной, чем во вновь возникших сочетаниях. Ср. замечание о наличии вокальной связи между *p* и *r* в *p^orose* в мужаковском говоре [Щерба: 57], что возможно в условиях ослабленной связи между согласными.

Десоноризация вibrанта, происходя до метатезы плавных, тем более должна была предшествовать отвердению палатальных шипящих. Поэтому *š < r* был звуком позиционно локализованным, составляющий специфический артикуляционный комплекс с предшествующим глухим взрывным. В [Faska: 42] отверждение *š', ž'*, а также *s', z'* отнесено ко времени до метатезы плавных. Однако *o* из *e* после этих согласных (*žona, sošča, jazor, žouty*) показывает, что в момент перехода *e > o*, происходившего только после мягких согласных и после метатезы плавных, названные спиранты были еще палатальными/палатализованными. Согласный *r* перед передними гласными имел позиционную полумягкость, т. е. *r'*. Спирант, развившийся на месте *r'*, включившись в процесс смягчения полумягких, не совпал ни с *š'*, ни с *s'*, поскольку к этому времени данные спиранты отвердели. Согласный же на месте *r* сохранил высокий тон и перешел в палатальный *š*. Представление о том, что в нижнелужицком *r* (*r'*) развился сначала в палатальную аффрикату *č*, которая позже изменилась в *š* [SS 2, S. 70], противоречит существованию артикуляции вibrанта, которая ближе всего к фрикативности. Поэтому первый наиболее вероятный результат оглушения вibrанта должен был иметь фрикативный характер. На изначальную связь вibrанта именно с фрикативной артикуляцией указывают приведенные в [Mucke: 232] примеры из мужаковского диалекта, в которых *r*-призвук, как след исходного состояния, сохранился между *t* и *š* – *t'šī, t'šo*.

Благодаря раннему возникновению и длительному существованию, те сочетания, которые отразили замену вibrанта фрикативным согласным, имели много возможностей для последующих изменений.

Сочетание *tš*, артикулируясь слитно, образовало переднеязычную аффрикату *č* – *čoxi, čax, čuna*. О возможной давности такого изменения свидетельствует мена *č (< tš)* на *c*, как это имело место для **č* – *cašyduo, cužn'ik* (при *cuzy, custy, pcola / cola*). Палатальная дорсальная аффриката *č* на месте *tš* из *tr* – *brač, čax, čaun'ik*, появилась, возможно, по аналогии

с *ć* из *tš*. Преобразование же *tš* из *tr'* в аффрикату *ć* (через стадию ассимилятивного смягчения *t's*) достаточно распространено – *ćox, ćeść, će-sate*; этому способствует и первоначальное наличие *s* перед *tr'* в таких словах как *ćexa, ćel'aś* и под.

Произношение *ć/č'* после *p* в *pčasl'en, kopćića* [SS 4, К. 15, 97], *pč'ač'el* [SS 8, К. 37] означает, что при переходе от губного взрывного к следующему фрикативному согласному образовывалась добавочная смычка типа *t*, что создало предпосылки для появления аффрикаты на месте *ś*. Возникновению смычки способствовала напряженность губного взрывного, а также высокий тон *ś* – артикуляционное движение от веларизованного *p* к палатальному *ś* достаточно сложно и может сопровождаться повышенной фиксацией смычности *p* как основного его качества. Примечательно, что в словаре [Мука: слова на ptš] диалектные варианты с *pč < pr'* обозначены как *ptš*. В [Щерба: Приложение, 24] по поводу произношения в мужаковском диалекте *n'idćiže* из *n'ipc'iže* сказано, что «знание о каком-то смычном, прежде здесь бывшем, выразилось в этом *č*».

Другой вариант причины появления *ć* вместо *ś* после *p, t* предлагает [Schuster-Šewc: 277]. Он считает, что это является результатом интерференции при контакте нижнелужицких *ś*-говоров с верхнелужицкими *ć*-говорами. Осознание эквивалентности палатальных фрикативного согласного и аффрикаты имело своим эффектом замену *ś* через *ć* после *p, t* (а почему не наоборот? – Л.К.).

Смычный согласный *k* как и *p* является веларизованным, что могло бы создать предпосылки для образования промежуточной смычки между *k* и *ś* и появления *ć*. Сочетание *kć* реконструируется для более раннего периода [Schuster-Šewc: 278], но в современных нижнелужицких диалектах отсутствует. Возможно, следы этой стадии фонетического развития *kr'* представлены в виде сочетаний *ść* и *śč* или *š'č'*, как это дано в SS и в [Michalk, Sperber] – *š'č'eb'jat, śčeb'jat, ściš, ściš, š'č'iš* [SS 6, К. 36, 39]. Сочетание *śč/ść* из *kć* могло получиться путем: 1) регрессивной диссимилиации согласных по способу образования, когда взрывный согласный перед аффрикатой заменяется фрикативным согласным, и 2) регрессивной ассимиляции по высоте тона и по месту образования (сближение с аффрикатой). В результате получилось сочетание с точки зрения участия смычной артикуляции зеркальное по отношению к исходному – ср. *kr'* и *śč/ść*.

Десоноризация вibrантов в нижнелужицких диалектах является наиболее архаическим проявлением той особенности славянской фоне-

тики, которая состоит в задержке включения голоса при артикулировании сонорного согласного после глухого шумного, т. е. прогрессивной ассимиляции по глухости. Рассмотренные факты демонстрируют результаты завершившегося процесса, в течение которого вibrант сначала теряет голос, а потом повышает уровень шума до совпадения с фрикативным согласным.

В [SS 13, К. 55, S. 224] показано диалектное различие, выражающееся в изменении сочетания *tr* в словах *bratr*, *kmotr*, *wětr*. В верхнелужицких говорах *brat* ~ в нижнелужицких *brač* ~ в промежуточной зоне *bratʁ*, т. е. сонант с пониженным уровнем голоса. Внешне варианты *bratʁ*, *brač* находятся в хронологической последовательности – *tʁ* предшествует *č* (< *iš*). Но в указанных словах эти сочетания могут быть вызваны разными причинами. В *brač* – результат прогрессивного оглушения вibrанта, что может происходить в любой позиции в слове (ср. *čach*), а в *bratʁ* – преобразование сочетания типа *tSon#* сообразно правилу строить именно конечный слог по нисходящей дуге сонорности.

Снижение уровня голосности вibrанта как факт актуальной фонетики представлено в севернорусских архангельских говорах преимущественно в виде прогрессивной ассимиляции шумным согласным, реже в виде регрессивной ассимиляции. Безголосый вibrант имеет в своей артикуляции шумовой компонент, интенсивность которого колеблется. Примеры этого – *травá*, *полл'итра*, *тʁ'í*, *зáfтʁ'e*, *л'итʁ''' наб'еру*, *кап-рбóловы*, *пʁ'''íжм'от*, *вовну́тʁ'''*, *крушк'í*, *кʁ'ívóй*, и до тех пор *с'пл'у*, *пáрк*, *т'ортуха* (Пинежский р-н); *пʁóшлый*, *упʁьвл'áйу*, *крас'íвы*, *д'екр'эт*, *у́тʁьм* и др. [Касаткин 1999: 237]. В вологодском говоре в конце слова снижается сонорность вibrанта не только после глухого шумного, но и после звонкого – *в'епʁ'*, *нойáбр'*, *бобʁ*, *п'отʁ* (Тотемский р-н) – звонкий согласный может снижать уровень голоса перед *ʁ*, но полностью превращается в глухой согласный только перед паузой при утрате вibrанта (*дон*, *окт'án*).

4.8.

Список интерпретируемых в разделе фонетических явлений

4.1

степень «раскатистости» г
увулярный R

4.2.

[r - r] > [l - r]

[r - r] > [r - l]

[r - l] > [r - r]

[r - l] > [r - n]

[l - l] > [r - l]

метатеза в [r - l], [l - r]

l' > r', l > r

rl > ll

4.3.

sr > str

str > sr; str' > sr'

zr > zdr

zdr > zr

žr > ždr

ždr > žr

žr > žhr, žgr

4.4.

r > Ø

4.5.

d > r

r > n

r > d

ž > r

4.6.

после г: e > a; a > e; рефлекс*ě;

перед г: y, i > e; u > o; o > o, u.

4.7

r' > ř

tr > tr̥ > tš, č, ć

tr' > tś, tr̥'

pr > pr̥ > pš

pr' > pś, pć/č', pr̥'

kr > kr̥ > kš

kr' > kś, ść/š'č', kr̥'

br# > br̥#

br'# > br̥'#

r > Ø

5

**Правила синтагматики,
отражающие приоритет
признака сонорности
в артикуляции согласных
*n, m, l, r.***

5.1.

В этом разделе синтагматика указанных соаптов рассматривается не через призму изменения отдельных согласных и их сочетаний, а с точки зрения того, как сонанты, сами не меняясь, влияют на устройство окружающего фонетического пространства.

Как было сказано выше, в славянской речи сонорные согласные в сочетании с шумными имеют тенденцию снижать уровень голосности в той части сонанта, который соседствует с шумным – чаще это происходит после шумного согласного [Брок, 169]. Примеры позиционно обусловленного снижения уровня голосности сонантов показаны в предыдущих разделах.

Но возможна ситуация, когда фонетическая синтагматика специально ориентирована на охранительное отношение к уровню сонорности/голосности сонантов. Примеры этого имеются в разных говорах.

В систему русского диалектного языка включено диалектное различие, основанное на наличии/отсутствии в слове интерконсонантных этимологически немотивированных гласных, на частоте их появления и степени выраженности. Явление это описано в литературе и имеет разное объяснение. В [Пауфошима 1977: 235] появление вставных гласных ассоциируется со слабым примыканием согласного к гласному и тенденцией деления звуковой последовательности на открытые слога – вставные гласные разбивают консонантное сочетание по двум открытым слогам. В [Бурова 1981: 97] появление вставных гласных связано с сильной, вплоть до нуля, редукцией безударных гласных – в этом случае безударные гласные сближаются с «нефонематическими гласными вставками, что дает последним возможность наиболее полного проявления».

Однако появление вставных гласных может иметь и другое основание, а именно связанное с сонорностью согласных. Это можно показать на материале одного южнорусского говора (Моршанский р-н Тамбовской обл.).

В говоре распространено произношение этимологически немотивированного гласного типа *ъ* после твердых, *ь* – после мягких согласных. Вставные гласные существуют как произносительные варианты – одно и то же консонантное сочетание может произноситься как со вставным гласным, так и без него (в зависимости от темпа речи, положения слова во фразе). В то же время имеются слова, в которых вставной гласный присутствует всегда и поэтому отождествляется с этимологически обоснованными безударными гласными, например, *тѣлахъй*,

съмалá, кúкьла, кáтъл'а и др. Статус вставного гласного как постоянно-го компонента в этих словах подтверждается тем, что он сохраняется при слогоделении, заменяясь на *ы*, так же, как этимологически мотивированный *ъ* – *пы/та/му* и *пы/ла/хóй*. Но чаще вставной гласный при сло-годелении не произносится – *съмалá* и *сма/лá*, *кнүтóm* и *кну/тóm*, *шъвыр'át'* и *швы/р'át'*, т. е. является признаком только связно произне-сенного слова.

В рассматриваемом говоре появление вставного гласного находит-ся в связи с той ролью, какую играет контраст по уровню сонорно-сти/голосности согласных в звуковой цепи.

Вставные гласные появляются в большинстве случаев в составе сочетаний согласных, один из которых сонорный; реже – между двумя сонорными, совсем в единичных примерах – между двумя шумными. Имеющийся материал группируется следующим образом.

Позиция между глухим шумным согласным и сонантом.

кън'гуа, с'ъл'íва, ч'ъл'éну, тъварóх, търашóл, кълч'к'í, стърас'íла, с'ъв'атóй, сърабóт'í, с'ъмíуца, зафтьр'ъ, з'в'áкнут', вьч'ъл'í, сукъ-ны, бужьва, утьръм, с'в'ókьла, тóч'ьна, на лítъру, кúфън'а, пáхын'ít', пацóхъла, вьшъла зáмуш, пóс'ъл'í.

Позиция между звонким шумным согласным и сонантом.

тр'í бърáта, каз'ъл'óнк, в'азьлá, дъравá, дьл'íна, зънам'óна, разъвад'ít', нá дъва, йáзьва, с'íвóд'ьн'а.

Позиция между сонантами.

с'íl'ъв'óрст, р'ъв'óт', вьрóд'í, мънóуа, мьлáчышый, рьван'йó, в ár'ъм'íу, ф п'эр'ьвых, аста́въл'у, пóльна́йа, ф калóмън'í, пáр'ьн'а (G sg), пакóр'ъм'ím.

Позиция между сонантом и шумным согласным.

мъуá, калъхóз'н'ík, калъпáк, ал'ьхá, ал'ьшáн'н'ík, т'íр'ьпл'у, намóр'ьд'н'ík, зам'óръз'л'í, в дьръках, цéньтьр, пóл'ьза, рáн'ьшы, шéръшын', цáръскый, з'эмъскый, вóльулуй, пáрък, партóръх, стóлъп, вáл'ьс, с'эр'ьп, ч'эр'ьф', жóлч', тóръф, тóлък, пóр'ьч' (=порча), хóлъст, с'м'эр'ьт'.

Связь вставного гласного преимущественно с позицией до или по-сле сонанта дает основание полагать, что вокальная прокладка является реализацией охранительной тенденции в отношении голосности сонан-тов в звуковой цепи. Консонантный статус сонантов основан на сочета-

нии смычно-проходного образования с голосностью. В образовании сонанта шум или отсутствует или выражен слабо, а «основной источник звука этих согласных – голосовой источник» [Бондарко: 84]. Но снижение голосности сонантов в соседстве с шумными согласными может искажать статус сонантов как отдельного класса, сдвигая их в сторону шумных согласных. Поэтому в данном случае тенденция не менять именно уровень голосности сонанта в звуковой цепи укрепляет статус сонанта как согласного. В приведенных выше примерах вставной гласный охраняет сонант от возможного снижения сонорности под влиянием соседних шумных согласных. Поскольку контраст по голосности особенно выражен между глухим шумным согласным и сонантом, постольку эффект экранирования согласных друг от друга с помощью вставного гласного в наибольшей степени проявляется в этих сочетаниях. Контраст по голосности существует и между звонким шумным и сонантом, но здесь он менее ощутим, и поэтому вставной гласный в сочетаниях такого рода появляется реже.

Рассматриваемый южнорусский говор расположен в регионе, где признак консонантности имеет наиболее высокий уровень в устройстве фонетического строя соответствующих диалектов [Калнынь 2000а: 23]. Выражением этого является и употребление вставного гласного с целью охранения консонантного статуса сонорного согласного.

Явление, внешне отчасти похожее на описанное, существует в некоторых словенских говорах. Здесь в результате нулевой редукции безударных гласных образуются новые последовательности сегментов, в том числе такие, в которых сонант находится между шумными согласными (C*Son*C). В этом случае перед сонантом появляется вторичный вставной гласный *ə*, *ɔ*. В [FO] это показано следующими примерами:

bərsà:uka (< bri) (№ 4), *kər'zi:šte* (< križišče), *zəkər'ča:la*, *dər'ɣa:čin*, *stər'si:na*, *pərtφčə'ra:šnin*, *st'rɛ:xəncə* (< -xnica), *štərkəlca* (< -klica) (№ 11); *uzdī:gənt* (№ 14); *kəlči* (< kleči), *pərdi:ca*, *pəržgé:*, *kərpí:wa*, *pərbí:ca* (< pravica).

Явление такого типа показано в [Škofic 1996] в словенском говоре, в котором широко представлена нулевая редукция гласных. Она происходит не только в соседстве с сонорными согласными. Но здесь и далее мы используем примеры, которые имеют отношение к рассматриваемой теме, т.е. сочетания с сонантами. При этом следует отметить, что автор статьи интерпретирует появление вставного гласного как результат распада сонанта на последовательность *ə*+*Son* (с. 474): *dəkəlca* (< -lica), *jú:žəncə* (< -nica), *lɛ:təŋk* (< -tnik), *lɛ:šəŋk*, *pRá:zəŋk*, *mì:solte*, *pó:stəlca*,

tà:bəlca, dɑ:Rgà:č (< drag-), G sg podó:bəŋga, mi:səlt, pá:xənt, poklé:kənt. sté:gənt, stí:sənt, ugá:sənt.

Вставной гласный появляется и в контексте SonSonC и C SonSon – в [FO] *vərçì:na*, *vièvərca* (№ 4), *'mq:vərca* (№ 11), *mərč'ni:k* (№ 10), *dərvá:rənca* (<-rnica) (№ 14); в [Škofič 1996] – G sg *uè:Rəŋga* (<-rnega), *noRmà:ləŋga*, *mi:səlmo*, *mi:səlva*, *ugRí:zənlə*, *xó:pəlnə*, *à:Rəŋka* (<-rnika), *tɑ:Rjè:* (< trijé).

В словенских говорах, в противоположность южнорусскому, вставной гласный имеет своей целью не поддержку консонантного статуса сонанта, а противостояние консонантизации слова. Он сокращает длину консонантного сочетания, обычно трехчленного, разъединяя скопление согласных слоговой границей. Для этого акцентируется голосность сонанта, поскольку именно она способствует выделению вставного гласного. В некоторых говорах, имеющих нулевую редукцию безударных гласных, устранение вновь возникших консонантных сочетаний достигается и тем, что сонант становится слоговым и также отделяется от соседних согласных слоговой границей (с одной или с обеих сторон). Примеры этого в [FO] – *dŕ'žna*, *str'xar*, *'česŋk* (№ 6), *stjéklya*, *sédmya* (№ 8), *sm' b'la*, *'temŋga*, *vz'di:gŋli*, *dŕ'gɑ:č*, *'pŕšu* (№ 17); в примере *vlk* (< velik) (№ 19) слоговой сонант становится центром односложного слова. Неясно, возникли слоговой сонант и вторичный гласный в результате разных линий развития или же находятся в отношении последовательности – сначала слоговой сонант, а потом вставной гласный.

В диалектах, преимущественно южнославянских, представлена такая фонетическая черта, как замена фрикативного согласного аффрикатой в соседстве с сонорным согласным. Д. Брозович, рассматривая распространение аффрикаты *z* в балканских языках, в качестве центра фиксации этой аффрикаты называет Вардарскую Македонию. При этом автор констатирует изменение *z > ʒ* под влиянием ближнего или дальнего сонанта, включая позицию типа *zV Son* [Brozović: 146].

В [FO] следующим образом показана аффрикатизация не только зубного, но и передненебного спиранта в соседстве с сонорными согласными:

'jənzɑ, *b'ronzɑ*, *'mɑlʒet*, *ʒver* (№ 92); *m'ranʒul*, *'ʒveči*, *ʒ'vonče* (№ 94); *benʒin*, *munʒɑ*, *enʒɑ*, *mɑlʒit*, *solʒɑ*, *olʒica*, *polʒaf*, *mezre*, *nazre*, *sobzre* (№ 96); *naʒre*, *ʒver*, *ʒ ruki*, *ʒvaka* (№ 102); *'mɑlʒi*, *'saʒi*, *'varʒi*, *'zerʒel*, *aʒ'ʒica*, *'daʒʒi*, *'darʒi*, *ʒ'vonec* (№ 106). В [Видоески 1998: 110] – *ǎlsuȓa / ǎlȓuȓa*, *sǎlsa*, *mǎlsut*, *vǎpsu*, *nǎspum*, *nǎlȓaf*, *dǎȓu*, *dǎlȓuȓa*.

Развитие аффрикаты в соседстве с сонантом эксплицирует охранительное отношение к голосному компоненту сонорного согласного. Это достигается увеличением контраста между сонантом и шумным согласным по уровню консонантности/голосности, поскольку аффриката имеет более высокий уровень консонантности в сравнении с фрикативным согласным. В подобной ситуации сонант как бы дистанцируется от соседнего шумного согласного с тем, чтобы не допустить синтагматически обусловленного снижения голосности сонанта. С этой целью на границе между сонантом и шумным согласным образуется переходный элемент в виде смычки, которая в сочетании с фрикативным спирантом образует аффрикату. По наблюдением автора в [Brozović: 147], аффрикатизация спиранта наиболее часто происходит под влиянием *r*, т. е. в сочетаниях *zr*, *zr̥*, *rz*, *rz̥*. Вероятно, это происходит потому, что вибрانت, обладая наименьшим уровнем голосности среди сонантов, нуждается в большей защите от возможного влияния шумного согласного.

Предложенное объяснение не вполне подходит к аффрикате перед сонантом (*ʒr*, *ʒv*), когда смычка не соприкасается с сонантом. Возможно, в этом проявляется общая тенденция в отношении к соседству аффрикаты и сонанта в соответствующих диалектах.

Сходная картина аффрикатизации спиранта в соседстве с сонантом, по данным [FO], показана в сербских говорах: *inʒíñe:r* (№ 62); *bronʒi:n*, *faʎʒo:ra*, *'brzo*, *'ʒno* (№ 73); *brò:nʒa*, *benʒi:n*, *penʒija*, *ʒvè:r*, *kò:nʒula* (№ 83); *zunʒar*, *mənʒura*, *ʒ'virka*, *ʒ'vono* (№ 84).

В болгарских говорах изменение спиранта *ж* в *дж* дается в [БДА I, карта 59] – *бърже*, *вържем*, *държи*, *продължим*, *пържен*, *ръмци*, *държавата*, *инжекция*, *търболи*, *свържим*, *инженър*.

Аффрикатизация глухого спиранта отмечается реже – вероятно, более сильная/напряженная артикуляция глухих согласных делает их менее подверженными синтагматическим изменениям. Так, в македонских говорах – *'donci gu* (< *donesi*), *zən'cex* (FO № 111), *mənč* (=mqžь) (№ 112); сюда же можно отнести *s >* с между сонантом и *k*, если после гласного (позиция V-k) сохраняется спирант – *starcki*, *seŕcki*, *bugarcki*, *turcko*, но *nebeski*, *tetosko* (№ 96), *bitolcki*, *polcki*, *gorcki*, *sfincko* и *kičeski* (№ 101).

Сказанное о механизме аффрикатизации спирантов в соседстве с сонантами согласуется с объяснением этого явления в чешских говорах в [Селищев 1941: 109] – *ns*, *nš*, *nž* > *nc*, *nč*, *nž*, так как переход от носового сонанта к спиранту «совершается через затвор при закрытом входе в полость носа», что и дает *jinči*, *jendže*, *žencký*, *pancký*.

Аффрикатизация спиранта в соседстве с сонантами отражает стремление не допустить повышения консонантности/снижение сонорности звуковой последовательности, которое может наступить в результате снижения голосности сонанта в соседстве с шумными спирантами. В этом проявляется одна из характеристик идиомов, обладающих признаками вокалического типа.

5.2.

Приоритетное значение голосности сонантов может проявляться при синтагматическом оформлении *начала* и *конца* слова.

Падение редуцированных провоцировало появление *начальных* консонантных сочетаний типа *SonC*. Такие сочетания противоречили традиционно существовавшему правилу недопустимости нисходящей сонорности в начале слова/слога, как это имеет место в *#SonCV*, и могли ассоциироваться с произносительным неудобством [Иванов 1990: 175]. Коррекция ситуации в принципе могла быть достигнута оглушением сонанта или его утратой – известно, сколь многочисленны и разнообразны были изменения в возникших после падения редуцированных консонантных сочетаниях. Но в рассматриваемом случае проявилась тенденция стабилизировать уровень голосности сонанта, которая с неодинаковой интенсивностью проявлялась в разных регионах Славии. Это достигалось силлабизацией сонорного согласного или развитием перед ним вторичного гласного. В обоих случаях устранялась нисходящая сонорность в начале слога/слова, поскольку сонант отделялся слоговой границей от следующего шумного согласного. В русистике принято считать, что слоговость инициального сонанта предшествовала выделению инициального гласного, т. е. предполагается развитие типа *rъzi > rzi > irzi* [Шахматов: 229–241; Аванесов 1956: 57].

Произношение инициального гласного перед сочетанием типа *SonCV* присуще части русских говоров. По материалам ОЛА, континуанты праформ **тъха*, **тъгла*, **ръзи*, **лъна* в некоторых русских пунктах имеют вид *im'xa*, *im'gla*, *im'ya*, *im'la*, *ir'zy*, *ar'zy*, *il'na*, *al'na*. В **лъна* согласные не контрастируют по уровню сонорности, поэтому основанием для первоначального придания слоговости первому сонанту/развитию инициального гласного мог быть контраст по способу образования между плавным и назальным согласным. Интерконсонантный гласный в континуанте этой праформы (*l'ona*) показан в 30 русских пунктах сетки ОЛА; в пункте 727 зафиксирован инициальный слоговой сонант – *l'na*.

В [ДАРЯ 1. Вступит. статьи: 111] в комментариях к картам 14, 15 приводятся следующие примеры с вторичным инициальным гласным перед *SonV* – *иржі́, арж́анище, имх́а, имши́ть, имши́ра, имѓа, им-сті́ть, арж́авчина, арт́ом* (Inst sg), *альѓота, альд́ина, алѓун, алб́а* (G sg), *амѓла*.

Следует отметить, что в русских говорах вторичный гласный может быть не только следствием высокого уровня голосности сонанта и недопустимости нисходящей сонорности в начале слова/слога. Как показано в [ДАРЯ 1: *ibid*], в некоторых говорах вторичный инициальный гласный произносится перед сочетаниями типа *SonSonV, C SonV, CCV*, т. е. *ильняно́й, имне́, ипра́вится, ижну́, игна́ть, испи́чка, изде́сь, ишту́ка, атхо́рь* и др. В данном случае речь может идти об особенностях артикуляционной базы идиома, предполагающей достаточно сильный гласный приступ перед консонантным началом слова [Пауфошима 1977а: 117; Калнынь 1996: 53].

Устранение инициального сочетания *SonC*, возникшего после падения редуцированных с помощью инициального гласного, за пределами русских говоров отмечено иногда перед вибрантом, в том числе слоговым. Так, в сербском говоре [FO № 169] – *'ərže, 'ərž, 'ərđa*; в хорватских – *'j:žje* (№ 44а), *xa:r'dja, 'xarš* с заднеязычной протезой (№ 29) *'xerđa, xè:rž* (№ 153); в македонских – *'jg'a, 'jgska* (№ 98), *'jš, 'jžanica* (№ 100). В говоре Полога [Селищев 1981а: 306] – *'p'ra, 'p'ru*, а также *'p'ru*. Но чаще в южнославянских говорах в начале слова представлен слоговой вибрант без гласного призвука.

Инициальные сочетания *SonC* могут устраняться с помощью вставного гласного, который в описании македонских говоров в [FO] называется «вторичным ъ». Так, в хорватских *la'gat, lež'nif* (№ 23), *'mā gla* (№ 29), *lā:žam, lā:gel, la'gati* (№ 35); в македонских *'laga, 'laže, 'magla* (№ 94), *'māgla, lāžica* (№ 98), *'lajca* (< lažica), *'laga, 'lažiš, 'magla* (№ 101); в словенских *lāgāt, lāgāk* [Ramovš 1995: 168]. В говоре Полога [Селищев 1981а: 306] – *лѣжи, лѣжичка, лѣга, мѣгла*.

В некоторых словенских говорах инициальные сочетания типа *#SonC* могли возникнуть не только в результате падения редуцированных, но и позже – в результате редукции безударных гласных. Реакция на такие сочетания также выразилась в развитии инициального гласного перед сонантом. Примеры этого в [FO]: *ərbi:dŋca, ərci:c, ərkā* (=roka) (№ 4); *ərst're:šena* (№ 11), *ərsni:ca* (№ 14), *ərcē, ərbi:da, ərbzi:tē* (№ 146). В [Škofic 1996] – *əlsica* (< lisica), *əlpō*: (< lepó), *əlbē:zən, əldjē* (< ljudje), *əlpri:na, əlši:na, əlsē:n* (< lesén), *əŋkà:R, əŋkò:l, əncò:i* (< nosój). Вторич-

ный гласный может появляться и перед сочетанием, состоящим из двух сонантов – *ǎlvȅ:čer* (< *levičar*) (FO № 14); *ǎrmjè:n* (< *rumèn*) (№ 146).

В этой же позиции отмечены и слоговые сонанты. В [FO] – *!ʹdĭe* (< *!judje*), *!ʹpina*, *!ʹwičer*, *rʹzi* (№ 6), *!dĭ:*, *ndé:la*, *Rʹzi:*, *Rʹman* (№ 147).

В этом явлении словенской фонетики проявляется стремление удержать нисходящую сонорность в начале слова, т. е. отражается инерция достаточно давнего синтагматического правила.

В результате падения редуцированных стали возможны в конце слова сочетания типа *VCSon#*. До падения редуцированных консонантное сочетание могло находиться только перед гласным (центр слога), а порядок согласных в таком сочетании соответствовал ровно проходящей или восходящей сонорности, т. е. *tV*, *ddV*, *tSonV*, *dSonV*. Сочетание типа *CSon*, приемлимое для начала слога, оказавшись после падения редуцированных в его конце, явилось синтагматическим новшеством, создававшим произносительные трудности – перевернутая дуга сонорности в слоге *VCSon*. «Нетерпимыми» называет такие сочетания на конце слова [Шахматов: 231]. Сочетание вступало в противоречие с традиционным правилом слогаделения, поскольку, как отмечает [Брок: 74], «звук меньшей сонорности между звуками большей сонорности (т. е. *VCSon* – Л.К.) нормально причиняет разделение на два слога», и конечное сочетание оказывалось в пределах одного слога, не имеющего гласного.

В разных языках реакция на появление финального сочетания *VCSon#* была неодинакова. В данном случае обратим внимание на те изменения, в которых проявляется приоритетное значение голосности сонантов. Такого рода изменения выражались в силлабизации конечного сонанта (тем более в превращении его в гласный, как это произошло с *l* в хорватских, сербских говорах), в разделении шумного и сонорного согласного вставным гласным. Это приводило к появлению в конце слова слога, вершиной которого стал слоговой сонант, или образованию сочетания, имеющего нисходящую сонорность, т. е. *VSon#*. Если же в фонетике идиома значение голосности в сочетании *CSon#* синтагматически специально не поддерживалось, то 1) сочетание могло оставаться без изменения, 2) конечный сонант снижал уровень голосности (оглушался), выравнивая этим линию сонорности конечного сочетания, 3) сонант утрачивался. Иногда эти фонетические изменения трактуются как компоненты одной линии развития. Так, для древнерусского языка А.А. Шахматов реконструирует последовательность изменений *nesʹb > nesʹ > nesl > nes*, *větrь > větr > větr > věter* [Шахматов: 215]; для чешских

говоров, имеющих *ved, nes*, предполагается изменение *nes| > nes| > nes* [Lamprecht: 89] или *sedmь, osmь > sedŋ, osŋ > sedem, osem* [Hujer: 88].

Редко в современных языках/диалектах синтагматический приоритет голосности сонанта в конечном сочетании C*Son* выражается лишь одним способом.

В болгарском языке это вставные гласные – *могъл, текъл, мисъл, хрѣбър, седъм* и под. [Мирчев: 149]. В македонских говорах вставной гласный может быть одинаковым перед любым согласным, а может дифференцироваться в зависимости от соседних согласных. Так, в [FO] показаны:

только *o* – '*sedom, 'osom, 'ogon, 'bistor, 'vetor, 'dobor, 'ostor, 'rekol, 'pekol* (№ 90);

a и *o* перед *m* – '*ostar, 'vetar, 'reka|, 'doteka|, 'osom, 'sedom* (№ 93);

a перед *r*, *o* перед *l*, *u* перед *m* – '*bister, 'veper, 'dober, 'iter, 'muder, 'reko|, 'seko|, 'osum, 'sedum*, а также '*ogin* (№ 94);

o перед *u* < *l*, а в других случаях *ə* – '*rekoу, 'sekoу, 'osəm, 'sedəm, 'dobər, 'vetər, 'mokər* и '*ogin* (№ 98) и др.

В говоре Полога [Селищев 1981а: 307] приводятся примеры *дѣбър, вѣтър, вѣтър, рѣкол, сѣкол, злегол, нѣсол; ѓгин*, для которого предполагается развитие *ogŋ > og*ŋ > ogeŋ > ogin*, а при незначительной мягкости конечного сонанта развивался вторичный непередний гласный, т. е. *ogan, ogon* (ср. в ОЛИА № 94 *i* перед *n*).

В кашубских говорах сочетания *sm#, dm#* устраняются с помощью развития конечного гласного – *цесмэ, *осмэ, *осме, сѣтмэ, сѣтмэ, сѣдме* [ОЛИА 46: 128, 130].

Силлабизация конечного сонанта и вставные гласные:

в сербском говоре – в основном это касается вибранта – *sva'kər/sve'kʁ, 'vetər/vetʁ, ve'pʁ, mo'dʁ* [FO № 87];

в хорватских – *svakər, 'dobər, 'vetər, 'rabər* [FO № 29], '*sestor, 'jutor* (№ 42), *svakʁ, pʁpʁ* (№ 32);

в словенских – '*ka:ʃ|, 'wagn, 'pi:sm, ba'li:zn, siɛdŋ, 'duobor* [FO № 6], *vásm, váistər, xrábər, yá:bər* (№ 8), '*zapʁ, 'mis|, 'u:sn* (№ 17), *ó:sm, 'ohŋ, mlíacŋ, pʁó:zn, dó:bər* (№ 148).

В чешских диалектах, по данным [ОЛИА 46], в сочетании C*Son#* варьируется утрата сонанта, его силлабизация и вставной гласный: *vi:tʁ ~ vjetʁ, bratʁ ~ brater ~ brat, mis| ~ misel, sɛdŋ ~ sedum, tek ~ tek| ~ t:ekε:u, nes ~ nes| ~ nese:u, vet ~ ved| ~ ve:deu, plet ~ plet| ~ ple:teu*. В [Lamprecht:78] то же явление отражено в виде *ved, nes, pek ~ ved|, nes|, moh| ~ nesíl, nésel*; N sg *bratʁ, mys|, báseň, oheň*, G pl *sester, jader, mýdel*.

В словацких диалектах преобладает вставной гласный и реже фиксируется утрата конечного сонанта: *pik* ~ *pe:ke:l*, *pjekol*, *misel*, *sedem*, *osem*, *cjek*, *cek* ~ *t:ke:l*, *ńis*, *ńes* ~ *ne:se:l*, *ńiesoŋ*, *pl'it* ~ *ple:te:l*, *pl'etol* [ОЛА 46], а также *smysel*, *vietor*, *kmotor*, G pl *vedár*, *šidál*, *vesál* [Селищев 1941: 89].

С точки зрения совмещения разнообразных способов изменения C*Son* на конце слова показательны сведения об этом явлении в серболужицких диалектах, приведенные в [SS 13].

В нижнелужицких диалектах – *jědł*, *pl'eł*, *kašł*, *mózł* и *wuǵ'el'*, *kašel*, *mózel*; *brater*, *věter* и *brač kmóč* (< *tš* < *tr*); в одном говоре совмещены формы *pšišł*, *pšišł*, *pšadł*, *p'ek*, *zjet*, *zalės* (S. 205, 223).

В верхнелужицких диалектах – *pšišł* и *pšišł*, *pšadł*, а также *p'ek*, *zjět*, *zal'es* (< *zl*), *pšat*, *brat*, *wěł*, *kmót*, а в пограничных говорах *brater*, *bratr*, *brat* (S. 224). В отдельных говорах сосуществуют результаты разных способов устранения сочетаний C*Son*#. Так, из слепянского диалекта приводятся примеры *jědł*, *ušekł*, *wum'eł*, *n'esł*, *plět*, *jět* (S. 222). Примечателен отмеченный в одном пункте на территории SS пример *bratrə* (S. 224) – вокальный пазвук после вибранта позволяет провести слого-раздел между шумным согласным и сонантом.

О том, что снижение голосности латерального сонанта способствует оглушению предшествующего шумного согласного сказано в [Селищев 1941: 223] – *botł* (< *bodł*), *klatł*, *lěsł* / *lės*. Об этом же писал [Щерба: 50] – «в восточнолужицком наречии перед *ł* оглушаются согласные кроме *d* – *lěsł*, но *kradł*». Однако в [SS 13:223] эти данные ставятся под сомнение.

В некоторых словенских говорах в результате нулевой редукции безударных гласных вновь появляются конечные сочетания типа C*Son* и в них также действует механизм вокализации, как и в сочетаниях, появившихся после падения редуцированных. В [FO] это показано следующими примерами (при этом в описаниях отдельных говоров слоговые сонанты прямо возводятся к сочетанию гласного с сонорным – этим указывается редукция какого гласного провоцирует финальное сочетание C*Son*):

liočŋ (< *čim*), *tràsł*, *pà:dł*, *jasł* (< *sli*) (№ 4); *m'la:tŋ*, *d'rabŋ*, а также после *Son* – *pe'telŋ*, *'mislŋ* (№ 6); *pjékł* (< *kli*), *pjékł* (< *klo*), *zmárzŋ* (< *zni*), *ǰ:zŋ* (< *zmi*), *mì:sł* (< *sli*), *uzi:γŋ*, *usé:kŋ* (№ 8), *'pa:isŋ* (< *sma*), *'da:užŋ* (< *žen*), *'pa:rkł* (< *el*) (№ 18); *siáčŋ*, *'pačŋ* (< *čem*), *nó:sŋ* (< *sim*), *'məsŋ*, *'nəžŋ*, *lú:čŋ* (< *čom*) (№ 148).

В [Škofic 1996] при описании нулевой редукции гласных специально выделяются вновь возникшие финальные сочетания *C*Сon. Высокий уровень голосности сонанта способствует выделению вторичного гласного, не только перед сонантом, но и после него. Даются следующие примеры: *jútqr* (< tro), *uó:kən* (< kno), *rébqr* (< bro), *úá:pən* (< pno), *dò:bəl / dò:blə* (< blo) и при редукции конечного *i* – *mí:səl / míslə* (< sli), *ugá:sən / ugá:snə* (< sni), *kú:xnə, lù:knə, prè:knə, uzí:gnə*, в 1-ptic pl *dòublə, jé:dlə, páslə, ukrá:dlə, ré:klə*.

Синтагматическое подчеркивание/поддержка голосного компонента сонорных согласных является свойством языков/диалектов, относимых к вокалическому типу. Типологическим знаком такого типа является придание приоритетной значимости голосному компоненту артикуляции сонантов.

В качестве контраста можно показать на примере русских говоров синтагматическое поведение конечного сочетания *C*Сon в идиомах консонантического типа.

Утрата конечного сонанта представлена в 1-ptic *нѣс, вѣз, нѣк, ослеп, ослаб*; устранение сочетания *C*Сon путем утраты смычного согласного в *плѣл, вѣл, семь*, а также *брат*, диал. *дон, н'óm* (= Петр), *пл'íc'* (= плеснь), *нас, нов'ѣс* (= G pl пасм, повесм), *п'емат'íc*.

В качестве вставных гласных выступают *o* и *e*, которые предположительно развиваются на месте вокальной прокладки типа *ə* [Марков]. Выбор вставного гласного зависит от окружающих согласных. Согласно объяснениям, данным в [Шахматов: 231], значение имел локальный ряд предшествующего шумного согласного. Поэтому в русском языке после заднеязычных согласных развился гласный *o* (*угол, уголь, вихорь*). Хотя у Пушкина в «Путешествии в Арзрум» дается форма G pl *сакель*, а в материалах ОЛА дается белорус. *'ry'il'* и укр. *'wuhil'*. После других согласных произносится *e*, хотя, по мнению А.А. Шахматова, перед лабиовеляризованным **lʲ* следовало бы ожидать *o* – поэтому в **qzľ* должен быть гласный *o*, а не *e*, т.е. *узол*, а не *узел*. Форма *узол* как диалектный вариант действительно существует, как это отмечено в Словаре В. Даля под словом 'узелъ' и в ряде диалектных описаний. Но в целом в восточнославянских диалектах после незаднеязычных согласных преобладает гласный *e*. Отмечаемое в закарпатских говорах *v'itor* [ОЛА 1: 44] может быть результатом словацкого влияния.

Примечательной особенностью вставного гласного *e* является то, что он не только палатализует предшествующий согласный, но и перетягивает на себя ударение – *сестѣр, бобѣр, хитѣр, добѣр*, белорус. *зубѣр*.

В этих случаях проявляется синтагматический приоритет вторичной артикуляции. Варьирование *o / e* может сопровождаться варьированием ударности/безударности гласного и, соответственно, твердости/мягкости согласного перед вставным гласным (*дóбор ~ доб'óбр*). Не исключено, что перенос ударения на вставной гласный был средством подчеркнутого отделения сонанта от предшествующего шумного согласного и фиксации нисходящей сонорности в конце слова. При ударении на первом слоге в континуанте *dobǫ произносится только твердый согласный – '*dobor*, '*dobǫr*. В русских говорах возможно и произношение *добр* и *бобр*.

Со вставным гласным произносятся континуанты праформ *kašljь ('*kašel'* ~ *ka'šel'*), *myslь ('*mys'el'*', '*mys'əl'*', '*mys'il'*'), *svektь ('*svekor*'). В то же время в континуантах двух последних праформ часто конечное сочетание сохраняется без изменения. В севернорусских говорах возможно оглушение конечного сонанта после шумного согласного.

Оглушение конечного сонанта комбинируется с другими способами коррекции дуги сонорности в конечном консонантном сочетании в вологодском говоре Тотемского р-на. Это следующие примеры:

оглушение сонанта, при чем не только вибранта – *вопд'*, *корáбд'*, *мысд'*, *спазм*, *в'епр'*, *бобр*, *м'етр*, *внутр'*, *н'егр*;

утрата сонанта – *пл'ис'*, *жыс'*, *н'ет' нас*, *пов'эс* (= пасм, повесм), *дон*, *П'от*;

вставные гласные – *рúб'ел'*, *вóбоў* (G pl от *вобла*).

Перед *р*, *д* продолжает произноситься звонкий согласный, что указывает на неполную утрату голоса сонантом. Но записи из архангельского говора Пинежского р-на показывают, что сонант пониженной голосности может быть прозрачен для воздействия паузы на шумный согласный – *окт'áпр'*, *бобр*, *лафр* / *лавр*, *к'едр*, *корáпд*. Можно предположить, что в этом говоре при образовании конечных сочетаний имелся в виду разный уровень сонорности разных сонантов – если после менее сонорного следует более сонорный согласный, нарушая тем нисходящий контур конечного слога, то более сонорный согласный ослабляется. По-видимому на это указывает произношение *д'орц*, *ф'ил'м*, *с'в'орд*.

Все приведенные примеры изменения финальных сочетаний типа *CSon* показывают, что при этом голосность сонанта не имела приоритетного значения. Сочетание могло сохраняться или устраняться такими способами, при которых ослаблялся или утрачивался сонант.

Выше было сказано об охранительном отношении в звуковой цепи к голосности сонанта в южнорусском говоре Моршанского р-на. Здесь в

конечных сочетаниях *CSon* происходит силлабизация сонанта – *волл', рубл', корáбл', мысл', л'итр, внутр'*; на то, что условием силлабизации является позиция на конце слова или перед согласным следующего слова, указывает ее отсутствие перед гласным следующего слова – *рубл'* и *рубл' ад'ин*. Слоговость сонанта имеет специфическое проявление при делении слова на слоги (в говоре преобладает тенденция деления на открытые слоги) – в этом случае сонант превращается в последовательность *л'и, р'и, ры – адна мь/сл'и, л'ес' внү/тр'и* (= *внутри*), *ад'ин л'и/тры*.

В этом же говоре есть вставные гласные (*м'этьр, мьтацыкъл*), но они совпадают с теми, которые в данном говоре развиваются не только в составе конечных сочетаний. Конечное сочетание *CSon* устранивается и путем включения соответствующих слов в класс имен на *-а* (*жыз'н'а, бал'эз'н'а, кáз'н'а, аруан'из'ма*). В этом говоре нет примеров на утрату сонанта в конечном сочетании *CSon*, исключая *l-ptc m*. Как и в случае со вставными гласными, в синтагматике конечных сочетаний *CSon* в этом говоре отражается охранительное отношение к признаку консонантности в звуковой цепи и, в частности, стремление не снижать голосность сонанта.

6

**Средненебный сонант
(спирант *ʝ*)**

6.1.

*Артикуляция сонанта *j**

Сонант *j* образуется как среднеязычный звонкий фрикативный согласный: «характерный шум возникает в результате трения воздушной струи о края щели – суженного прохода, образуемого средней частью спинки языка и средней частью нёба. Поднятие средней части спинки языка при образовании *j* является основной артикуляцией» [Русская диалектология 1989: 69]. Уровень напряженности спиранта *j* (степень поднятия спинки языка) в разных языках/диалектах неодинаков. О таком различии в русских говорах сказано в [Русская диалектология 1989: 69] – в южнорусских напряжение выше, чем в севернорусских, где более слабое напряжение сопровождается изменением $j > j, \varphi$. В болгарском языке, по замечанию Ст. Стойкова, *j* звучит более слабо в сравнении с пражским *j* [Стойков 1942: 360]. На низкий уровень спирантической *j* в словенских говорах ОЛА указано в [FO № 6]. Об этом же свидетельствует замечание, согласно которому, «верхнелужицкий *j* во всех положениях произносится без спирантного шума как неслоговой *j*» [Hornjoserbsko-ruski slovník: 475].

Особенностью спиранта *j* является и то, что он может снижать уровень шума в зависимости от позиции в одном и том же идиоме. Ср. в [Бондарко: 87]: «Среднеязычный *j* характеризуется и голосовым турбулентным источником, однако этот последний может и отсутствовать в случае недостаточного артикуляционного сужения между средней частью спинки языка и твердым небом – в этом случае среднеязычный сонант и артикуляционно, и акустически сближается с гласным». Ср. также замечание об артикуляции *j* в словенском говоре – *j* перед гласным фонетически и акустически ближе к спиранту, чем в позиции не перед гласными, где он ближе к *j* [FO № 2]. В описании сербского говора [Baotić: 90] сказано, что степень выразительности произношения *j* обусловлена главным образом позицией и темпом речи: при медленном темпе речи выразительная артикуляция во всех позициях в слове, а при нормальном и быстром темпе речи – только в начале слова и между гласными заднего ряда; ослабление артикуляции *j* происходит в интервокальном положении перед *i* или *e*. В [Селищев 1981а: 291] отмечено,

что в говоре Полога согласный *j* с характерным для него шумом представлен редко и чаще после согласного (*лѡзје*).

Следствием ослабления напряжения язычной артикуляции является звук *j̣*, обычно называемый неслоговым гласным *i*. Применение термина «гласный» к модификации спиранта *j* порождает вопрос – относятся *j* и *j̣* к одному классу звуков или к разным (т. е. согласный и гласный).

В пользу консонантного статуса *j̣* говорит определение – «согласная фонема /j/ произносится как *j* и *j̣* в зависимости от разных позиций в одной морфеме» [Аванесов, Сидоров: 59]. Нюансы этого изменения в русском языке подробно рассмотрены в [Еськова]. Позже Р.И. Аванесов отмечал, что варианты *j* и *j̣* «не разграничены между собою скольконибудь строго» [Аванесов 1974: 200].

На то, что *j̣* является согласным, указано в описании белорусской фонетики – «значком *й* (= *j̣*. – Л.К.) передается ослабленный *j*-образный согласный, при произношении которого кончик языка не касается нижних зубов (соответствует, примерно, так называемому неслоговому *i* и встречается в безударных слогах)» [Фанетыка слова: 111]. Как репрезентанты одной согласной фонемы определены белорусские *j*, *j̣* в [Крывіцкі, Падлужны: 111].

В применении к болгарской фонетике Ст. Стойков считает, что *j* это более сильно артикулированный согласный, а *j̣* – более слабо – «различие между *j* и *j̣* в проходе между языком и небом. При *j* проход достаточно тесен и воздушная струя сильно трется о его стенки. При *j̣* проход более широк, вследствие чего воздушная струя проходит более свободно и шум более слабый»; поэтому, считает автор, нет необходимости использовать два знака для обозначения болгарского небного спиранта [Стойков 1942: 360]; то же в [Стойков 1961: 120]. Экспериментальное обоснование принадлежности «так называемых неслоговых *j̣*, *ɥ̣*» к классу согласных в украинской фонетике дано в [Totskaja].

Одним из критериев отнесения звука к классу гласных или согласных является его отношение к функции слогаобразования. Звук, который не является носителем слога, т.е. *j̣*, не относится к классу гласных. К этому можно добавить: «Проблема согласного *и* и гласного *и*, согласного *i* и гласного *i* целиком зависит от проблемы слога» [Соссюр: 130].

Неопределенность статуса *j̣* может порождать противоречивые фонематические интерпретации. Так, в описаниях македонских говоров сетки ОЛА в разделе, посвященном фонемной дистрибуции, говорится, что в позиции после гласных происходит изменение $i > j̣$, а *j̣* реализует фонему /i/, хотя здесь же отмечается, что *j̣* с предшествующим гласным

образует дифтонгоид или дифтонг [FO № 93, 96, 110]. При определении же этимологии фонемы /*j*/ в тех же говорах указывается на ее развитие из безударных *i*, *e* после гласного и подтверждается это примерами *bogo'rojca*, *s'mejš*, *s'tojš* [FO № 102], т.е. в этих случаях изменение *i* > *j* подается как замена гласного согласным. В то же время в хорватском говоре [FO № 37] *i* и *j* определяются как аллофоны фонемы /*j*/, которая ведет себя как сонант.

Можно отметить, что по правилам транскрипции ОЛА знаки *j* и *j̣* несут разную нагрузку – *j* обозначает собою спирант, т. е. согласный, а *j̣* – вторую часть нисходящего дифтонга монофонематического значения [ОЛА. Вступительный выпуск: 43, 54].

Далее, рассматривая синтагматику среднеобшнбного спиранта в славянских диалектах, мы исходим из консонантного статуса *j̣* и *j*. Заметим, что в диалектных описаниях для обозначения этого спиранта используется еще и знак *й*. В дальнейшем приводятся все три знака в соответствии с авторской записью.

6.2.

Синтагматика j̣ как предмет описания

При описании фонетики разных языков/диалектов явления, связанные с употреблением *j̣*, нередко относятся к числу периферийных характеристик фонетического строя идиома и приводятся списком. Этому способствует отчасти фонематическая изолированность фонемы /*j̣*/ – будучи часто единственной фонемой палатального ряда, она индивидуальна в своих синтагматических проявлениях и изменениях. В описаниях языков/диалектов чаще всего можно встретить упоминания об утрате интервокального *j̣*, о развитии его в условиях зияния и в качестве протезы, а также о его выделении в результате декомпозиции палатальных/палатализованных согласных.

Между тем явления, связанные с употреблением спиранта *j̣*, заслуживают рассмотрения в масштабах славянского континуума для того, чтобы выделить те структурные особенности диалектов, которые этими явлениями эксплицированы. Для получения таких результатов важна сопоставимость фактов употребления *j̣*, позволяющая сделать выводы о наличии/отсутствии явления и о его варьировании в разных диалектах. Как и в других случаях, показателен в этом плане материал картотеки ОЛА, собранный в результате обследования большого количества диа-

лектов по единой программе. В сочетании с другими диалектными материалами это создает достаточно надежную базу для создания представлений о синтагматике спиранта *j* в славянских диалектах.

Употребление *j* можно оценивать с точки зрения *понижения* или *повышения* насыщенности звучащей речи этим спирантом. Эти аспекты синтагматики *j* по своим проявлениям неравноценны.

Способы *снижения* частоты *j* немногочисленны и однотипны в разных говорах. Это в основном утрата интервокального *j* как системного характера, так и чисто речевого (ослабление *j* в звучащей цепи), устарение *j* в сочетаниях типа *Cj* в результате прогрессивной ассимиляции. В белорусских и украинских диалектах вследствие такой ассимиляции может образовываться двойной (долгий) согласный (*C'C'*). Возможна ситуация, когда это касается только зубных и передненебных согласных при сохранении сочетаний *c j* для губных согласных и вibrанта [Крывіцкі, Падлужны: 164; Жилко 1955: 71]. В этом случае долгота согласного может функционально отождествляться с *j*, т.е. в *koló[с'с']а* имеет место сочетание фонем */cʲ/*, подобно тому, как такое же сочетание представлено в *né/pj/a*, *solo/vj/á* [Калнынь 1959: 5; 1962: 87].

Значительно более разнообразны способы *повышения* частоты встречаемости *j* в звучащей речи. Это происходит в результате появления в звуковой цепи этимологически немотивированного *j*. Термин «этимологически немотивированный» носит условный характер и указывает только на вторичное происхождение спиранта. Но поскольку в большей части случаев вставной (вторичный) *j* развивается из определенной артикуляции или тем или иным способом связан с ней, то в этом смысле он имеет свою «этимологию». Это относится и к протетическому *j* перед инициальным гласным, где спирант является производным от особенностей артикуляции начальной фазы гласного.

Далее рассматриваются явления, связанные с *повышением частоты* использования *j* в звуковой цепи в отдельных диалектах.

6.3.

Замена палатального согласного спирантом *j*

Это явление обусловлено тем, что в сознании говорящих на данном диалекте в составе артикуляции палатального согласного настолько приоритетно оценивается йотовый (средненебный) компонент, что он может стать единственным репрезентантом согласного. При этом на периферию сознания отодвигается тот факт, что *j* может заменять собою

шумный и к тому же глухой согласный (*ǰ*, *ǰ̥*), т.е. акцентирование йотовой артикуляции оказывается важнее, чем характеристика сегмента по участию голоса и по отнесенности к классу шумных.

ń > *j*

В словенских говорах изменение *ń* > *j* может иметь дальнейшую ступень в виде назализованного палатального спиранта, который далее в тексте обозначен как *ǰ̃*. В [Ramovš 1997: 566] спирант *ǰ̃* определяется как ступень, предшествующая *j*.

ǰ̃va, *ǰ̃gof*, *ǰ̃vica* (< *ńivica*), *mějati*, *sùkja*, *všja*, *ǰ̃gje*, *kuhǰja*, *gospodǰje*, *proklǰje* (= *prokliǰna*), *pǰje* (= *po ńe*), *rǰjen*, *odǰjen* (= *odenjen*), *lùkja*, *ǰgja*, *kǰje* (< *koǰna*) [Ramovš 1924: 115]; *ń* > *ǰ̃n* > *ǰ̃* (в тексте использован знак *ǰ̃*) > *j* – *neslǰǰt*, *ǰǰje*, *sǰje*, *svǰje*, *mǰj* (< *mńe*), *ǰam* (< *nǰemu*), *rǰjen* (< *raǰen*), *kǰmǰǰ* [Ramovš 1997: 566]; *ń* > *j* или *ǰ̃* [Logar: 30]; *kǰ̃j*, *'gu:ǰen* (= *gonjen*), *s'tre:gǰen*, *čebel'ǰa:k* [FO № 19]; *'ši:ǰek*, *'ku:j*, *č'ra:ǰša*, *'p'eǰ* (= *panj*) (№ 18); *kvǰǰ*, *kvǰǰa* (= *konj*, *konja*) (№ 8), *'teǰa*, *'me:ǰa*, Gpl *svi:ǰ*, *kuǰ* (№ 20); *kwǰj*, *lù:kja* (палатализация *n* после заднебного смычного с последующим изменением в *j*), *učǰja* / *učǰjne* [Nartnik: 202];

в [Zorko] – *p'ro:ǰe*, *ka'me:ǰe*, *ku:'xija*, *s'wi:ǰa* (106), *'i:ǰatǰ* (= *ǰenjati*), *kǰ'ma:ǰe*, *'ma:ǰ* (= *manj*) (169), *kǰs'toǰ*, *p'lo:ǰa*, *ku:ǰ*, *sx'ro:ǰen*, *kǰ'me:ǰe*, *čar'pǰje*, *ko're:ǰe* (263), *tur'ki:ǰa*, *ku'xija*, *gospo'di:ǰa*, *'ǰe:goǰ*, *ku:ǰ*, *zna'me:ǰe* (312);

в [Koletnik] – *ń* > *ǰ̃* в начале слова и между гласными – *'ǰe:na*, *ž'ǰo:u*, *fsta'ǰe:ǰe*, *ka'me:ǰe*, *mrav'li:ǰak*, *'žegnaǰe*, *živ'le:ǰe* (2000: 162); *'ǰi:xove*, *o'že:ǰeni*, *s'vi:ǰe* (2002: 146), *'ǰi:va*, *ž'ǰi:n*, *gos'tù:vǰe*, *še'ti:ǰe* (2001: 388); *'kuǰa* (G sg), *škr'ǰja*, *čre'pe:ǰja*, *mrav'li:ǰak* (2001a: 99);

в [Zemljak] – *'ǰi:va*, *'kuǰj*, *ku're:ǰe*, *kus'taja* (= каштан) (357); в [Jakop 2001: 375] – *čre'pǰje*, *gospo'dija*, *x'ra:ǰen*, редко после согласных – *č'rè:ǰja*, *sadou'ǰa:k*;

в [Jakop 2003: 123] – *čre'pi:ǰe*, *lǰ'ba:ǰa*, *'ǰi:ǰva*, *'ko:ǰ*, после согласных здесь больше примеров – *čebel'ǰa:k*, *'lu:ukja*, *vǰg'ǰi:ǰše*, *'ku:jxja*;

в хорватских – *koǰ*, *bilǰek*, *žumǰek*, *kùhja*, *tǰfir* [Peco 1980: 185]; *pò:mja* / *po:mńa*, *šu:m'ja* / *sum'ńa* считается, что *ń* первичен по отношению к *j* [FO № 42]; *ń* может переходить в *j*, «произносимый через нос» [Brozović, Ivić: 95]; *koǰ(a)*, *beǰa* (= *Bednja*), *fega* [Lončarić: 94];

в македонских – в суффиксе *-ińa*: *muǰja*, *ǰuǰja*, *prasiǰa* [Видоевски 1985: 19, 29];

в польских – изменение происходит перед паузой и перед согласным, преимущественно фрикативным, но возможно и перед аффрикатой; замена *ń* назализованным палатальным спирантом для некоторых

говоров квалифицируется как вариант фонемы /ń/ перед зубным спирантом, а изменение *ń* > *j* определяется как деназализация сонанта (odnosowanie) в [OF 1982: 140, 144]; изменение же *ń* > *j* устраняет другой компонент артикуляции – переднеязычное смыкание с небом – *kɲoj* / *kɲoʃ*, *ɲog'ej*, *kɲojsk'i* [OF 1983: № 318]; *tojcy*, *majkut*, *kojks'i*, *v'ejsce* (№ 317); *jabɲoj*, *kojks'i*, *jelyj* (№ 309); *śv'ij*, *koj*, *kam'ej*, *z'ej* (№ 311); *tojcy*, *ćej*, *żet'ej*, *kojks'i* (№ 312), *ɲog'ej*, *śfyjks'e*, *kɲojcuf*, *lej* (№ 313) и др. Карта распространения *j* и *ʃ* на месте *ń* показана в [OF 1983: 145]. Обратная замена *j* > *ń* в *ńikra* (№ 325).

Рассматриваемое явление свойственно некоторым украинским говорам, но ограничено оно суффиксом. Имеется в виду *н' > ь* перед *к* – *службóйка*, *матинóйка* [Жилко 1955: 112]. В [Програма: 70] вопрос 417 предлагает выяснить, не произносится ли в украинских говорах *ь* вместо *нь* в словах *соняшник*, *соненько*, *дівонька*, *тоненька*, *рученька*. Материал ответов приводится в [АУМ 3, ч. III, 240], в котором есть *'сойах* / *'сон'ах*, *'сойашик*.

В [Бромлей: 22] отмечен русский пример *сáйник* < *санник*.

Для польских говоров характерна и обратная замена *j* > *ń* после *m* [OF 1982: 51] – *mńazga*, *śmotńani* и *kamjań*, *śmjaɲ śa* (№ 246).

í > j

В словенских – *'parkej*, *'voja*, *ko'dija*, *k'juč* [FO № 1], *riòje*, *zè:je*, *kju:č*, *dé:teja* (№ 2), *riòje*, *zè:mja* – считается, что в этом случае *l*-epenth первичен по отношению к *j* (№ 4), *'uo:ja* (№ 5);

в хорватских – *kji:n*, *pro'kje:stvi:*, в этом случае палатальность латерального обусловлена позицией после заднеязычного согласного, а через стадию *j* прошла нулевая замена *í* в *'gi:sta*, *xib* [FO № 24]; в говоре (№ 56); благодаря тому, что *í* во всяком положении может заменяться спирантом *j*, фонема /í/ имеет статус факультативной – *kju:n*, *ši:jàk*, *jèto*, *kojèno*, *žèju:d*, *žèjudac*, *lí:làk* / *jí:jàk* / *líjàk*, *promàlèt'e* / *promajèt'e* (= *proljeće*), *lè:vi* / *jè:vi:*, *vèli:* / *vèji:*, *krā:í* / *krā:j*, обратная замена в примере *črélé:vò* / *črjé:vo*; *že'jud*, *že'judac* (№ 42) при *žéludac* (№ 45), *žélud*, *žéludac* (№ 57); из *í*, а также из *l* после *k*, *g* через стадию *í* – *k'jicat*, *kjet*, *g'ji:s't*, *g'jedat* (№ 23); *jubov*, *poje*, *jubi*, *boje* [Brozović, Ivčić: 14, 64]; *'moj*, *mójtiva*, *kju:č*, *švq:ja*, *jū:di*, *krq:j* [FO № 153]; *jūdi*, *učitej*, *pòje*, *zeje*, *vesèje*, *jūdi*, *vògaj*, *žòj* [Peco 1980: 118, 132]; *jūdi*, *jūbit*, *đivji*, *ned'ja*, *bot'ja* [Hamm: 81].

примеры из сербских говоров – *krâj*, *pòje* [Белић: 174]; *zèje*, *òje* (= *ulje*), *vesèje* [Ribarić: 21], *kju:n*, *ri:jak*, *gròbje* [FO № 65];

в македонских – считается, что *l*-epenth первичен по отношению к *j* (свойство исходной македонской системы [FO: 629]), поэтому в приме-

рах *čkr'apja*, 'zemja, s'tavjat, 'sabja, 'javjat, d'ropja [FO №№ 90, 92, 94, 97, 99 и др.] констатируется изменение $l > j$;

в болгарских в [БДА IV К. № 71, с. 60] – *йут, йўйка, йутѣф, кѣуч, скѣйчѣни*, а на К. № 64 отмечено произношение *й* вместо финального л в *пéней, Васѣй, фетѣй, мьзѣй, вьзѣй* – можно полагать, что здесь спирантом заменяется не л, а л', получивший повышение тона после переднего гласного (прогрессивное уподобление по высоте тона), хотя тут же приведен и пример *чувáй*.

В хорватских говорах существует и обратная замена $j > l$ в 'морil при G sg *o'rija*, [FO № 153], *lélen* < *jelenь (№ 65, 150); в польском говоре – *lelań, le'ń* (материалы картотеки ОЛА на рефлексy *e, № 272). Такой же замене может подвергаться j в составе рефлекса *ě после губных согласных в сербских говорах – *mlèri:m, vlèža, blè:žào, plèsma, kòple* [FO № 77], *ži:vlet, òble* (№ 66).

В русских говорах также отмечено изменение $j > l'$ – *шв'эл'ня, растол'áние, косл'эвище* (< косьевище) [Бромлей: 22], *rol'* (< roj) [ОЛА, п. 626].

В материалах [АУМ 3, ч.III] примеры изменения л' > й в 'уустро (с. 253), *ш'чавий* (с. 241); обратная замена в 'вол'ско (с. 240).

đ (ǰ, ğ) > j

Изменение является общим свойством хорватских (чакавских, кайкавских) диалектов [Peco 1980: 131]:

prèja, tù:j, mèjà, brèja, mlàji [FO № 56], *žaj'a, prašq:'jan* (= presađen), *xa:r'ja, p'raja* (№ 29), *tù:j, žajen/ žè:iden* (№ 153); *mlàji:, túji:, mèja, čaja, prèja* (№ 59); *mlàj, rjã, grãja, otújen, tñji* (= tvrđi), *sãje, glòjem, hrjãvo, brja, prèja, sãja, mèja, mejãs, mlàji, slàji, ogrãjeno* [Peco 1980: 131, 135, 186, 187]; *mejã, mejina, túje, klãjeno, žèja* (= žed), *čãj* (= čað), *vòjke* [Hamm: 82; Skok: 250].

В македонских говорах явление того же типа репрезентируется изменением $ǰ > j$ – 'vajat, 'pajat, g'rajanin, 'poraja, 'mejnik, k'raja (= kražba) [FO № 92];

в русских говорах $đ > j$ – *д'ájина, мой то жéдко* [Русская диалектология 1989: 69]; *imperat клай, поглéй, ной* (< подь) [Тер-Аванесова: 241]; то же в украинских диалектах в 'jatel, 'jatel' [ОЛА 2a: 146], *с'вайба* [АУМ 3: с.241].

Спирантизация смычного согласного связана с его палатальной локализацией. Механизм такого изменения в севернорусских говорах следующим образом прокомментирован в [Пауфошима 1977a: 51]. Согласный $đ$ (как и *m'*) в этих говорах, будучи палатальным среднеязычным,

не имеет послевзрывного свистящего элемента (как это имеет место в русском литературном языке) и легко изменяется в *ǰ*, «отличающийся от взрывного *ǰ'* способом образования и совпадающий с ним по месту образования». В [Кузнецов: 27] изменение *ǰ' > j > Ø* объясняется тем, что *ǰ'* в силу меньшей напряженности (в сравнении с глухим согласным) может подвергнуться редукции в интервокальном положении, эксплицированной переходом в звук типа *j*, а затем в полном исчезновении – *бу́ют, не отда́йм, ви́ял, схо́ји и не да́йм, хо́ит*.

j > d̥ (d), ǰ, g', g

j > k

Обратная замена *j > d̥* в словенских говорах – *čr̥di* (< čiji) [Ramovš 1924: 168]; *'de:ǰš / ge:ǰš* (*ježь), *ve'č̣e:rja / ve'č̣e:rda*, *'ḍe:ǰsan* (<*jasenъ) (из материалов картотеки ОЛЖ на рефлексы *e); *d'ama* (= jama), *lidd'ê* (= ljudje) [Sławski: 81].

В [FO № 149] перед гласными *a*; *ɔ* происходит замена *j > d̥, ǰ* – *'da:ǰce, 'ẓ̌a:ǰce, 'da:rem, 'ḍasli*. В этом же говоре об артикуляционной близости *j* и *g* перед передними гласными свидетельствует замена спиранта смычным – *do'gi:m, sto'gi:n, pi'g̣e:m, 'gesti, 'gezaro, š'ti:rge, 'gu:žina, 'ṃo:urje / 'ṃo:urge*. Здесь же после глухого согласного возможно прогрессивное оглушение *j* и превращение его в *k* – *vlas'ke:, la'ke:tke, 'li:stke* [FO: 214].

Замена *j > g'* в русском говоре – *г'ама, сем'г'а* [Русская диалектология 1989: 70]; в заонежском говоре *пестун'г'а, коудун'г'а, с'емг'а* [Тер-Аванесова: 241].

ǰ > j

В словенских говорах, вероятно, через палатальную ступень происходит изменение *g > j* перед передним гласным – *na'ǰje na naǰ* (= na nogi), *'poržje* (= prižge) [FO № 6]; *nó:je, na nó:j* (№ 7); *no'ǰje, p̣ar'ji:ṣ̌e* (№ 12); *ró:je* (= rogi), *prá:je* (= pragi), *te drú:je* (№ 146); *noǰe:, drú:ǰga* (= drugega), *na nó:j* (= na nogi) [Škofic 2000: 149].

ǰ > j

В хорватском говоре в *po'kujštvu* изменение *ǰ* эксплицирует ассимиляцию по способу образования фрикативному согласному [FO № 42]; диссимилиация в виде *ǰ > j* (№ 37) в *Pali'ku:jka, Ra'levijka*

č > j

В хорватских говорах – *nǎaj* (< *naći*), *ruǎj* (*inf*), *su nuǎj* (= *svu noć*), а также *otǎj su šli*, где *j* из *s* [Намм: 201].

В сербских говорах на конце слова – *nǎ:j*, *vǎ:j*, *pǎtoj* [FO № 76], *pěj*, *kǎj*, *vǎ:j*, *sino:j*, *ruj*, *pǎtoj*, *gǎj* (№ 77), *nǎ:j*, *dǎ:j*, *pěj*, *sěj*, *dij*, *těj* / *těc*, *tǎ:j* / *tǎ:c* (№ 78).

6.4.**Спирант *j* в отношении к фарингальному/задненебному спиранту**

Особенность этого фрагмента консонантной синтагматики состоит в том, что палатальный спирант может заменять собою не только палатализованный, но и твердый заднеязычный согласный. Хотя в последнем случае, как показано выше, может просматриваться предварительное повышение тона этого согласного под влиянием предшествующего сегмента.

В русских говорах, имеющих звонкий задненебный фрикативный согласный *ɣ*, он перед передними гласными претерпевает общее передвижение артикуляции вперед, вплоть до утраты сближения задней части спинки языка с задней частью неба. Таким образом, задненебный спирант превращается в среднеязычный, что для согласного *ɣ'* означает его замену спирантом *j* [Аванесов 1974: 182].

Склонность к такому изменению варьируется в зависимости от степени напряженности *j*. Как отмечено выше, в южнорусских говорах, которым присущ согласный *ɣ*, спирант *j* имеет более напряженную артикуляцию, чем в северно- и среднерусских, и поэтому ближе к шумному согласному, что и способствует изменению *ɣ' > j*.

Изменение происходит в условиях палатализующего воздействия передних гласных на предшествующие согласные – в русских говорах степень этого воздействия варьируется.

Среднеязычный спирант на месте звонкого задненебного фрикативного отражен в [ДАРЯ 1, К. 69]. В юго-восточной зоне обозначены пункты, в которых зафиксировано произношение *nǎj/и*, *sanǎj/и*, *lj/ибель*, *moj/ила*, *lj/ектър*, *lj/ермантя*. В комментарии к карте этот список пополнен словами *lj/ерой*, *lj/ерань*, *lj/енеръл* [ДАРЯ 1. Вступит. статьи: 174].

Более широкий набор слов с *j* из *y'* приведен в [Аванесов 1949: 163] – кроме показанных на карте ДАРЯ, это *n'ирајі, јіб'ъл', јіблај, јір'а, јіпкај*. Изменение *y' > j* переводит шумный согласный в класс сонантов, что имеет последствия на уровне синтагматики. Перед *j* из *y'*, в соответствии с его статусом сонанта, не происходит озвончения шумных согласных, т. е. з *y'ір'ай, зу'інул* и с *јір'ай, с'јінул* [Аванесов 1974: 180]. Изменение *y' > j* позволяет выстроить ряд *моу́ – моју́ > моји́*, на основании чего в [Касаткин 1999: 81] в состав корреляции палатализованности включается пара /*y' / - /j/*.

В [АУМ 3, ч. III, 230] изменение *h' > j* показано в *мо'йла, му'йла*.

Сходное явление, но позиционно по-иному обусловленное, имеет место в юго-западных украинских говорах карпатской зоны. Фарингальный согласный *h*, попадая в позицию между предшествующим *i* и последующей паузой, заменяется спирантом *j*. Стимулом передвижения фрикативной/проходной артикуляции в средненебную зону является уподобление *h* предшествующему гласному переднего ряда верхнего подъема *i*, который по складу своей артикуляции близок к *j*. Поскольку имеет место прогрессивное уподобление, то изменение *h > j* должно бы происходить через стадию *h'*, но она в рассматриваемой позиции не зафиксирована.

Примеры из бойковского говора (Турковский р-н Львовская обл.): *не моһа́ > нем'іj, ја зам'іj; нора́на > нора'іj; не"роһі́ > неp'іj; с'и'іһом > с'и'іj; б'іһати > в'іи' ноб'іj, к'іи' б'іj; бера́на > бер'іj; роһом > p'іj; обора́на > обора'іj* [Калнынь 1973: 199].

Спирант, заменивший собою *h*, не оглушается перед паузой в соответствии со своим статусом сонанта (шумные согласные в этом говоре перед паузой могут быть только глухими). Изменение *h > j* происходит только перед паузой (на конце слова), так как в этой ситуации *h* безальтернативно связан с предшествующим гласным, находясь с ним в одном слоге, что безусловно способствует ассимиляции (поэтому *p'ih зломѣ́, л'ix сна́ти*).

[Вопросник КДА] содержит вопросы (546, 550), предлагающие выяснить паличие/отсутствие оглушения шумных звонких согласных на конце слова. Среди иллюстративных слов названы *ріг, поріг, оборіг, сніг, обліг*.

Сообразно полученному материалу можно заключить, что специфика фонетики *h* в позиции после *i* особенно наглядно проявляется в ситуации, когда перед паузой оглушаются все согласные, кроме *h*. Так, в п.89 сетки КДА (Вижницкий р-н Черновицкая обл.) – *p'et, vis, niш*,

cat, čel'et' и *sn'i^h, nor'i^h, obor'i^h*. В этом случае *h* синтагматически ведет себя как сонант, сохраняя участие голоса на конце слова. Возможно, здесь знак *h* обозначает собою *j* с повышенным шумовым компонентом. Именно такая ситуация отражена в ответе из п. 99 (Сторожинецкий р-н Черновицкая обл.) – *p'i^j, nor'i^j, obor'i^j* при *p'et, cat, v'ic, n'iu*.

Ослабление шумового составляющего и голоса в финальном спиранте *j* сводит акустическое впечатление от него к нулю в п. 33 (Долинский р-н Ивано-Франковская обл.) – *p'i, nor'i, sn'i* и *v'iz, n'iz, p'ad*.

В п. 29 (Калушский р-н) после *i* на месте *h* отмечен не только $\emptyset$ (ноль звука), но и придыхание, обозначенное как *x* в экспоненции – *p'i / p'x, sn'i / sn'x, ubl'i / ubl'x*. Эту запись на фоне оглушения шумных согласных перед паузой с большой долей вероятности надо понимать как средненебную фрикацию, лишённую голоса, т. е. глухой *j*. Соответственно, и запись может выглядеть как *p'i^l, sn'i^l, ubl'i^l*.

В [АУМ 2] на карте № 128 показано наличие/отсутствие фарингального согласного в словах *porig, snig, pig* (в украинской транскрипции знак *g* соответствует фарингальному *h*). При этом в комментарии к карте сказано, что фиксируется «не только полное, но и частичное выпадение конечного *g*» – последнее обозначено экспоненцией буквы *g* т. е. *snig, porig* (с. 31). В том же комментарии приведены несколько примеров замены фарингального средненебным спирантом с пониженным участием голоса – *por'ij, p'ij* (пп. 386, 387, 562).

Ответы на [Вопросник КДА] и факты, приведенные в [АУМ 2], позволяют представить динамику пересечения *h* и *j* в позиции после *i* перед паузой в следующем виде: *pih > pih / pi^h > pij / pi^j > pi^l* (в записи *pi^x*) $>$ *pi*.

Можно отметить, что утрата финального слабо артикулируемого фарингального согласного известна в диалектах отдаленного от Закарпатья региона, а именно в верхнелужицком говоре – *sně, plu, br'ó, tvaro* [Michalk: 120].

Украинским говорам известна утрата *j* в позиции *i-#* вне связи с фарингальным согласным. Ср. примеры из гуцульского говора (Раховский р-н): *l'i, tv'i, hn'i, pob'i, id n'i, otr'i, nav'i* и др. После других гласных *j* перед # сохраняется – *đaj, kónej, herój, kun'j*. Эта особенность обусловлена сходством артикуляции гласного *i* и спиранта *j* и, как следствие этого, минимальным контрастом между ними по уровню шума – у *j* он почти тождественен тому, который возникает при протянутом произношении *i*. Переход от артикуляции других гласных к артикуляции *j*

требует более напряженной работы артикуляционных органов, вследствие чего *j* сохраняет свой собственный шум перед #.

Сходное явление отмечено:

в словенских говорах – *'pi, tɛlə'vizi* (G sg), *š'tudi, 'mo:rfi, alu'mini* [Weiss: 324, 342], *'uo:jgi* (= ogenj при $n > j$), *'kɔosti* (= kostanj), в форме сравнительной степени – *'la:ži, 'vi:jši, na:r'vi:ęči* [Zemljak: 359, 360];

в хорватском говоре, где конечный *j* утрачивается после *i, e* – imperat *ji, povi, gri*, G sg *grija, glê* (< *glej < gled*), *mi* (*мѣхъ), *gri, smi*, G sg *smija* [Skok: 255].;

в сербском – в формах imperat *grī sāč, grī se, pī, pōsī šènicu, nālīte mi, ūbīte me* [Baotić: 91];

в польском говоре [OF 1983: № 292] утрачивается *j* после *i, u* в imperat 2 sg, реже в других формах: *śm'i śe, n'e b'i, żyożi, my < muj*.

В хорватских говорах прогрессивная ассимиляция заднепобного спиранта гласному переднего ряда представлена в виде $x > j$, когда не только заднепобное сближение заменяется среднепобным, но к тому же в артикуляцию согласного включается участие голоса подобно тому, как это свойственно предшествующему гласному. Звонкость спиранта в интервокальном положении является следствием тенденции избегать перепада по уровню голосности в пределах сегмента VCV.

'nijov, 'tiję (= tixo), *grę:ji, tij* [FO № 35]; *'orij, grię:j* (№ 27); *'dijat, o'reji, o'rej* (№ 28); *grę:j, zdijā:val, snę:ja* (№ 30); *stręja, mǎćijin, űijov, grijōta, kijat* [Peco 1979: 75].

О связи изменения заднепобного спиранта с качеством гласного в предшествующем слого сказано в [Zagrebački kaj: 152]. На это указывает преобразование x в другом направлении после лабиализованных гласных – здесь $x > u, v$ (также происходит соноризация согласного): *sū:ui, sū:ua* [FO № 28]; *vū:vo, strǎ:vu, glū:vi* (№ 30); *sū:vi, sū:v, plō:va, 'kuva* (№ 35), а также *'porij, g'rej, tij* но *krū:x, glū:˘*, хотя и *kō:˘na˘* (№ 153); *grī:jevi, dġnijo*, но *mūva*, G sg *ōrava, sū:vo* (№ 150); *ūvo, mǎrva, pǎzovo, dūvān, kūvār, ōrāvā* [Peco 1979, 75]. В [FO № 30] на выбор следующего спиранта как непоследний гласный влияет вибрант – *vř:va, strǎ:vu*. В (№ 31) замена x палатальным спирантом ограничена флексией L pl – *v jo'ča:j, na zo'ba:j, na no'ga:j*, это происходит на фоне возможной утраты x в других флексиях – G pl *'mo:ji*.

Связь замены заднепобного спиранта с вокальным контекстом отмечена также в сербском диалекте в [Baotić: 85–86]. Здесь изменение $h > j$ происходит преимущественно после переднего гласного (прогрессивная ассимиляция по высоте тона) – *ne mōgu dġjat, iskġjat, imō mǎćiju*,

nijov je súd, strija, plěj, но и *kijina, od snájě*. После непереднего гласного констатируется изменение заднеязычного спиранта в *v* – *bùva, dùvān, glúva, mùva, plāvo, ùvo, nēkoliko òrāvā, dùv, krùv, strāv, věš je súv, on je glúv*. В то же время в сербском говоре не исключена ситуация, когда *j* вместо *x* или в зиянии выступает независимо от качества предшествующего гласного, как это имеет место в [FO № 55] – *màcija, tijo, strèja, grè:j, kù:jna, kř'ja, snāju, sòja, òra:ja*.

В македонских говорах происходит изменение *x > j* (*j*) после передних гласных: *mej'lem, 'nijno, 'zadij, k'ijne* – отмечено, что в этом говоре наиболее часто замена *x* происходит после *i* [FO № 98]; *'nijno, 'čejli, grej, orej, mej, zmej* и *suj lep* (№ 102); *re'kojme, g'lušci* (№ 106); *mej, zmej, orej* (№ 107, 109), *'nejti, 'lapuj, kaj'tica* (№ 106). Здесь *j* появляется не только в интервокальной позиции, но и перед согласным и паузой.

Произношение *j* на месте *x* в описании некоторых говоров в [FO] квалифицируется как способ устранения зияния, образовавшегося на фоне утраты *x*, т.е. считается, что *j* заменяет собою ноль звука в интервокальном положении (именно такое решение предложено для говоров №№ 39, 41, 46, 57, 62–64, 75, 101 и др.). Возможно, это так. Но и в этом случае качество звука, появляющегося в зиянии, ориентируется часто на гласный предшествующего слога. Ср. в македонском *miva, 'pazuva, 'ivo*, хотя и *'miabet, 'buon, g'luonem* (№ 101).

Изменение *x > j* показано в [БДА IV, К. 93, 94 с. 80] – *смей, блей, грей, глуй, страй*; между гласным и сонорным и на конце слова – *снэйме, тейните, нийна имай, тей, турей, орей, бей* (=бях) [Младенов 1993: 87, 175]. Примечательно, что в болгарских говорах палатальный спирант может уподоблять по высоте тона следующий заднеязычный согласный, действуя в этом случае как передний гласный (прогрессивное смягчение согласного). В [БДА I, К.52, 261] – *майк'а, стојк'а* так же, как *изék', йузék'*; [БДА IV К.77] – *мајк'а~мак'а, марјк'а, фун'јк'а*.

Изменение *h > j* (через стадию *g'*) перед исконно передним заударным гласным отмечено в словенском в [Logar: 99, 124] – *'noha > 'noja, dró:ha > dró:ja, drù:ha > drù:ja, nó:jè, dó:jè* (= doge), *štì:aje*; заменой смычного *g* может быть глухой (nezveneči) фарингальный спирант (с.99). То же явление дано в [Škofic: 191] – *nojè, dru:jga* (= drugega).

В верхнелужицких говорах изменение *h > j* происходит преимущественно перед передними гласными – в [SS 13, S. 171] приводится соотношение – 33 примера перед передними гласными и 7 перед непередними. Но при этом *j* вместо *h* перед непередними гласными всегда имеет предшествующий передний гласный, что указывает на прогрессив-

ную ассимиляцию согласного по высоте тона – *knije, wojejn, zaje, tyjel, špijel, drujim* и *běja, čijać, knijax*.

Смежность артикуляции спиранта *j* и фарингального/задненебного спиранта ярко проявляется в польских говорах при декомпозиции палатализованных губных согласных, когда палатализованность, выделившись в самостоятельную артикуляцию, приобретает вид спиранта γ' , который иногда становится единственным заменителем губного согласного. Как сказано в [OF 1984: 36] γ' , x' после губных возникли именно из спиранта *j*, который после шумного согласного подвергся прогрессивной ассимиляции по способу образования (включение в артикуляцию шумного компонента). Примеры из [OF 1984]: γ' *onze* (< *vγ'*), *цoγ'es, сцoγ'ik, češpx'i, γ'ežba* и *by'auц, px'ersy, px'oц* (№ 264); γ' *epš, mroy'isko, vγ'ara, žγ'eř / žvγ'eř, kx'at, by'aue, сцoγ'ik, p'opx'iuц* (№ 265); γ' *ilk, vevy'orka, žoby'e, kšat / kx'at* (№ 272); *mroy'isko, oγ'ec, vγ'epš, by'odra, kx'at, px'oц* (№ 285). Выделение палатализованности губных согласных в виде спирантов $\acute{s}$, $\acute{z}$ оценивается как явление вторичное по отношению к *j* [OF 1982: 35, 51].

Сходное отношение между *j* и задненебным спирантом эксплицировано регрессивным оглушением *j* в македонском говоре в виде *jax'ce, jax'činku* [FO № 113a]; в русском говоре *j > x'* – *nox'm'ú, prix'm'ú* [Бромлей: 19]. В говоре Полога [Селищев 1981a: 290] приводится пример *лóзу'е / лóзје*.

Снижение уровня голосности спиранта *j* (но не совпадение с *x*) в виде ассимиляции предшествующему глухому согласному свойственно некоторым русским говорам. Так в архангельском говоре (Пинежский р-н) – *n'ǰánka, жыт'ǰб, к'ǰермац'ix'e, с'ǰем, n'am'ǰісп, к'ǰел'і*, а также *перед* шумным согласным *n'eкогда́ n'e та́ǰ с'e*; примеры из другого архангельского говора – *вып'јут, от јéдак, оп'ém'ја, так јуд'бт, нбц'ју, сошјбш* [Касаткин 1999: 237]. В [Русская диалектология 1989: 77] даны примеры *пју, сошјбш* и *пх'у, сошх'бш*, т.е. с полностью глухим средне-небным спирантом.

6.5.

Мена *w'*, *v'* и *j*

Отношение между задненебным/фарингальным спирантом и *j* имеет аналогию в передней артикуляционной зоне, что выражается в изменении губного спиранта в *j*.

В [ДАРЯ 1] на карте 71 использован особый знак для произношения *любó/j/*, *остá/j/*, отмеченного в немногих пунктах на юго-востоке карты. Явление существует параллельно с *v'*, *w'*, *ф'* перед паузой.

В [Русская диалектология 1972: 66] это явление иллюстрируется примерами *дѣ/j/ки*, *свекрó/j/*, *крó/j/*, *голó/j/ки*, *жу/j/ót*, *зо/j/ót*, в *Ростó/j/и*, *постá/j/уть*; при этом отмечено, что данное явление свойственно говорам, имеющим оппозицию */w-w'/* (билибиальность) и не имеющим *ф*. Упоминание о *j* на месте *w'* встречается в [Русская диалектология 1964: 76].

Изменение *w' > j* в русских говорах имеет разное объяснение. В [Русская диалектология 1989: 70] оно связывается с ослаблением напряженности губной артикуляции спиранта, вследствие чего на месте основной преграды образуется широкий проход для воздушной струи, что в сочетании с активностью средней части спинки языка дает *j*. В [Русская диалектология 1972: 66, 72] причиной изменения *w' > j* считается известная несовместимость губной и среднеязычной артикуляций и перераспределение их в пользу *j*. Фонемная интерпретация изменения губного спиранта в *j* предложена в [Касаткин 1999: 85].

Мену *wi > j* в заударном слоге в словенских говорах Т.Логар объясняет тенденцией упрощения палатальной артикуляции, что в данном случае достигается устранением лабиодентального/билабиального смыкания – *prajm* (=pravim), *po'sta:i*, *po'sta:i:te* [Logar: 51]. То же перед исконно передним гласным в заударном слоге [Logar: 124] – *hní:wa > hní:ja* (= njive), *hrí:wa > hrí:ja* (= grive), *strà:wa > strà:ja* (= zdrave), *si:u > si:jo* (= sivi), *plé:wa > plé:ja* (= pleve). В [FO] *prej* (= prvi), *naj* (= novi pl), *y'lažejna* (№ 6); *lě:šojna*, *kú:kojca*, *gwá:žojna* (№ 7). Другие, более многочисленные примеры даны в [Kenda-Jež: 222] – *'biękajca*, *b'rinajca*, *'bukajca*, *ma'linajca*, *pat'ke:jca* (= podkev), *da:j* (= davi), *d're:j* (= drevi) и т. п. Это изменение двухступенчато. Не только устраняется губной согласный, но и оставшийся *i* заменяется спирантом *j*.

В хорватском говоре [FO № 49] отмечено изменение *v > j* после согласного перед *e* – *sjédok*, *médjed*, *sjétlana*. В № 39 обратная мена *j > v* в *štròvi*.

Изменение $w' > j$ перед гласными любого ряда известно серболужицким диалектам. В [SS 13, S. 311] дается список слов, имеющих *j* на месте губного спиранта: *pojedać, prajić, džiji, mrojišćo, drejańce, jacor, jacer'a, jas, jaśc, jazač', jac, jaći, zjazać, jažu, jazany*. В [Michalk, Sperber] – $v' > j$ перед *a* и особенно перед *i* – *jas, џоји* (< *loviti*), *jadn'o, šejc* (< *šyвьсь*). Не вполне ясно, имеет место в этом случае результат изменения $v' > j$ или $v' > vj > j$, т. е. через стадию декомпозиции палатализованного губного. Другие серболужицкие примеры: *'jacej, s'iaty, m'zja, z'jazać* и *kraćjacy* [Michalk: 23]; *drejany, p'jesyś, p'jedas', šejc, ud'jc, џ'jca* (*овьса), *kšej*, если же на *i* в группах *awi, owi* падает сильное динамическое ударение, то губной сохраняется – *ja'gwoj'ina, n'zga'w'ice* [Fasske: 114]. Вообще в применении к этим говорам более точно надо говорить об изменении w' .

Обратная замена в виде $j > v', w'$ отмечена в болгарских говорах – между гласными, первый из которых лабиализованный, т. е. имеет место прогрессивная ассимиляция: *дув'ѣт, брив'ѣт, крувѣне, брѣв'ѣ, дѣв'ѣ, стувѣ, труквѣн, крувѣ* [Бояджиев 1991: 56, 187, 194]. В севернорусских – *руков'ѣтка, сыров'ѣжка* и обратная мена в *жнѣй* (= жневь), *картѣй* [Бромлей: 22–23].

6.6.

Разложение (декомпозиция) палатального/палатализованного согласного на последовательность, содержащую спирант *j*

В основе декомпозиции согласного высокого тона лежит ощущение неудобства совмещения в одном речедвижении йотовой (среднеязычной) и основной артикуляции. Этот конфликт разрешается выделением *j* в самостоятельную артикуляцию при сохранении основной консонантной артикуляции в ее мягком или твердом варианте. Декомпозицию палатального/палатализованного согласного можно рассматривать как переходную ступень к замене этого согласного среднеязычным спирантом, с одной стороны, или к его отвердению, с другой.

Разные согласные проявляют неодинаковую склонность к выделению *j*. Наиболее распространено это явление в классе губных согласных, а также в виде изменения палатального вибранта. Выделение мягкости в самостоятельную артикуляцию и, как следствие этого, исключение класса губных из состава корреляции палатализованности – все это

достаточно подробно описано в литературе. В предлагаемой работе остановимся на более редких явлениях этого раздела славянской фонетики.

В результате декомпозиции мягкого согласного спирант *j* может, как предшествовать согласному, так и следовать после него.

Развитие *j* перед согласным обусловлено антиципацией согласного йотовой артикуляции (высокого тона), когда эта артикуляция элиминируется в самостоятельный сегмент, опережая основную артикуляцию. Преобразованный согласный может сохранять высокий тон, а может и отвердевать.

Выделение спиранта после мягкого согласного означает понижение значения артикуляции высокого тона в сравнении с основной артикуляцией согласного – именно потому, что приоритет отдается основной артикуляции, она и опережает собою йотовый компонент. Поэтому выделение *j* после согласного часто сопровождается отвердением согласного.

Выделение *j* как перед согласным, так и после него может происходить в разном фонетическом окружении (соответственно, слева или справа).

Рассматривая эти фонетические факты, мы не имеем в виду то, что характеризует особый тип произношения. Например, именно это отмечено в описании польских говоров в [OF 1982: 66] – «в медленном произношении регулярная прејотация центральных и палатализованных периферийных согласных – *leǰci, v gñeǰǰze, leǰǰyǰ, ǰoǰg'er*» (этот сюжет рассмотрен в 6.9.).

ń, n' > jn, jñ

В словенских говорах *ń > j+n* – '*kjojn, 'ža:ǰnem, 'sa:ǰnaš, 'paǰn, 'go:ǰnim*; явление определяется как способ избежать труднопроизносимости палатальных согласных [Logar: 32, 207]; сохранение *ń* в '*la:ǰński, ǰar'me:ǰne* [FO № 5]; *kwàǰń* (№ 146). В [Kenda-Jež: 223] выделившийся палатальный спирант переносится в позицию перед сочетанием *dn* – *zauše:ǰdǰ* (= vsednǰi), *p're:ǰdǰ, s're:ǰdǰ*; изменение происходит на конце слова, перед гласным и согласным;

в хорватских и сербских говорах – «*ń* переходит в *jn* или *j*, произносимый через нос» [Brozović, Ivić: 95]. Примеры этого: *gùjn, bràjnevina, listàǰneǰ* [Peco 1980: 183]; *svi:ǰna, pè:ǰn, 'kojn, mlado'žajna, lã:ǰnski* [FO № 28]; '*koǰń, vergã:ǰń, lã:ǰński, 'ǰajńčec* (№ 29); *sklãǰnaju, gãǰnali se, svijñâr, kòǰn, pãǰn, lûbajna, rešêjne, na križãǰnju* [Zagrebački kaj: 154]; '*doǰne, 'koǰń, 'koǰńi, s'vijña, s'vijñe* (FO № 84); изменение происходит на конце слова, перед гласным и согласным;

в македонских говорах – изменение определяется как одна из фаз отвердения согласного *ń* (в том числе и того, который развился в результате «нового йотования»), выражающаяся в антиципации мягкости носового согласного [Конески: 59]; *kojn, si'rejne, vəg'lejn'a* [FO № 110], *i'tajne, ja'dejne, si'rejne* (№ 109), *kojn, bajna, rejna* (№ 105); *бajна, тujна, коjн'а, камеjна / камеjн'е, свиjн'ар* [Видоески 1998: 282]; изменение происходит на конце слова и перед гласным; в п. № 90 отмечено и обратное изменение *jn > ń* – *'vuńa < vujna*;

в болгарских – *коjн / кон', кулаjн, кр'ьсьjнк'* [Младенов 1993: 331];

в польских – *k'ešejń, čejń* наряду с *tyżej, stycej, kojcuř, kojsk'i* [OF 1983: № 319]; *kojński lajński, kojncet* [OF 1984: № 296]; изменение происходит на конце слова и перед согласным;

сербулужицкие примеры из [SS] – *kopejń, sadžejń'k* (Т. 1, 52), *užejnc, okujńc, p'ijajńca, gusajńca* (Т. 3, 124, 148) и т.п.; *bajńka* (< *бап'ька), *žejń'* [Michalk, Sperber]; *kojń, žejń, mejńš'i, čejńk'i* [Stieber: 20, 21]; *kojńc, žeńska, vogejń, kojń, iacm'ein, peršćejń, grajń', slojń'cko, jabłoń'n'c, we'ń'k, skobr'ie'ń'k* [Калнынь 1967.: 95]; изменение происходит на конце слова и перед согласным.

í > jɪ

В словенском говоре – *'mejlem, ne'dejle, we'sejle* [FO № 6].

ť, ď > jť, jď

В словенском говоре [FO № 6] происходит преобразование *ť > jť* после гласного – *'pejč, s'wejče, s'rejče* (возможна последовательность изменений *ť > jť > jč*, т. е. последний результат получился в результате прогрессивной палатализации).

В чешских перед гласным и на конце слова – *ajť, plajť, najť, sejďet* [Komárek: 67]. Примеры выделения спиранта перед *ť, ď, ń*, а также перед утратившими мягкость спирантами *s, z, š* приведены в [Селищев 1941: 103] – *dejňe, nebujd', letojs, dojst, kojst, donejs, dyjž sem byl, užjž sem se voženil*.

В сербулужицких материалах ОЛА – *xejžim, xojžim* (*ď > ž > ž*), а также *xójjč, skažja, lejčeca, nejžela, vejžecu, lejžac', uóip* (= hoľb') [Michalk: 132].

k', g' > jk', jg', jk, jg

Как отмечает [Logar: 31], в некоторых словенских говорах перед передними гласными палатализуются заднеязычные согласные, которые

в дальнейшем, хотя и редко могут выделять *j* – [*k' > j+k*], [*x' > j+x* или *x+j*];

македонские говоры – *'kujka, s'fejka, 'raǰga, nojk, 'mejga, 'sajǰi, 'nojknǐ, p'lejki* [FO № 111]; в описаниях македонских говоров в [FO] палатализованные *k', g'* (не *k, ĝ*) указаны в говорах пп. 106, 108–110, 112–113а, и в некоторых из них развивается *j* перед *k', g'* – *v'rejk'a, 'pojkk'e, 'kujk'a, 'lujg'a*, здесь же *vejža* (№ 110); *'vejke, bu'bajk', spa'najk' g'o'lajk'* (№ 113а); *брајка, домајкин, рајкуја, сејкура, понајја, прејре, л'ујре* [Видоески 1998: 283]; выделение *j* происходит перед заднеязычным согласным, за которым следует гласный или пауза. Обратное изменение *jk > k'* в *'maKa, 'vuko* [FO № 104].

ń > nj

Изменение происходит перед гласным.

Словенские примеры – *čri:ǰǰnja, mali:nja, spu:ǰǰnja, swi:nja* [Logar: 125]. В [Ramovš 1924: 118] – депалатализация *ń* сопровождается переносом *j* в позицию перед предыдущем заднеязычным согласным – *óǰǰna, óǰǰg*;

македонские – *'denja* [FO № 108]; *баија, свинја, сенјак, ма̀ренје, тинја, ма̀нја* [Видоески 1998: 282; 1999, 136];

серболужицкие – из [SS]: *spódn'ja, sukn'ja, sčeyn'jo* (Т. 6, S. 130, 166), *scyn'jaš* (Т. 1, S. 206), *su'in'jo* (Т. 2, S. 64), *šen'jouis, šern'jauk'i* (Т. 3, S. 258), *tuaren'jo* (Т. 10, S. 32) и т. п.; *sturn'ja, sv'it'a, m'erzn'jo, sarn'ja, bar'a* и др. [Калнынь 1967: 93].

í > lj

Изменение происходит перед гласным.

Словенский говор – *'u:ylje, čǰ'lju:st, škǰ'rlju:p* [FO № 5]; македонский – *'iljada, 'nevolja, 'poljak* [FO № 90].

r' > rj

Изменение происходит перед гласным.

Словенские говоры – *r' > r + j* [Logar: 31];

хорватские – *r' > rj morje, orjem* [Brozović, Ivić: 95]; *mórje, škarje* [Peco 1980: 187]; *'orje, 'gorje, š'ka:rje* и *'bura, 'mo:re* [FO № 26]; *ǰ:rja, tuǰ:rja, škoǰ:rja, 'burja, širji* (№ 27); *'morje, 'zorja* (№ 28); *vǰ'č'e:rja, 'zo:rja, 'orja* (№ 31); *mǰ:rje, "or'jem, škǰ:rja, zvirjǰ:ńek* (№ 153).

В [FO] в чакавских говорах на фоне общего отвердения *r' > r* отмечены единичные случаи с *rj* – *š'kare, 'mo:re*, но *'mo:r'je* *'uzburkano*

more' (№ 37); также в № 148а редко появляется сочетание *rj* (*morjje*) на фоне общего отвердения вибранта. Аналогичное явление свойственно штокавским говорам – *r' > r*, но *stvá:rjat* (№ 39) и *mò:rje* (№№ 150, 151).

В описаниях серболужицких говоров в соответствии с мягким вибрантом в позиции перед непередним гласным обычно употребляется знак *r'j / rⁱ*, т. е. сочетание мягкого вибранта с палатальным спирантом. В SS палатализованный вибрант обозначен знаком *ṛ*; знак *r'* используется реже.

Так, в [SS] встречаются записи *módr'ak*, *pór'о / pyr'e / pyr'о*, *str'ony*, *pór'aslo*, *zdr'as* (Т.1, К. 48, 49, 56, 58); *se źer'о*, *p'er'о*, *čr'óda*, *butr'anjka* (Т. 2, К. 47, 64, 75, 84); *škr'acy*, *űer'as'k*, *škr'ok*, *šmr'ok*, *kuđer'аџа*, *klaper'a* (Т. 3, К. 35, 93, 97, 130, 132); *br'uško*, *br'uščo*, *br'uško*, *pr'otk'i* (Т. 6, К. 44, 50). Следует отметить, что по направлению от первого тома [SS] к последующим записи с *r'* встречаются все реже. Генерализуется транскрипционный знак *r'j*, который в дальнейшем интерпретируется как реализация фонемы /r'/ [SS Т. 13, S. 228]. При этом авторы карт и комментариев к ним относятся с недоверием к имеющимся в литературе записям со знаком *r'*.

Примеры записей с палатальным спирантом после мягкого и отвердевшего вибранта:

из [SS] *r'jady* (Т. 1, S. 160); *r'jós*, *źer'jo*, *r'jagaju* (Т. 3, S. 108, 286); *r'jap*, *r'jобlo*, *br'juško*, *č'r'jonak*, *cr'jonak*, *škr'jony* (Т. 6, S. 46, 80, 110, 112, 124);

rjany, *rjos*, *srjoda*, *brjas*, *b'erjo* [Stieber: 3, 20, 50]; *umrjel*, *derje*, *gorjajnske*, *do brjazyna*, *do šmogrijoa*, *priatkoal*, *natvarjona* [Petrová, Petr: 67–70]; *te źur'а*, *se zaźer'о*, *mur'owaś*, *septar'а*, *kar'ju*, *škr'jacy*, *štoter'jo*, *škobr'jonk*, *r'jap / r'jap / r'jap* и даже на конце слова *septar'а*, *šular'а* [Калынь 1967: 97]. Знаком *r'* обозначен полумягкий согласный.

В [Mucke: 28] приводятся примеры изменения *r' > jr* перед согласным и паузой – *vajr*, *Majrka < var'*, *Mar'ka*, а также *var'а < var'*.

Элиминация йотовой артикуляции в ходе отвердения вибранта перед непередними гласными свойственна некоторым украинским говорам (надднестрянским) – *зорйá*, *порйáдок*, *рйáд*, *варйу́*, *бурйá*, *морйáк*, *нарйáд* [Жилко 1955: 94]. В отличие от рассмотренных ранее ситуаций, в этом случае вибрант не имеет мягкости перед *j*. Как отмечает [Бевзенко: 77], в отдельных говорах во вновь возникшем сочетании *рй* может происходить прогрессивная ассимиляция и спирант заменяется мягким латеральным согласным – *пíрл'а*, *подв'íрл'а*.

x (x') > xj

К числу изменений, эксплицирующих выделение спиранта *j* после палатального/палатализованного согласного, можно отнести словенское фонетическое явление, описанное в [Logar: 31, 124]. Изменение *x > xj* перед исконно передним заударным гласным предполагает, что предварительно задненебный спирант *x* подвергся палатализации и поэтому получилось *mí:xa > mí:xja*, *sú:xa > sú:xja*, *uré:xa > uré:xja*.

k, k' > kj

В описанном Логаром говоре аналогичному изменению подвергся *k*, в современном состоянии имеющий фарингальное образование – *đwó:qa > đwó:qja* (= dlake), *xrù:šqa > xrù:šqja*, *'otraq > ut'roqja*, *já:zəq > jazì:qja*.

Выделение *j* между *k* и *e* предполагает предварительное повышение тона согласного – *'ərkje, kje* [FO № 16]. Явление такого рода представлено и в некоторых нижнелужицких диалектах. Здесь праславянские сочетания **kьrt, *gьrt* дали рефлексы *kja, gja* – *sk'jaržys, g'jaršč, g'jaruz, g'janc, k'jarcma* [Fasske: 102], а также *kjarcma, , kjarm'is, gjardy, gjarb* [Селищев 1941: 231]. Этому может быть дано следующее объяснение. Развитие на месте *ь гласного *e*, который позже изменился в *a*, создавало ситуацию возможной антиципации непереднего гласного при образовании задненебного согласного, т. е. провоцировало повышение тона этого согласного. В принципе такое повышение было возможно, как об этом свидетельствуют приведенные в [SS 13, 163] факты произношения *og'en', g'ercy, k'er', m'ek'e*, а также *k'ercma, g'eršč, g'erdlo, g'ernyk* [ОЛА 3: 89]. Но примеры типа *kjarcma, gjarb* указывают на то, что со стороны задненебных согласных могло быть противодействие включению антиципации переднего/среднего гласного в фонетическую программу слова. Это противодействие выразилось в экранировании задненебного согласного от гласного с помощью образования спиранта *j*. С сочетаниями *kja, gja* произносятся и заимствованные по своему происхождению слова – *kjarmuša, kjarl, kjarxop, gjartnar'* [SS 13, 163]

6.7.

**Спирант *j* на месте твердого
(непалатального/непалатализованного) согласного**

Явление такого рода представляют рассмотренные выше факты замены фарингального спиранта среднеязычным *j* в некоторых говорах, хотя по преимуществу в таких случаях нельзя исключить предварительную палатализацию заднеязычных согласных.

К этому можно добавить факты, зафиксированные в хорватских говорах. Здесь палатальный спирант заменяет собою согласный, за которым следует другой согласный, преимущественно смычный. Изменения эксплицируют диссимиляцию по месту и способу образования согласных.

$k > j$ – *kū:jci*, 'nojtī, *trū:jci*, *dojtù:r*, в этом же говоре имеется тенденция изменения $c > š$ перед *k*, *t* [FO № 42]; *tájka* (< такька) [Skok: 251];

$g > j$ – *blā:jdon* [FO № 42];

$\gamma > j$ – *svajder* (< svayder), *blājdan* (< blaydan), *sājdan*, *lājik* (< layk), и наоборот $j > \gamma > x$ в *jenō x drūyo* (здесь $i > j > x$) [Hamm: 78];

$t > j$ перед *k* – *lūjka* [FO № 42];

$s, š > j$ – *prō:jca* [FO № 42]; *praj'ci*, *praj'čevina* (№ 37), Gsg *prá:jca* (от *prá:sac*), *pra:jčít'*, *kú:jci* (№ 56); *pājčić* (от *pas*), *kvajčić* (от *kvas*), *rajsčić* (= *razsčić*), на стыке слов – *vāj su* (< *s*), *jūj se* (< *š*) [Hamm: 83, 85].

Аналогичное явление отмечено в чешских говорах. В [Komárek: 65] сказано, что фрикативные и аффрикаты *s*, *z*, *š*, *c*, *č* перед такими же согласными и *ř* заменяются спирантом *j* – *přej sto* (< *z#s*), *přej zimu*, *přej řeku*, *učej se* (< *š#s*), *kojce* (< *sc*), *otej šel* (< *c#š*). Согласные *t*, *d* (и *ť*, *ď*) перед некоторыми смычными и *c*, *č* также могут заменяться спирантом *j* – *voj domu*, *voj řech čas*, *bujte*, *voj cesty*. Подобные же примеры диссимиляции приводятся в [Селищев 1941: 109, 186]: *kuj světa* < *kus světa*, *kuj země* < *kus země*, *babijce* < *babičce*, *chyjte* < *chýtte*, *oj toho* < *od toho*, *poj dubem* < *pod dubem*, *naj domem*, *bujte*, *vrajte se*.

Устранением возможных сочетаний шумных согласных достигается снижение уровня консонантности звуковой последовательности и снимается альтернатива – делить консонантное сочетание слогоразде-

лом или относить его целиком к началу слога. Замена шумного согласного спирантом *j* однозначно провоцирует интерконсонантный слого-раздел.

6.8.

Спирант j как заменитель гласного

Особенностью спиранта *j* является то, что он в определенных позициях может заменять собою безударные передние гласные *i*, *e*. В этом случае происходит девокализация / консонантизация гласного. Эта синтагматическая особенность *j* в разных языка/диалектах проявляется с разной интенсивностью.

Так, для хорватских и сербских диалектов сетки ОЛА в реконструируемой исходной фонологической системе спирант *j* на месте *i* констатируется только в префиксальных формах глагола *iti* [FO: 224]. И далее это подтверждается примерами в описании отдельных говоров (№№ 39, 41, 52).

Изменение безударного $i > j / j$ после гласного в любой позиции в слове свойственно болгарскому языку – одним из следствий этого является омонимия именных форм N sg и рI (*славей*, *случай*) [Стойков 1961: 234]. В [Андрейчин: 56] в этой связи указано на орфоэпическую недопустимость произношения *й* после гласного в формах рI.

Изменение $i > j$ (а также $u > w$) означает утрату слоговости безударным гласным и тем самым исключение его из класса гласных. В основе этого явления лежит усиление воздушной струи, привносящее в артикуляцию *i* элемент консонантности. По мнению Ст. Стойкова, это усиление естественно при том высоком положении языка, которое характерно для *i* (и лабиализованного *u*) [Стойков 1961: 67].

По-иному оценивает то же явление Х. Халиолчев – он видит в нем проявление редукции безударных гласных *i*, *u*: их сужение и сокращение (уменьшение абсолютной длины) способствует усилению воздушной струи, т. е. эффекта трения [Халиолчев]. Девокализация безударного гласного *i* ассоциируется с его акустическими качествами. Уменьшение интенсивности, частоты основного тона, сокращение времени продолжительности в сочетании с позицией после гласного – все это способствует тому, чтобы гласный *i* объединился с предшествующим гласным в дифтонг, т. е. изменился в *j* [Тилков: 185].

Можно также предположить, что консонантизация безударного *i* (*u*) после гласных вызвана и стремлением усилить контраст между ря-

дом стоящими гласными путем более напряженного артикулирования второго из них – при высоком образовании гласных это вносит в них долю шума, которая и переводит безударные гласные в класс сонорных согласных.

Смогло сыграть роль и следующее обстоятельство. Сочетание гласных может образовываться одним артикуляционным движением без перерыва, соответствующего экскурсии/рекурсии. Сочетание гласных со следующими безударными *i* (*u*) при таком условии должны превращаться в нисходящие дифтонгоиды, т. е. имеющие в своем конце *j* (*w*)

В болгарской литературе девокализация гласного *i* описана достаточно полно. В качестве иллюстрации приведем данные из одного болгарского говора, фонетика которого была обследована по специальной программе. Спирантом заменяется гласный *i* любого происхождения, в том числе и получившийся в результате редукции гласного *e*.

йа ѓм 'ййш (ни< ие< ийе), *мој т 'у гуд 'йй 'и* (< он), *за йна, п'ид 'ис 'е йца, д 'е йа й луј* (= я и луе), *прајм 'и, т 'а знај* (< ан < ае), *мој ту* (< он < ое), *лојм 'ий* (pl), *св 'ет 'и йван, тур 'ей* (< еи < ее), *уда й браш 'но, на йна маца, многу йй 'ен 'и, улој* (pl), *парт 'ййц, хаз 'ајн, играјм, дојзура* (= доизора), *м 'ейц* [Калнынь, Попова: 129].

Как сказано в [Видоски 1979: 16], изменение безударного гласного *i* > *j/i* в позиции после гласных является общемакедонской чертой. В сферу этого изменения попадает и результат редукции безударного гласного *e* > *i* – *гојдо* (< гоедо < говедо), *појке, тргојц, клајнец* (< клаенец < кладенец [Видоски 1979: 18].

Описание фонетики македонских говоров в [FO] дают основания полагать, что замена безударного *i* спирантом *j/i* может быть компонентом диалектного различия. Содержание различия сводится к следующему:

1) наличие ~ отсутствие изменения; так в № 103 *i* после гласного обычно не изменяется в *j/i*, кроме нескольких случаев типа *мојте, својте*, но *drei, kaiš, bui, moi*.

2) разная частота изменения – [*'air, k'raišta, s'nai, b'roi, 'soi, S'toilko* и *s'naj, moј, soј*] (№ 100) ~ [*i* > *j/i*, всегда] (№ 93, 94);

3) изменение не происходит в определенной морфемной позиции, в соответствии с чем гласный *i* сохраняется:

на конце слова в составе флексии – *su'dii, tep'cii, 'mui*, но *'sejš, 'dajš, s'mejš* (№ 102);

после префикса, оканчивающегося на гласный – *p'reigra, 'zaigra, 'zaide, 'naide, 'doita*, но *la'paјca, 'leјčar, lo:јt* (№ 99), *'neispam, 'zaigra se,*

'naigra, p'riime, но vo'deјnca, 'ubaj, b'rojme, po'loјna, 'goјdar, 'iskajn (< istkaen), boј (pl от boja), k'lučoј (< ovi), moј, snaj, mo'toјlo, g'laјca (№ 101).

В македонских говорах гласный *i* в поствокальной позиции часто оказывается в результате метатезы гласного и согласного – vo'deјnca (< nica), o'kaјnca, tu'paјnca, эр'žajnca, snež'ajnca [FO № 92]; ka'leјnca, 'paјnca, 'graјnca, 'koјste (< kozite), be'leјste (< belezite) (№ 96); 'no:јste (< pozite), p'ra:јstu (№ 111). Речь может идти и о метатезе в сочетании согласного с *j* – ži'neјte < ženetje, sta'naјte < stanatje [FO № 111].

Тенденция поместить *j* после гласного (дифтонгизация сочетания) лежит в основе метатезы сочетаний *zj*, *sj* в сербских говорах [FO] – 'pajsi, klà:jse, p'rojsak, projsa'kina, 'koјze (№ 80), g'rojze, g'vojze, 'pajsi (№ 84), lò:jze, grò:jze, gvò:jze (№ 83). То же в хорватском говоре № 22 – kuđ:jzi, d'rajži, daj'žit, dajži:na, drugā:jči, za'jik.

В македонских говорах девокализация первого гласного возможна в последовательности CVV, а конкретно это касается вокальных сочетаний *io*, *ie*, *ia*, *eo*, *ee*, *ea* – sečјo, izmјer, rakјa, lјa, nјa (< nea), эживјан, измјен, го фатјe, почјало (< почиало < почивало), черјo (< черево), жнјa (< жнеа) и т. п. [Видоески 1998: 263, 280]; c'ouјe: < c'ouue, p'akјa:, u'amјa:, бја: < беа, ч'epјo: < череo [Видоески 1999: 87]; 'ovјe, 'sudјa, 'mesјe, 'izmјen, lošјot, da se na'pјete, 'kajsјa, za'vјoci, st'ra [FO № 96]. В членных формах прилагательных перед *o* – ne'goјo (< ovio), u'baјo (< avio) [FO № 101], zd'raјfo, m'latјo, s'tarјo (№ 103), tat'kovјo, sa'katјo, e'denјo, b'jalјo, 'čarнjo, 'gorkјo, k'rekјo (№ 106). В (№ 109) s'lepјo, 'lošјo, ki'slјo, но 'jakio, 'niskio, 'čarnio, возможно, потому, что в этом говоре *j* запрещен после *k*, *n*.

Девокализация гласного *i* в македонских говорах может иметь компенсацию в виде удлинения гласного в предшествующем слоге – či'ki:ј, g're:јš, bu'ko:ј [FO № 110], 've:јš (< diš), u're:ј (= ореви), st'ri:јš, 'le:јš (< ležiš), 'se:јš, 'za:јc (= заec), 'lo:јstu (< loistu < lozeto), 'no:јste (< pozite), p'ra:јstu (< prasito) (№ 111); k'o:јcme, k'o:јume, l'o:јcто, др'у:јcme [Видоески 1999a: 91]. Компенсационное удлинение гласного может иметь и меньшую степень (не достигать двух мор) – gre:ј, 'se:јme, 'ja:јme, mo:ј [FO № 108]. Подтверждением того, что вокальная компенсация эксплицируется двумя морами, является место стабильного ударения – при ударе на предпоследнем слоге это выглядит как 'razboј и pl raz'bo:ј, s'laveј и sla've:ј [FO: с. 779].

Изменение безударного *i* > *j* после гласного известно и в словенских говорах – slivoјca (сочетание гласных возникло в результате утра-

ты интервокального *v*), *ilojca*, *dàlojca* (< *jalovica*), *pěkojca*, *prěj* (< *pravi*) [Ramovš 1924: 198].

Специфические отношения между гласным *i* и спирантом *j* (в укр. транскрипции *й*, *ї*) существуют в украинском языке в его литературной и диалектной формах. Здесь в начале слова допускается взаимозаменяемость безударного гласного переднего ряда выше верхне-среднего подъема *i* и среднеязычного спиранта *й*. Последний в украинской грамматике определяется как «неслоговой гласный» [Курс сучасної: 174], но его следует относить к числу согласных, как об этом сказано выше.

Частота слов/морфем, имеющих в украинском языке в своем начале безударный гласный *i*, не высока. Это союз *i*, предлог-приставка *із*, несколько корневых морфем (*ід-*, *ін-*, *ім-* и некоторые другие), имена собственные (*іван*, *ісус*, *іл'ко*).

Согласно правилам, предписываемым орфоэпией, союз «*i*» должен реализоваться спирантом *й* на стыке слов, первое из которых оканчивается на гласный (позиция *V#-#V*, *V#-#C*), и безударным гласным *i* на стыке слов, первое из которых оканчивается на согласный (*C#-#V*, *C#-#C*), а также после паузы (*#-#V*, *#-#C*). К тому же на эти правила накладывается еще семантическое ограничение: не допускается замена гласного *i* спирантом *й* в том случае, если гласный реализует союз, используемый для сопоставления понятий [Курс сучасної: 179; Жовтобрюх, Кулик: 158].

В пределах одной морфемы гласный *i* не может сочетаться с последующим гласным. Поэтому взаимозаменяемость *i* и *й* не на стыке морфем ограничена позицией перед согласным, а перед гласным этого нет, так как нет сочетаний *i* с гласным. Иными словами, всякая морфема, которая может иметь начальный гласный *i*, может вместо него иметь и *й*. Но не всякая морфема, имеющая в своем начале *й*, может быть произнесена с начальным гласным *i* (например, *йолка*).

В диалектах картина употребления *i* и *й* выглядит следующим образом.

После слова, оканчивающегося на согласный, произносится *i*. После слова, оканчивающегося на гласный, в пределах одной и той же морфемы возможны *i* и *й*. В позиции после реальной паузы преобладает *i* и редко произносится *й*. Приведем примеры этого из конкретных диалектов региона Карпат.

Турковский р-н Львовская обл. – *б'іжád ід nám і плáчут*, *Васііл' і йá*, *чóлов'г ід іде*, *беруд і ж жєнóу*, *і ў пліну дóбре*, но *ма́йу й кóн'а*, *вс'і й рáзом*, *йєннá іскрá*, *немá імхú*, *йа йду́*, *і тáг умєр*, *і дóбре шом ут'ік*;

Калушский р-н Ивано-Франковская обл. – *йак л'іто так і зима, в'ін іде, іду до ж'інк'і й кáжу, булá й тáнча булá й дорóшча, і платéли й н'іхтó не біў, мáла й дéс'іт', ўс'ó йшлó, облáвэ йшли, і ничóго не má;*

Великобереженский р-н Зкарапатская обл. – *колóнн'і суд і лén, дом інваліц'к'ий, ім то незащ'кóдит, и тогды іду, нош'ўе із мáргоў, то йс к'ін'ми, ушіткó йшло, іскры йшли, то й вівс'áный хл'іб йїли і лем бы быў, Міхáйло або івáн, ц'і йвáн;*

Раховский р-н Закарпатская обл. – *ну йд'ім, не хóче йгрáти, ўже йнáчей, крóв груд'мé йшла, ну бáтко йд'ім, іс стáройі іздоймéти, іж'ék, іл'в'їў.*

В записях [Добош: 377; Лизанец: 120] фиксируется *й* после реальной паузы – *йїду ў селó, йїдé, йїду йа йс к'ін'ми*

Взаимозаменяющее употребление *і* и *ј* (*й*) в украинских говорах с фонемной точки зрения представляет собою параллельное употребление безударной гласной фонемы /i/ и спиранта /j/ в пределах одной морфемы.

Возможность взаимозаменяемости *і* и *ј* сигнализирует предшествующую диэрему, актуальную на стыке слов. Для этой диэремы характерно то, что в пределах примыкающих к ней морфем может варьироваться слогораздел и количество слогов в последовательности, т. е. *йа- (#)и-ду ~ йа(#)й-ду*.

Особенно это очевидно при сопоставлении отношения к слогоразделу интервокального *й* на стыке слов и в середине слова. В середине слова спирант *й* объединяется с последующим гласным независимо от морфемной границы, т. е. *гно-йў, зда-йé с'а, зна-йó-ма, бы-вá-йут*, а также на стыке слов *та-йá-ма, за-йóл-ку*. В рамках же взаимозаменяемости с гласным *і* спирант *й* объединяется в один слог с предшествующим гласным – *йай-о-лé-на, о-пáй-у-мёр-ла* (=я і Олена, она і умерла).

Правила изменения безударного гласного *і > j/й* (*й*) в болгарских, македонских говорах, с одной стороны, и в украинских, с другой, хотя и имеют внешнее сходство, тем не менее, различаются по существу. Гласный *і* в поствокальной позиции всегда находится на стыке морфем. Но в болгарских и македонских изменение *і > j/й* практически обусловлено фонетически, поскольку реализуется на стыке любых морфем. В украинских же говорах изменение *і > j* привязано к началу слова (фонетического) и началу некоторых корневых и докорневых морфем. К тому же возможно это изменение не только после гласного, но и после паузы (*йїду*)

С точки зрения изменения *і > j* к украинской ситуации близка белорусская. Как сказано в [Крывіцкі, Падлужны: 111], *й* (*ј*) возникает из *і*

после гласного перед согласным: после приставок, при отсутствии паузы между словами – *зайграць, увайсці, маць і ў дачка́, на йва́на*.

Иллюстрацию этого дают записи из Луниницкого р-на Брестской обл.: *найдз'і йва́на, ужэ́ йна́чей, да й прадаі́ўц' вада́ й агон' йена́ й здурійе, не йдз'эш і рбб'іц' і ў халхóз, йіхаў ік ма́ц'еры, у стаўбу́н ідз'е, судз'іц' іму́ц', сул' і хл'іб, і в'е́дра і чага́ны, йак іспу́хне, іду́м прас'ім, із бо́гом, із ро́ду йа байу́са йіх*.

Русским говорам несвойственна консонантизация безударного *i* после гласного (не имеем в виду лексикализованные факты типа *найду, выйду*). В многочисленных сочетаниях гласных, возникших в результате утраты интервокального *j* (*й*), гласный *i* или сохраняется, или включается в стяжение.

В связи с этим заслуживает внимания фонетическое явление, зафиксированное в южнорусском говоре (Моршанский р-н Тамбовской обл.). Здесь безударный гласный *i*, как и в других говорах, образует сочетание с предшествующим гласным на стыке морфем (*на іва́на*) и в результате ослабления интервокального *й* (*на п'е́н'з'іі, вы́хал, ур'е́бвыіш, по́іс, зна́іш*). Спирантизации гласного *i* в этих случаях не происходит. Но в других словах происходит как бы обратный процесс, а именно после ударного гласного вместо спиранта *й* произносится гласный *i* – *уб'і́йца, с'іме́ітый, сто́іла* (= стойло), *канба́ін, свбі́ск'іі, прапо́іца*. Произношение *по́шла* в том же регионе было отмечено еще в [Будде: 116]. При слогоделении гласный *i* из *й* образует отдельный слог – *у-б'і-і-ца*. Можно полагать, что такое произношение является результатом свойственного этому говору развития вставных гласных в соседстве с сонорным согласным [Калнынь 1993]. После *й* это должен быть гласный *ь*, т. е. *уб'і́йьца, сто́йьла*, а также *канба́йьн*. Ассимилируясь предшествующему спиранту *й*, гласный *ь* изменялся в *i*, а сочетание *Viі* упростилось в *Vi*.

6.9.

Спирант j как заместитель звукового нуля

Особенность синтагматики *j* состоит в том, что он при своем возникновении в звуковой цепи может быть соотнесен не только с каким-либо другим звуком (согласным или гласным), но и со звуковым нулем, т. е. *j* «без этимологической базы». В данном случае мы не касаемся явлений протезы перед инициальным гласным и развития *j* в условиях

зияния (позиции #-V, V-V) – эти явления достаточно полно описаны. Ограничимся появлением *j* в позиции V-C. Согласный не должен быть палатализованным, поскольку выделение *j/i* перед таким согласным можно оценивать как асинхронизацию артикуляции.

В словенских говорах выделение «вторичного *j*» или «переходного согласного *j*» фиксируется преимущественно перед спирантом, который иногда начинал консонантное сочетание. Такой вторичный спирант *j*, по замечанию [Zorko: 230], можно считать результатом антиципации движения передней части языка к постдентальной зоне при начале артикулирования шумного согласного.

gòjzd, ójst̃ar, mòjisk (< mozg), *bàjs, pàjsati, àjst̃rof* (< jastrob), *toj péjste, wù-j̃sne* (< vь sьnê), *újzda* [Ramovš 1924: 170, 172];

в [FO] *ža'lejzo, ž'lejza, šejst* (№1), *wa'bejša 'najšč* (= nožič, nož) (№6), *və'jst̃ar, γàjzd, f̃e:jst, kl̃e:jše* (№8); *'μo:jst̃ar, 'be:ž̃i, 'a:iyyela* (№5), *br̃a:jzda* (№7), *tel'jg:ĩnsko, ž̃e:ĩnska, 'μo:jst̃er* (№11), *zagò:jzda, újst̃ar* (№16); изменение «потенциального» *ɲk > f̃ɲk* (назализованный *f*) в *g̃eɲk, f̃eɲga* (= pjeга), *'pɔ f̃ɲga* (№17); примеры, транскрибированные с *i* в [FO] в историческом разделе описания каждого говора рассматриваются как содержащие *j* [FO с.40 и след];

в [Zorko] *'bejžat, 'xújkat, g'rojzde, 'fejst, ko'raž̃a, š't'rajfat* (с. 26), *'le:ĩn, 'de:ĩn, 'õjst̃ar, o'rejxa, 'gojda* (= jagoda), *bo'lej̃n, 'kojz̃ji*, расширение суффикса путем вставки вторичного *j* – *'zo:gjenk, v'ro:ž̃jenk* (с. 206), *bo'le:ĩn, g'ro:jzde, 'je:ĩn, 'la:ĩnski, 'le:ĩn, 'lo:ĩpa, 'o:ĩgn* (с. 311);

в [Škofic] *pà:j̃sxa, gné:jst* (= gnezdo), *'gojst'* (= gozd) (1997: 184); *wù:jzda, pɔtpà:j̃sxo* (= pod pazduho), *pwá:j̃š* (= plašč') (1999: 191);

в [Kaletnik] *'mu:jca, 'vùjžgalo* (2000: 162), *'xu:jda, š'ta:j̃nga, 'u:õjstro, 'na:j̃šo, 'vü:jzda* 2001: 388];

в [Jakop] *'fujtrat, 'na:j̃gl, 'vejgi* (= ogenj), *'o:jst̃ar, 'vò:js, 'vò:jzek* (2001: 375), *'kò:jlk* (= koliko) *'ku:jxja, 'mò:jd̃arc, 'vò:jlka* (= velika), *'vò:jst* (= voziti), *za'dò:jst* (2003: 123).

be:jž, ynejzd, γraj'sina, γ'ru:jzde, 'u:jst̃ar, pla:j̃š, 'pu:jstla, za'gu:jzda [Benedik: 166]; *wájst̃ar, pò:jstle, f̃ejst, gnéjzd, gràjzd, pà:j̃sxa, b̃ejž* [Nartnik: 202]; *'va:jst̃ar, 'pò:js't'o* (= postelja), *'pa:j̃sa* (= pesa), *pra'na:j̃škvat* (= prepašati), *'ujzda* [Weiss: 336].

Появление *j/i* перед заднеязычным согласным, за которым следует передний гласный, в [Ramovš 1924: 175] расценивается как перенос эвентульного палатального компонента артикуляции заднеязычных – *nòjge, grèihj, čòj̃k* (< čoki), *stròj̃k, b̃aj̃k* (< biki), *ròj̃ke, dl̃aj̃ke, bòj̃he* (< bl̃šcha), *mùj̃he, bosàj̃ge, súj̃hē*.

В хорватских говорах – *šejst, rājši, špājs, pājši* [Hamm: 267]. В [Zagrebački kaj: 158] выделение вторичного *j* в хорватских говорах связывается в основном с позицией перед слогом с передним гласным (антиципация артикуляции высокого тона) – *pōjtek, vōjzi, pōjndelek, vojziti, mōjtika, mōjsti, pōjcek, čūjti*.

В сербском говоре вторичный *j* отмечен после заднего гласного перед *st, sp* – *Gójspa, dvōjstruk, pūjsti je* [Baotić: 91].

В [Младенов 1993: 331] выделение *й*, в основном перед спирантами, в болгарском говоре определяется как «антиципация мягкости», хотя после *й* следуют немягкие согласные и не всегда передние гласные – *зимъйс, мъйтъ, ойс, пръйс, улъйс* (= онези), *мъйсѝ, пъйт / пък', назъйк' / нъзат', бейиш* (< беше), *имайиш, спейиш*.

Удвоение палатального спиранта в позиции #V отмечено в польских говорах в форме *praes* 1 sg глагола *ęsti – *jjem* [OF 1984 № 264, 272, 284]. В этой связи можно отметить удвоение другого спиранта в некоторых польских говорах, а именно *s*: *v lassax, na bossaka, v'essajq* [OF 1983, № 303], *bosso, v lassak, v'issam* (№ 319).

Как указано в [Krajčovič: 90], двойной *jj* свойственен также словацким говорам – *pojě / pojje, dvojjě / dvojje, vajěc / vajjec* и др. Автор это связывает с развитием дифтонга *iě*, т. е. *iě > jě*, поэтому *pojě > pojějě > pojějě*, т. е. второй *j* как результат девокализации гласного в дифтонге.

6.10.

Типологическая и ареальная характеристика особенностей синтагматики *j*

Рассмотренные факты употребления этимологически немотивированного (или вторичного, вставного) *j/i*, повышая частоту встречаемости спиранта в звуковой цепи, обычно при этом не нарушают правила консонантной синтагматики, актуальные в соответствующем идиоме. Вновь возникшие сочетания *j* с гласными, согласными и паузой (#) расширяют состав уже имеющихся сочетаний. Определенную редкость в этом плане составляют хорватские сочетания *xj, gj*, однако в соответствующем описании приводятся и примеры устранения *j* (*xi:b, 'gi:sta*), а также *rj#* в серболужицких диалектах.

Появление вторичного *j* чаще удлиняет звуковую цепь, составляющую слово – это те случаи, в применении к которым О. Брок назвал спирант *j* «паразитным элементом» [Брок: 158]. Реже длина слова со-

кращается – например, при словенской замене $wi > j$. Наконец, количественно сегментный состав слова остается прежним, но вместо согласного или гласного произносится *j*. В случае замены гласного спирантом сокращается количество слогов в слове.

Как видно из приведенных данных, условием появления *j* является преимущественно сегментный контекст высокого тона. Это замена палатализованного/палатального согласного, переднего гласного спирантом *j* или его элиминация в соседстве с согласными высокого тона. Реже *j* заменяет собою твердый согласный или вставляется перед согласным или консонантным сочетанием, но часто перед слогом с передним гласным.

Можно заметить, что такие сегментные предпосылки появления этимологически немотивированного *j* в принципе существуют во всех славянских диалектах. Однако далеко не везде это сопровождается появлением *j*.

Насыщение звуковой цепи согласным высокого уровня сонорности, каковым является *j*, эксплицирует тип идиома близкого вокалическому типу. Этому соответствует и ареалогическая характеристика рассматриваемого фонетического явления.

Йотовый компонент наиболее ощутимо выражен в артикуляции палатальных согласных. Согласные $\acute{n}$, $\acute{l}$, $\acute{i}$, $\acute{d}$, $\acute{c}$, k , $\acute{g}$ свойственны диалектам юго-запада Славии. И именно в словенских, хорватских, сербских, македонских говорах отмечена замена этих согласных среднебным спирантом. К ним же примыкают некоторые польские говоры, показывающие изменение $\acute{n} > j$.

Декомпозиция согласных высокого тона (не губных) с выделением *j* в отдельную артикуляцию также отмечена в южнославянских диалектах, но охватывает меньший состав согласных в сравнении с теми, которые в целом заменяются спирантом. Это – $\acute{n}$, r' , k'/k , $g'/\acute{g}$.

При этом выделение *j* перед и после согласного в одних диалектах возможно в одинаковых позициях, а в других – позиционно разграниченно.

Так, в словенских говорах изменение $\acute{n} > j\acute{n}$, $j\acute{n}$ допустимо перед #, V, C, а $\acute{n} > nj$ только перед V. В македонских, хорватских, сербских – $j\acute{n}$ перед #, V. В македонских перед V, где кроме того, возможно и сочетание nj (*бајна* / *банја*), но безальтернативно в этих же говорах *j* выделяется перед k , $\acute{g}$.

В польских и серболужицких говорах декомпозиция в виде $j\acute{n}$ происходит в позиции перед #, C. В позиции перед гласным в польских го-

ворах выделения *j* не происходит, а в серболужицких представлено сочетание *nj*.

Как было сказано выше, положение спиранта *j* по отношению к тому согласному, из которого он выделился, отражает разную оценку йотовой и основной артикуляции согласного в сознании говорящих. Приоритет йотовой артикуляции выражается в ее антиципации, приоритет основной артикуляции – в переносе йотовой артикуляции в позицию после основной, с перспективой утраты согласным признака высокого тона.

Но, помимо специфической оценки в сознании говорящих палатальной/палатализованной артикуляции, насыщение речи спирантом *j* имеет и другую причину. Это – особенность артикуляционной базы идиома, предрасположенной к образованию средненебной фрикации. Об этом свидетельствует то, что средненебный спирант используется не только для разложения артикуляции согласных высокого тона. Спирант *j* может собою заменять твердый согласный для более удобного произнесения консонантных сочетаний, а также выступать как вставной элемент перед согласными, имеющими в своем начале переднеязычную артикуляцию – антиципация переднеязычного сближения с небом (в словенских говорах).

При этом замене твердого согласного спирантом может предшествовать повышение тона этого согласного под влиянием предшествующего переднего гласного. Особенно это относится к заднеязычным фрикативным согласным, которые по месту своего образования не далеки от *j*, а в случае палатализации с ним совпадают. Именно такое явление эксплицировано изменением $h > j$ в украинских диалектах карпатской зоны и в словенских, а изменение $x > j$ отмечено в хорватских и македонских. Ср. также мену $j > \gamma'$ после губных в польских говорах. Изменение заднеязычных фрикативных в *j* является следствием артикуляционной специфики этих шумных согласных и наличием их контактной связи с предшествующим гласным. То же относится к изменению $\gamma' > j$, $v'/w' > j$ в русских говорах.

Особого замечания заслуживает замена переднего гласного спирантом *j*, особенно в македонских говорах, где это возможно как в позиции после гласного, так и перед гласным. Насыщение звуковой цепи спирантом *j* в южнославянских диалектах согласуется с их статусом вокалического типа. Замена же гласного спирантом *j* в македонских говорах как бы не соответствует этому. Однако надо полагать, что в данном случае особенности артикуляционной базы не вступают в слишком очевидное противоречие со звуковой синтагматикой. Спирант *j* является

согласным, имеющим высокий уровень признака вокальность, и в сочетании с предшествующим гласным образует дифтонгоид, помещаясь перед слогоразделом подобно *j*-дифтонгам. Но можно также предложить и иное объяснение девокализации гласного *i* в македонских говорах. Увеличение количества вокальных сочетаний после утраты интервокальных согласных вело к тому, что в слове стали чаще выделяться слоги, образовавшиеся одним гласным (*bu-ko-i, go-e-do, lo-i-šta*). Стремление избежать такой слоговой структуры слова проявляется в замене вокального сочетания вокальным дифтонгом или долгим гласным [Видоевски 1979: 19; 1998: 248] – в обоих случаях слог, состоящий из одного гласного, устраняется. Это же достигается и изменением *i > j* после гласного.

Таким образом, анализ фактов, эксплицирующих повышение частоты спиранта *j* в звуковой последовательности, дает основание выделить юго-западный регион Славии, как имеющий в своей артикуляционной базе склонность к образованию этимологически немотивированного (или вторичного) *j*. В известной мере это свойственно некоторым польским и серболоужицким диалектам. Что касается восточнославянских диалектов, то здесь немногие случаи появления *j* связано лишь с особенностью артикулирования отдельных согласных, а также с гласными в начале слова/морфемы.

6.11.

Список интерпретируемых в разделе фонетических явлений

6.3.

$\acute{n} > j, \acute{j}$
 $\acute{l} > j$
 $\acute{i} > j$
 $\acute{d} > j$
 $\acute{c} > j$
 $j > \acute{d}, \acute{z}, g'$
 $j > k$
 $g' > j$

6.4.

$\gamma', h' > j$
 $ih\# > ij\#$
 $ij\# > i\#$

$x > j$
 $g > h > j$
 $j > \gamma'$
 $je > xe$
 $jt' > x't'$
 $j > j, x'$

6.5.

$w', v' > j$;
 $j > v$
 $wi > j$
 $Cve > Cje$

6.6.

$\acute{n}, n' > jn, j\acute{n}$
 $j\acute{n} > \acute{n}$
 $\acute{l} > jl$
 $\acute{t}, d > j\acute{t}, jd$
 $\acute{t} > j\check{c}$ после V
 $k', g' > jk', jg', jk, jg$
 $jk > k'$
 $\acute{n} > nj$
 $\acute{l} > lj$
 $r' > rj, rj > rl'$
 $x(x') > xj$
 $k(q) > k(q)j$

6.7.

$k > j$
 $g > j$
 $t > j$
 $d > j$
 $sj > sk$
 $s, c, \check{c}, \check{s}, \check{r} > j$;
 $x, \gamma > j$

6.8.

безуд. $i, e > j(i)$

6.9.

звуковой ноль $> j$

7

**Губной сонант
(спирант v/w/ѵ)**

7.1.

Варианты артикуляции губного сонанта

Губной спирант в славянской фонетике занимает место, отчасти аналогичное палатальному спиранту $j/\dot{i}$. Ему присуще подвижное отношение к уровню вокальности/консонантности как в артикуляции, так и в синтагматическом поведении.

Лабiodентальный v обладает более высоким уровнем консонантности (напряжение смыкания), чем w , который, в свою очередь, более консонантен, чем μ . Соответственно, степень голосности/сонорности у μ выше, чем у w . В славянской фонетике в отношении идентификации μ существует та же проблема, о которой сказано выше в применении к $\dot{i}$. Спирант μ часто называют неслоговым гласным u . Но μ , как и $\dot{i}$ сам по себе не образует слога, а от w отличается менее энергичным трением воздушной струи. Спирант μ , как и w относится к классу согласных. В позиции после гласного при слогоделении μ примыкает к гласному и всегда находится перед слогоразделом (ср. рус. *lau-ka* и *la-fka*).

Взаимная мена губных спирантов в зависимости от позиции обуславливает варьирование уровня голосности/сонорности звуковой последовательности. Повышение голосности эксплицируется изменением $v > w$, μ . Но крайним выражением этой тенденции является замена согласного гласным. Возможно и обратное изменение, а именно $u > \mu$, w , v . Взаимная мена губного спиранта и гласного ведет к появлению дублетов слов/морфем, различающихся звуками неоднородными в отношении признака вокальность/консонантность. В соответствии с этим дублеты словоформ различаются количеством слогов.

Противоположная синтагматическая тенденция, а именно повышение консонантности губного спиранта, выражается в возможности оглушения $v > f$, $w > \varphi$ и в замене шумными согласными негубного ряда.

Звонкий губной спирант в любом варианте артикуляции проявляет свойство сонанта в том, что шумные согласные перед ним различаются по участию голоса. По своей синтагматике губной спирант помещается в пространство «гласный ~ сонант ~ шумный согласный».

Артикуляционные характеристики губного спиранта и его позиционные изменения в славянских языках рассмотрены в [Toporišič]. Выде-

ленные автором фонемы обозначены, как $/v/$, $/w/$, $/\psi/$, в зависимости от качества согласных, реализующих эти фонемы.

Поскольку различие между w и ψ , состоящее в разной степени напряженности губной артикуляции, очень подвижно, в национальных лингвистиках выбор обозначения соответствующей фонемы и ее вариантов индивидуален.

Так, например для украинской фонетики в [Курс сучасної: 174, сноска 4] указано на недопустимость использования в транскрипции знака w для обозначения «неслогового гласного u », т. е. недопустимо *навчати, дівчина* вместо *наўчати, діўчина*. Здесь же спиранту w перед гласным соответствует буква v . В [Жилко 1963: 26] знаком $/w/$ обозначена фонема перед гласным, которая перед согласным и паузой представлена спирантом ψ .

Для серболужицких диалектов в [Michalk, Sperber] предложено обозначение билибиальной фонемы в виде $/\psi/$. Но в [SS 13, S. 208 и след.] та же фонема обозначена как $/w/$.

В описании фонетики словенских говоров в [FO] фонема, реализованная губным спирантом, обозначается и комментируется следующим образом: (№ 4) – $/v/$ реализуется в w , ψ ; (№ 7) – $/v/$ реализуется в w , v , ψ ; (№ 10) – $/v/$ артикуляционно близка к w , имеет вариант ψ ; (№ 13) – $/v/$, $/\psi/$ на месте $*l$ и т. п.

Вероятно, для определения диалектного различия, связанного с артикуляцией звонкого спиранта целесообразно в первую очередь учитывать их билабиальное ~ лабиодентальное образование. При этом билибиальное образование объединяет w и ψ в том случае, если они позиционно не разграничены.

В славянской фонетике принято соотносить губной спирант с праславянским билабиальным согласным – ср. $*w$ (согласное u) перешло в славянских диалектах в губно-зубной спирант v [Мейе: 32]. В [Селищев 1951; 196] сказано, что «губно-зубной v или билабиальный w представляют у славян замену более раннего ψ »; но в то же время для этой более ранней эпохи предполагается позиционно разграниченное сосуществование губных спирантов, а именно – v перед гласным полного образования и перед $\mathfrak{z}$, $\mathfrak{b}$, но w , ψ перед $\mathfrak{z}$, $\mathfrak{b}$.

Первичность билабиального спиранта принята для польских диалектов [OF 1982: 24, 32], словенских, хорватских, сербских, македонских [FO: 32, 224, 629], словацких [Pauliny: 216; Stanislav: 575], серболужицких [Michalk, Sperber]. Для прарусского языка в [Шахматов: 26, 40] допускается сосуществование v и ψ .

В современных диалектах континуант * w в независимой позиции (перед гласным) может иметь единый вид. Так, в серболужицких говорах это билабиальный μ / w , а в хорватских и сербских чаще v – именно на это указано в [FO: 221]. Впрочем, иное мнение о билибиальной артикуляции губного спиранта в тех же говорах высказано в [Savička: 207].

Лабиодентальный v перед гласными характерен для русских говоров. Как редкое отклонение от этого правила, в одном вологодском говоре зафиксирован билабиальный спирант w перед гласными лабиализованными и нелабиализованными [Липовская: 106].

Но возможно и варьирование образования спиранта перед гласными. Так, в словенском говоре [FO № 1] перед безударными гласными a , e произносится w и v ; перед i только v ; перед ударными u , o только w , т. е. *spa'duwa*, *žva'rjina*, *vi'ruwel*, *'wortec*, *wor*, *um'wot*, *'wuo*. Другой вариант – v перед передними гласными, w перед задними (в том числе в качестве протезы), μ перед согласным и на конце слова, т. е. *vi'le*, *čové:ka*, *gwá:wá*, *wó:us*, *wò:u*, *wó:rgle*, *krà:u* (G pl), *urà:t* [Škofic 1999: 191]; то же в [FO № 7]. Как отмечает [Ramovš1924: 129], в словенских говорах произношение $v \sim \mu$ может зависеть от конфигурации слога, фонетического контекста в слове и предложении, от разного темпа речи (так, *dáwno* при медленном произношении и *dáwv* при быстром).

В говоре Полога [Селищев 1981а: 292] дистрибуция вариантов губного спиранта описана следующими образом: v (v) – в начальном слоге перед гласным и в середине слова перед согласным, между двумя u (*жyвyи*), между u - a (*nyвa*), между e - o (*óвeи*), между другими гласными «представлено v близкое к w или w , или μ , или редуцированное ^{n} , или совсем отсутствует образование для μ » – *за грéвe* (= грехове), *нéвeста*, *зóуим*, *чyўaj*. При этом отмечено, что μ (y) из l не варьируется с v , w .

Независимо от того, признавать ли билабиальный спирант исконной артикуляцией или считать, что она сменила собою лабиодентальность, говоры, содержащие w/μ , имеют более высокий уровень голосности/сонорности в своей фонетике.

7.2.

Изменение $v/w > \mu$

В диалектах разных регионов Славии происходит позиционное изменение $v > \mu$. Позиция изменения обычно определяется как конец слога, т. е. перед согласным и на конце слова. Применение понятия «конец слога» здесь уместно, так как при любом типе слогаделения этот μ оказы-

вается перед слогоразделом. В других определениях позиции изменения $v > \mu$ акцентируется вокальный контекст. Так, в описаниях словенских говорах [FO] это позиция после гласного (№ 17), не перед гласным (№ 15).

Изменение $v > \mu$ может быть связано преимущественно с позицией перед глухим согласным. Так, в [ДАРЯ 1, карта 56] используется знак, указывающий на такое позиционное ограничение изменения $v > \mu$. То же отмечено в хорватском говоре в [FO № 35].

Изменение $v > \mu$ может происходить после определенного согласного. В хорватских говорах [FO]: после шумных согласных – 'cye:l, 'ẓuelti, z'ḍuinut, 'šyaki (№ 23); после заднеязычных согласных – 'tikya, cri:kya, x̣uà:lim, g'̣era (№ 44a).

Распределение, при котором μ употребляется перед согласным и паузой, а v, w перед гласными, также является одним из знаков повышенного уровня голосности/сонорности звуковой последовательности. Это можно расценивать как противодействие снижению голосности сонанта перед сегментом, обладающим низким (шумные согласные) или нулевым (пауза) значением признака голосности/сонорности. В некоторых русских говорах это же выражено тем, что соседство глухих согласных способствует выбору губного сонанта большей сонорности, т.е. v, w (не происходит оглушения губного согласного) [Васильева 1977: 132]. Произношение μ перед шумными согласными означает противодействие возможной регрессивной ассимиляции по участию голоса. Частным проявлением этой же тенденции является хорватское изменение $v > \mu$ после шумных согласных – здесь имеет место противодействие возможной прогрессивной ассимиляции.

С диахронической точки зрения μ перед согласными и на конце слова в равной мере может быть как архаизмом, так и инновацией. В первом случае это сохранение исходной артикуляции в позициях, где она может подвергнуться наибольшим изменениям. Именно как сохранение старой артикуляции μ перед согласными и на конце слова в словацких говорах определяет эту фонетическую черту [Pauliny: 216]. Так же оценивает спирант μ в литературных славянских языках [Toporišič: 127], объединяя при этом губной спирант с результатом изменения $*l$.

С другой стороны, употребление μ в тех же позициях можно расценивать как инновацию – если считать, что в идиоме вообще присутствует тенденция повышения уровня вокализованности фонетического строя в целом, то и изменение $v/w > \mu$ укладывается в эту картину [Бромлей: 25].

Изменение $v > y$ перед согласным и на конце слова в масштабах Славии образует определенные ареалы. Явление свойственно словенским говорам, средне- и восточнословацким, белорусским, украинским. Серболужицкие в данном случае не упоминаем, поскольку здесь артикуляция y/w представлена и в позиции перед гласными. Как показывает [ДАРЯ I, карта 56], на русской территории изменение $v > y$ свойственно говорам юго-запада, примыкающим к белорусским и украинским диалектам, а также северным говорам в окрестностях Вологды. Территория, простирающаяся с северо-запада на юго-восток от Ленинграда до Саратова, лишена такой фонетической черты.

Синтагматику звонкого губного спиранта при сочетании со следующим глухим согласным в сопоставимом виде в масштабах Славии показывает карта *овьсо в [ОЛА 26: 98].

Изменение $v/w > y$ обозначает повышение уровня сонорности согласного при сохранении локализации в губном ряду. Изменение такого же типа с точки зрения сонорности, но сопровождаемое заменой губного ряда палатальным, имеет вид $w/v' > j$. Об этом изменении сказано в разделе 6.5. главы, посвященной синтагматике *j*.

Как отмечено в разделе о назальных согласных, существует определенная близость между v/w и *m*, что выражается в результатах синтагматического воздействия второго согласного на первый при изменениях $vn > mn$, $vm > mm$ (2.1.1.), $mn > vn$ (2.1.4.), $ml > vl$, $mk > yk$ (2.3.3.1.)

7.3.

Синтагматическое воздействие губного сонанта на гласные

В фонетических описаниях нередко упоминается о том, что выбор артикуляции гласного зависит от предшествующего или последующего губного согласного. При этом губной спирант может выступать как член общего класса губных согласных. Так, в украинских говорах региона Карпат возможно изменение $y > y^o$ после губных согласных, в том числе и v/w . Например, *вѣ^oмы^oти*, *нѣ^oсок*, *мы^oш* (Турковский р-н). Такого же типа изменение $y > y$ после губных согласных в белорусских говорах Полесья – *му*, *ву*, *вун'іў*, *буц'*, *вук'іну* [Кривіцкі, Падлужны: 225]. В нижнелужицких диалектах изменение $o > o$, e , y в позиции после губных согласных не перед губными и задненбными также не относится специально к влиянию v/w на следующий гласный.

Но есть примеры, где просматривается влияние артикуляции именно губного сонанта на качество гласного. Так, в украинских говорах региона Карпат: $a > a^o$ и $o > o^o$ перед $\ddot{y}$ (в том числе и из l): *da^oŭnó*, *z a^oŭstr'ii*, *ŭa^oŭka*, *poxo^ova^oŭ*, *droŭ*, *zoŭvi^oŭ'a*, *zomnóŭ*, *brít^oŭ* (Турковский р-н); *da^oŭ*, *poza^oŭčóra*, *snova^oŭka*, *trava^o*, *máti* и *tra^oŭka*, *ma^oŭ*, *voŭk'é*, *toŭčés'i*, *koŭpak'é*, *molotárn'ŭ* (I sg) (Калушский р-н); *gva^oŭt*, *sta^ow* (= пруд), *nazywa^oŭc'i*, *vin xpá^oŭ*, *ŭz'ŭŭ* (Мостиский р-н); *presílówaŭ*, *kóváł'*, *b'ídŭváli*, *subótoŭ*, *kŭxn'ŭŭ* (Великобережный р-н). В [Бевзенко: 57, 226] приводятся примеры лабиализации a перед $\ddot{y}$ в юго-западных украинских говорах, преимущественно под ударением – *próŭda*, *zoŭtra*, *kazóŭ*, *spóŭ*, *zoŭŭŭŭ*, *ská^oŭka*, *zda^ova^oŭ*, *zaklika^oŭ*, *sta^oŭ* (= пруд) и *vin mŭŭga^oŭ*.

В [FO] в описаниях фонетики отдельных южнославянских говоров часто приводятся данные, свидетельствующие о влиянии губного сонанта на гласный. В одном и том же говоре синтагматически значимой может быть позиция как перед губным согласным, так и после него. Например, в словенском говоре [FO, № 3] $o > o^o$ перед тавтосиллабическим u (*vo^oŭ*, *u'dŭŭc*) и, наоборот, делабиализация гласного в виде u , $o > ə$ после w (*wəj^oc*, *wəlá*, *wə'ku*, *wə'biva*).

Констатируя возможность синтагматического влияния губного сонанта на качество гласных, мы не даем полного корпуса примеров этого. Они отражают не только синхронное соотношение сонанта и гласных, но нередко включены в сферу этимологической рефлексии гласных.

7.4.

Замена губного сонанта гласным

Увеличение уровня голосности губного сонанта наиболее очевидно выражается в его замене безударным гласным u . Это явление известно разным говорам и в разном объеме. Часто это ограничивается инициальным $*v\ddot{y}$. В [Вопросник ОЛА: 31] рефлексия этого сочетания предусматривается континуантами праформ $*v\ddot{y}nik\ddot{y}$, $*v\ddot{y}dov\ddot{y}c\ddot{y}$, $*v\ddot{y}čera$, $*v\ddot{y}z\ddot{y}l\ddot{y}$, $*v\ddot{y} m\ddot{y}st\ddot{y}$, $*v\ddot{y} gord\ddot{y}$, $*v\ddot{y} r\ddot{y}k\ddot{y}$, $*v\ddot{y} polje$.

По поводу вокализации начального губного спиранта в [Pauliny: 221] сказано следующее: « v долго ощущался как сонорный согласный и в этом качестве не мог стоять в начале слова перед шумным согласным», поскольку это противоречило правилам синтагматики до падения редуци-

рованных. Что касается *u* в позиции перед сонантами, то видимо, это «результат генерализации изменения инициального *v* перед согласным».

Произношение *u* в соответствии с начальным *vъ фиксируется в [FO] в:

словенских говорах – *u'sa, u'rje:me, urāna* (№ 16); *z urātam, umēs, udōuc, usōk, urōj ce* [Ramovš 1924: 129];

хорватских – *udo'vec, u'tori* (№ 23), *udo'vica, u'torak*, предлог-префикс *u* < *vъ* (№ 37); *udo'vica, u'nuk, uš'krš* (№ 43); *unu, 'uzel, uz'disəl* (№ 168); это явление интерпретируется и как *ə* > *u* после *v* – *'vün'e, vun*, но *u* > *v* в *v'ra* (< *uže*) (№ 29), *'vuzem* (№ 31), но здесь, возможно, имеет место губная протеза перед *u*, т. е. *və* > *u* > *vu*; *udov'ica, ukāniti, udāti, ūdaja, urēditi* (= *vrěď*) [Skok: 259];

сербском – *'uzət, udo'vəc, u'čera, u'nuk* (FO № 169);

македонских – *u'dovəc, u'łaga* (здесь *v > *u*, а не *vъ), *uleg'na, u'nuk, u'nutra* (FO № 98), *'udoac, 'unese, u'denuaš* (№ 93); *y ūsta, y ūšute, y nōcom, y gāhute, y grādom* [Селищев 1981: 37];

болгарских – *ул'āl, ул'āzъл, ул'āzъл* [БДА I, К. 182, с. 130], *улéзнем, улáзи, уnéсон* [БДА III, К. 64, с. 64]; *улáгъ, урéми, уличъм, ур'алу* [Кочев 1969: 34].

В говоре Полога [Селищев 1981a: 299] *у недел'а, у бунарот, у една куќа, у депот, удовица, улегаше*.

В серболужицких говорах изменение инициального сегмента *vъ интерпретируется по-разному. В [Fasske: 114] дается модель *vъ > *v* > *u* в *удоца, удџс*. Вариант *vъ > *u* с возможной протезой предложен в [Jentsch: 279] – *удоуц, цутѠRa*; [SS 13, S. 191] – *udowa*.

В чешских говорах [Komárek: 59] констатирует прямую воклизацию *v* в результате диссимиляции перед губными согласными – *u pověťři, u moři, u bohatosti, upradnouti, uprostřed, uvést*. Следствием билабиального образования губного спиранта считает его замену гласным *u* [Lamprecht: 97] в *u Pražě, upásti, u půšči, úplně, uprostříd, úvod, uvěřiti*.

В словацких говорах, согласно [Paulíny: 116, 220], *v* > *u* в начале слова перед согласным – *utorok, učara, ušazi, u voze, u škole, u žime*.

В русских говорах: *у Масквѹ, у маіх ѹадѹх, ур'эм'а, у ѹорат, учарѹ, укѹснѹйа, унутр'э, уз'ал* и под. [Атлас к Востоку: 577]. Как сказано в [ДАРЯ I. Вступит. статьи: 159], замена губного спиранта гласным не зависит от глухости/звонкости следующего согласного (в отличие от возможности такой зависимости для *v* > *u*). Многочисленные примеры изменения инициального *v* в *u* в позициях перед гласным и согласными разного места и способа образования приводятся из семейских говоров Сибири в [Козина: 38].

В перечисленных случаях речь идет о рефлексации конкретного сочетания, в состав которого входит губной спирант, т. е. **в̥*. Содержание изменения сводится к повышению голосности/сонорности звуковой последовательности.

В русских и украинских говорах изменение **в̥* в сторону повышения вокальности достигается также употреблением предлога-приставки *ув* (*uv*), т. е. антиципация губного сближения реализуется в гласном *u(y)*.

По свидетельству [ДАРЯ 1, карта 59; ДАРЯ. Вступит. статьи: 160], в русских говорах *ув* из **в̥* употребляется перед гласным и перед согласным, а перед сочетанием согласных в варьировании с *уво* – *ув овсѣ*, *ув одін*, *ув зóрод*, *ув трі*, *ув шкóлу*, *уво мхú*, *уво двóр*. На месте предлога *и сочетание *ув* представлено в основном перед гласным, реже перед согласным и *уво* перед сочетанием согласных – *ув отцá*, *ув одногó*, *ув дорóги*, *ув инвали́да*, *уво вdóв*, *уво всѣх*. Употребление *уво* в качестве приставки *у-*: *увоспѣть*, *увознáть*, *увогнáть*, *увойтí*, *увопреть*. Эти примеры показывают, что последовательность *ув / уво* получила значение морфемы независимо от фонетического контекста. Именно поэтому сочетание *во* в приведенных примерах внедряется после начального гласного в сочетания #*усп*, #*узн*, #*узн*, #*уй*, #*упр*, которые сами по себе не составляют произносительную трудность.

В украинских говорах инициальный безударный гласный *у* предлога сочетается с *ў* или *в* – *ў армі́й*, *ув осení*. Это сочетание возникает на стыке морфем, первая из которых предлог. В положении не перед гласными тот же предлог выражен одним гласным или согласным, т. е. *у*, *в*, *ў*. Можно полагать, что в украинских диалектах (в отличие от русских) развитие спиранта после *у* является частным случаем устранения сочетания гласных. Ср. другие примеры: *спійét ув одн'ї́у хáт'и*, *кладúт ув бцет* и #*бцет*, *прийшла́ ув ў́жгород / у ў́жгород*, *ут'ік ув áмеріку* (гучульский говор, Раховский р-н).

Губной согласный может способствовать появлению гласного *и* и другим способом. Так, в словенских говорах отмечено такое явление, когда сочетание гласного (не только лабиализованного) с *w*, *v* изменяется в гласный *и*, вероятно через стадию лабиализации предшествующего гласного. Так, безударные сочетания *əw*, *ow* > *и* – *cé:rku*, *pí:šuka*, *bú:kujá*, *lé:šujá* [Nartnik: 201]; конечный *ev* > *и* – *plí:tu*, *pó:xku*, *cé:rku*, предударные *vi*, *ve*, *vo* > *и* – *suná:k*, *u'sok*, *ulí:k*, *kwá:du* (= *kladivo*) [Škofic 1999: 189, 190]; интерконсонантные *wi*, *we*, *wo* > *и* – *su'nje*, *cu'lit*, *su'ta:r* (= *svetar*), *su'ta:* (= *sveta*), *su'čije* (= *swe'čije*), *mərtuɣa* (G sg), *du'ra:na* [Kenda-Jež: 217]; ударный *ɣw* > *и*: – *postrú:*, *čarú:*; безударные *ow*, *aw*, *əw*

> *u* – *'ca*, *brá:tru*, *mru'ja*, *ciérku*, *brì:tu* [FO № 2]; безударные *əv*, *ov*, *rv* > *u* – *'martu*, G pl *'si:nu*, *'čeru* (< *črv*) (№ 10).

В словацких говорах в группе *ɥ* часто *ɥ* > *u* – *krú*, *prú*, *brúno* [Stanislav: 576].

7.5.

Замена гласного губным сонантом

В некоторых из названных диалектов представлено и обратное артикуляционное движение, а именно от гласного к сонанту. Это отмечено в словенских говорах:

ɥ вместо *u* в начале слова перед гласным – *ɥi:dat* (= *uiti*) [FO № 14]; согласный *w* в рефлексе *o при переносе ударения (линия *o* ^ˈ > *ó* > *wá*) эксплицирует выделение лабиального компонента гласного в самостоятельную консонантную артикуляцию – *kwáza*, *nwásu* [Nartnik: 202]; *rvása*, *kvása*, *kvápat* [FO № 8];

u > *f* в начале слова перед глухим согласным *fk'ra:dgti*, *f'sie:xne*, *fstre'li*, *f'targan*, *f'čitj*, а также *v'dára*, *v'ničla* [Koletnik 2001a: 105];

отмечено также изменение предударных инициальных гласных *o*, *u* > *ɥ* в позиции после гласного предшествующего слова/морфемы – *se bə ɥ'bu*, *se bə ɥ'bɥɥ* [Weiss: 336]; *učén* и *naučèn*, *na ušésa*, *dóst je ɥpráɥt bó* (= *dosti je opraviti bilo*), *na móre ɥbrácat*, *je usé ɥhpástiwa* (= *odpustila*), *nàb bwa ɥstáwa* (= *ostala*) [Ramovš 1924: 130].

В хорватских – изменение *u* > *v* в *vmre:ti*, *vmi:la*, *vmorilo* [FO № 32];

В македонских – форма 3 pl *'vikav*, *'kačev* [FO № 95]; *oa*, *oe* > *ɥa*, *ɥe*, фонематически *va*, *və*, *ve* – *kva* < *koa*, *'nekvaš*, *'vujkva*, *'čvek* < *čoek*, *dvec* < *vdoec*, *zgvén* < *zgoen* (№ 96); *o* > *ɥ* перед *a* (через стадию *o* > *u*) – *'ɥar*, *'zatɥa*, *'dojɥa*, *'gotɥa* (< *bukova*), *'bukɥa*, *s'ɥa:lka* (№ 99).

В болгарском языке, как сказано в [Стойков 1961: 162], случаев консонантизации безударного *u* в *ɥ* в позиции после гласного мало. Примеры этого – *áɥla*, *káɥza*, *náɥza*. Вероятно в диалектах явление известно шире – ср. *дв'é ɥшú*, *дв'é ɥч'u* / *фч'ú*, *кумъ ɥб'úч'a*, *улуwú ɥр'éла*, *б'úл*, *мноú* (мноу < многу), *кътú ɥдуw'áла* [Калнынь, Попова: 50–66].

В словацких говорах сочетание *v+o* развивается на месте долгого *o* [Pauliny: 264] – *kvoň*, *stvol*, *kvol*, *tchvor*, *kvoš*, *nvos*, *žvolč*, но автор приводит пример и обратного развития *vóz* > *vɥoz* > *vvoz* > *voz*.

7.6.

**Парадигматический аспект
варьирования губного сонанта и гласного**

Колебание губного спиранта в артикуляционном пространстве на грани консонантизма и вокализма имеет специфические последствия не только в синтагматике, но и в парадигматике в украинских диалектах (языке). Здесь актуально взаимозаменяющее употребление безударного *и* и губного спиранта в пределах одной морфемы, т. е. *и* / (*ǐ*, *w*, *v*). Взаимозаменяемость определяется позицией. Это – начало фонетического слова (включая сочетание предлога с последующим словом), а в середине слова – начало морфемы.

Предписываемые украинской орфоэпией правила выбора одного из названных звуков в каждом конкретном случае основаны на требовании звонии, согласно которому следует избегать скопления гласных на стыке слов и морфем. Параллельное употребление безударного *у* (= *и*) и спиранта *ǔ* (= *и*) в одной и той же позиции и морфеме допустимо при определенном темпе речи [Курс сучасної: 177; Жовтобрюх, Кулик: 157].

На синхронном уровне в рамках этой взаимозаменяемости в позиции, не соотносимой с ударным *и* и с не варьирующимся перед гласным *v*, спирант и гласный не могут быть возведены ни к *и*, ни к *v*. В связи с этим в [Курс сучасної: 177] указано, что начальный безударный гласный *у* (*и*) и начальный согласный *в* (*v*) перед согласным почти во всех случаях перестают различаться значением, а два предлога/префикса сливаются в один *у* / *в*.

В рамках предлагаемых орфоэпией рекомендаций употребление *у*, *ǔ*, *w*, *v* осуществляется как более или менее последовательная тенденция. Для создания относительно объективной картины взаимозаменяемости названных звуков был предпринят анализ украинских диалектных текстов из разных регионов и записанных разными авторами соответствующих исследований [Калнынь 2005]. Далее взаимозаменяющиеся звуки обозначены знаками *у* (безударный гласный) и *ǔ* (объединяет *ǐ*, *w*, *v*). Употребление *у* и *ǔ* рассматривается в следующих позициях в начале слова:

1) #-С – после паузы перед согласным (*вжэ́* / *ǔжэ́* / *ужэ́*, *вс'о́* / *ǔс'о́* / *умэ́р* / *вмэ́р*);

2) V#-С – после гласного предшествующего паузе, перед согласным (*во́на ǔмы́ла* / *ужэ́ умы́ǔ*);

3) **C#-C** – после согласного, предшествующего паузе, перед гласным (*їак увїдит / так вт'їкаїе*);

4) **#-V** – после паузы перед гласным (*у Адама, ў Олєні, в осєні*);

5) **V#-V** – после гласного, предшествующего паузе, перед гласным (*вз'ала ў адама, и у арм'їїу, ужє в осєні*);

6) **C#-V** – после согласного, предшествующего паузе, перед гласным (*удариў собоў у оболок, дис ў оран'ў, їак у ор'їшк*).

В позициях 1) и 4) речь идет о реальной паузе, в остальных позициях – о потенциальной. В позиции перед гласным вместо *у, в* используется сочетание *ув, уў, уw* (*уў осєні, и уw арм'їїу, идеме ув ўжгород*).

В любой позиции в начале фонетического слова возможно параллельное употребление *у, ў*, но частотное соотношение их в рамках параллельного употребления в каждой из позиций не одинаково. В позиции после паузы перед гласным преобладает *ў*, а перед согласным – *у*. После слова, оканчивающегося на гласный, в положении перед гласным частота *ў* значительно выше, чем *у*, а перед согласным – в одних диалектных текстах преобладает *у*, в других *ў*. После слов, оканчивающихся на согласный, в положении перед гласным частота *ў* выше, чем *у*; в положении перед согласным параллельное употребление *у* и *ў* распространено менее широко, чем после гласного перед согласным.

Менее широко, чем в начале слова, взаимозаменяющее употребление *у* и *ў* возможно и в середине слова – в начале морфемы после гласного, т. е. *поўмерало, заўважати, навчити / научити, дай му позауха* (Турковский р-н) и только *у* после согласного – *підучити*. То обстоятельство, что взаимозаменяемость *у* и *ў* в середине слова возможна только между гласным и согласным не является ограничением, специально относящимся к рассматриваемому явлению. Просто в слове недопустима последовательность из трех гласных, т. е. *V-у-V*.

Взаимозаменяющее употребление *у* и *в, ў, w* в украинских говорах (языке) создает специфическую фонемную ситуацию.

Гласный *у* реализует фонему */y/*, допустимую под ударением и без ударения. Ударная и безударная фонемы выступают в пределах одной морфемы (*сухо ~ суха ~ висушити*). Безударный гласный *у*, включенный в взаимозаменяемость с *ў*, также может чередоваться с ударным *у* (*научити : наука, позауха : ухо*). Тем не менее гласный *у* в слове *позауха* не может быть фонематически отождествлен с *у* в слове *висушити*, так как в первом случае *у* может быть заменен спирантом *ў*, *в* в той же морфеме, а во втором – такая замена не допускается.

Билабиальный спирант *ў* может реализовать согласную фонему */v/* в позиции конца слова и перед согласным (*спраў'ати, G pl короў*).

Спирант *ʋ*, включенный во взаимозаменяемость с *у*, также может вступать в чередование с *в* (*вес' и ўс'о*). Однако спирант *ʋ* в словах *наўчiти*, *ўс'о* не может быть в фонемном отношении отождествлен с *ў* в *спраўл'ати*, так как в первых словах *ʋ* может быть заменен гласным *у*, а в последнем такая замена не допускается.

Согласный *в* реализует фонему */v/* перед гласными, а в некоторых диалектах на конце слова и перед согласными – *не давáv и ўс'о*, *с собóв*, *пiвлiтра*, *пóвне в'iдро*, *шчевнóк* (Турковский р-н). Согласный *в*, включенный в взаимозаменяемость с *у/ў* не может быть отождествлен в фонемном отношении с *в*, реализующим фонему */v/*: в словах *в осени*, *навчiти*, *влáда* согласный *в* может быть заменен гласным *у*, а для слова *водá*, *жовнá* такая замена не допускается.

Параллельное употребляющиеся звуки *у*, *ў*, *в* реализуют одну фонему, которая не тождественна ни */y/*, ни */v/*. Звуки *у* и *ў*, *в* отличаются друг от друга тем, что первый из них артикулируется без преграды на пути воздушной струи, два других – с преградой (хотя и разной интенсивности), т. е. различаются как гласный и согласные. Участие губ и голоса характерно для образования всех трех звуков. Фонема, которая может быть реализована как звуком *у*, так и звуками *ў*, *в*, должна характеризоваться тем, что признак гласность/негласность для нее несущественен. ДП этой фонемы являются губной локальный ряд и участие голоса. Поскольку гласность/негласность для этой фонемы функционально незначимы, это находит отражение в варьировании количества слогов в соответствующих словоформах в зависимости от реализации фонемы – *на-у-чi-ти / наў-чi-ти*, *вин-у-нáў / вин-ўнáў*, *внáў*.

Фонема обозначена знаком */ʋ/*. Отношение к признаку гласность/негласность выявляется только в ряду фонем */y/*, */v/*, */ʋ/*, так как именно эти фонемы различаются только отношением к этому признаку. Оппозиция же фонемы */ʋ/* с другими фонемами может быть расценена как оппозиция по другому признаку, например, в *ўр'ізати* – *зр'ізати* инициальные фонемы противопоставлены по месту образования.

Как было сказано, фонема */ʋ/* может чередоваться с */v/* (*вес' и ўс'о*), с одной стороны, и с фонемой */y/* (*ўхо* и *позáўха*), с другой. Выяснилось также, что фонема */ʋ/* позиционно ограничена в своем употреблении. Можно ли считать на этом основании, что в фонеме */ʋ/* нейтрализуется оппозиция */v/-/y/*. Нет. Нейтрализация предполагает, что нейтрализуемые фонемы могут быть противопоставлены в тождественной позиции. Но для фонем */y/* и */v/* такая оппозиция невозможна, поскольку гласная

и согласная фонемы вообще не могут быть противопоставлены в тождественной позиции.

Фонема */ɥ/* отличается от безударной гласной фонемы */y/* и негласной фонемы */v/* как не гласная и не негласная. Сообразно этому, как фонема не гласная */ɥ/* не противопоставлена фонеме */y/*, а как не негласная не противопоставлена фонеме */v/* в тождественной позиции. Несовместимость фонем */ɥ/*, */y/*, */v/* в одной позиции в начале слова показывают таблицы.

Таблица 1

/ɥ/, /y/, /v/ и следующий звук входят в состав одной морфемы

Фонемы	Начало слова					
	#-V	#-C	V#-C	V#-V	C#-C	C#-V
<i>/ɥ/</i>	-	+	+	-	+	-
<i>/y/</i>	-	-	-	-	-	-
<i>/v/</i>	+	-	-	+	-	+

Таблица 2

/ɥ/, /y/, /v/ и последующий звук разделены морфемной границей

Фонемы	Начало слова					
	#-V	#-C	V#-C	V#-V	C#-C	C#-V
<i>/ɥ/</i>	+	+	+	+	+	+
<i>/y/</i>	-	-	-	-	-	-
<i>/v/</i>	-	-	-	-	-	-

Из таблиц видно, что фонема */ɥ/*, если выступает в позициях #-V, V#-V, C#-V, то сигнализирует стык слов или морфем. В других позициях за фонемой */ɥ/* не обязательно находится морфемная граница (ср.

ўкрас̀ти, но ўлада). Пользуясь терминологией М.В. Панова, можно сказать, что назначение фонемы /ʎ/ состоит в том, чтобы сопровождать межсловную дизерему. Ср. «Дизеремы – совершенно особые языковые единицы. Они своей звуковой «плоти» не имеют, но оказывают влияние на звуки перед собой и после себя» [Панов: 188]. В украинской фонетике актуальна межсловная дизерема, требующая включения в звуковую последовательность фонемы /ʎ/.

В середине слова фонема /ʎ/ допускается лишь в позиции после гласного перед согласным (*нау́чити*). В этой же позиции возможна фонема /в/. Но ее отношение к морфемной границе иное, чем у фонемы /ʎ/. Фонема /ʎ/ употребляется только в начале морфемы, а фонема /в/ только в середине и конце морфемы (*лаўка, стоўп, лавра*). Таким образом, если в состав слова включить как фонетический элемент межморфемную дизерему, сигнализируемую фонемой /ʎ/, то окажется, что фонемы /ʎ/ и /в/ не противопоставлены и в середине слова.

Подвижное отношение к признаку вокальность/консонантность, известное в части славянских диалектов, в украинской фонетике порождает парадигматический результат специфического свойства. Это – фонема, не имеющая признаков ни гласности, ни консонантности. Реализуется она взаимозаменяемостью безударного гласного у и спирантов ў, в, в и используется в качестве межсловного, реже – межморфемного сигнала.

7.7.

Эллипсис губного сонанта

Особенность синтагматики губного спиранта состоит в его склонности утрачиваться в звуковой цепи. В этом есть известная аналогия, но не совпадение, с палатальным спирантом. Спирант j в ранний период истории славянских языков утрачивался в интервокальном положении, что реализовалось через стадию повышения сонорности сонанта, т. е. $j > j$ [Бернштейн: 247]. Губной спирант также может ослаблять свою артикуляцию в интервокальном положении вплоть до утраты. Иногда в современных говорах это проявляется как черта общая для j и v .

Так, в сербских говорах отмечена редукция и утрата интервокальных j, v – *starii, stói, prài* [FO № 64]; *vóloima, rogóima, óstaila, góeda, móa, tvóa* (№ 62); *glá'ica, Ivanoić, g'robœ, p'rao* и *b'roim, u'zimau* (№ 73). Ступени ослабления интервокальных j, v на пути их утраты показаны в (№ 55) – *pa^d i, kúpu^d e, ró^wu:ko, izu:^wa, gó^wori* и *dvøe, jàvor, po svóim*.

Утрата интервокальных *j* и *v* сосуществует в словенских говорах. Примеры из [FO № 8] – *naè:du*, *naè:dla*, *paò:di* (= *rovodenj*), *yaò:ru*, *na ù:da*, *slaiù* (= *slovo*), *žiù* (= *živo*). Утрата *j* и *v* здесь объясняется ассимиляцией следующему гласному [FO: с. 191]. Другие примеры утраты *v/w* перед лабиализованными гласными – *'u:əs* (< *voz*), *'u:əsek* [Zorko: 170]; *du'ri:jše* (= *dvorišče*), *x u'jakam*, *'su:j*, *'u:s* (< *voz*) [Zemljak: 360]; *'sò:j* (< *svoj*), *'tò:j*, *'dò:jčək*, а также перед передними гласными *u'bèzat* (< *obvezati*), *lè'dica* (< *ledvica*) [Weiss: 343], *ù:z*, *ù:sk*, *sù:ra* (< *svora*), *xò:ja*, *sòj*, *žèù* (< *živo*) [Nartnik: 199];

В [Конески: 62] утрата *j* и *v* в македонских говорах рассматривается как однотипное явление. При этом утрата *j* в некоторых случаях продолжает быть акутальной (*стоам*, *Стоан*, *шаа*, *óстаа* < *óстаја* < *óстај ја*).

Но утрата интервокального согласного *v* может происходить при сохранении *j* в аналогичной позиции. Такая фонетическая черта известна в македонских говорах и в [FO] приводятся многочисленные примеры этого. Иногда отмечается, что утрате губного согласного особенно способствует соседство с гласным *o* – гласный как бы поглатывает губную артикуляцию спиранта. В результате утраты *v* появляются сочетания гласных. Как сказано выше в разделе о спиранте *j*, в македонских говорах гласный *i* (в том числе как результат редукции *e*) в позиции после гласного девокализуется в *j* / *ĭ*. Поэтому здесь приводим примеры, когда после утраты *v* появляются сочетания гласных, второй из которых не *i*. Так, в [FO] – *'toar*, *'osnoa*, *'ne:sta* (№ 92); *'udoac*, *'jazoes*, *'čuek* (№ 93); *'tərgoes*, *'biol*, *'uba:*, *'oto:* (< *ovo*), *'čoes* (№ 99); *неола*, *глаа*, *јаор*, *зотоа* [Конески: 62].

Утрата интервокального губного спиранта свойственна южнославянским диалектам. Но сходные факты утраты *v/w* между определенными гласными приводятся из чешских говоров – *mužoj*, *synoj*, *bait*, *zaolala*, *rukajce*, *střejc* – *ĭ* из *i* [Селищев 1941: 104].

Как отмечено в [SS 13, S. 207, 208], для серболужицких диалектов утрата интервокального *w* не характерна. В верхнелужицких и переходных говорах это ограничено немногими словами, а в нижнелужицких составляет черту индивидуального произношения (*gotoali*, *sloo*, *rachwoali*, *daal*); утрата *w* между *u-i*, *o-i* просматривается в *rukajca*, *tojs*.

Утрата интервокального *v* возможна в русских диалектах, что, по мнению [Кузнецов: 30], указывает на следы существования в недавнем прошлом биллабиального *w* в соответствующих говорах – автор приводит примеры *позд'óm*, *гóлоу*, *ноу стáит* (= *нову ставит*), *на оз* (= *на воз*), *реўт*, *дéушка*, *прожыў*. То же в [Гвоздев: 80] – *каб*, *чаб*, *пабѣник*, *зъ няб*, *у няб*, *заўть*; в [Аванесов 1949а: 179] – «после гласной перед *у* звук *v*

факультативно отсутствует: *жыу́, жыу́т', плыу́т', д'ёушка*. В тех же случаях отмечено очень слабое билабиальное *жы"у́т', плы"у́т'»*.

Утрата инициального *v* перед лабиализованным гласным известна в болгарских говорах; здесь же возможно преобразование *дв, тв > д, т* перед лабиализованным гласным – *ода, одила, одан* (= воден), *одешиа, доруве, отори ми, да* (= два), а также *дѣро* (= дърво) [Иванов 1977: 119]; *удѣ, уйчу* [Димчев: 83/265]; *уйчу, одни, осык, удѣ, уйник, уйна, улове, дор, той, зьтори, дѣну* [Бояджиев 1991: 193, 202]; *осык, ошитенъ* (= восьмична свещ), *олуве, уйчу, удѣ, удениць, дор, тѣйтъ, уторъ, зьторену* [Младенов 1993: 251] и др. Это явление обычно объясняется *ў/w*-артикуляцией губного сонанта. В [Кочев 1981: 510] отмечено, что утрата губного согласного перед инициальными лабиализованными гласными сокращает возможности оппозиции согласных перед гласными.

Губной сонант может утрачиваться в начале слова перед шумным согласным. Причина та же, о которой сказано выше в применении к изменению **vь > u*, а именно инерция праславянской недопустимости сочетания сонантов со следующим шумным в начале слова. Если *v* отсутствует перед сонантом, то это может быть следствием установления известного стереотипа в консонантном оформлении начала слова. Иногда утрата инициального *v*, с одной стороны, и наличие гласного *u* из **vь*, с другой, сосуществуют в одном говоре.

Словенские говоры – *zé:ja* (= *vzela*), *zé:mę* (= *v zemi*), *zi:gęte, gęrle* (= *v grlu*), *li:ęčan* [FO № 146]; *'dovec, do'vica, z'di:gnuti, 'sigdar* (№ 149); *'ča:si, 'čera, 'sa:ok'rat, s'ta:nen, z'di:iggen, 'zie:men* [Koletnik 2001a: 104];

хорватские – *do'vac, ziēt, zā:men, 'torak, čīē:ra, še'nac, nū:tra, ra'bac*, здесь же возможно ослабление и утрата инициального *w* перед лабиализованными гласными – *ū:k, uō:l, uō:s, 'ojska, ū:t', o'da* (FO № 22); *lā:s, lā:t, nuk, do'vec, zēti, 'ida grā:t*, префиксальный *u* ведет себя как *v – mř:la, 'mil se* (№ 28); *tork, saki, la:t, dōvec, ze:ti, la:s, la:t* (№ 32); *čā:ra, 'tork, zā:ti, dō:več, nok, lā:s, lā:t, žīvi: grādu, 'miti sę, mī:va sę, mrē:l* (№ 35); *'to:rak, zīet, 'nukič* (№ 147a); *si, čā:ra, 'd'ovec, nuk, rā:bec, lā:si* (№ 153); *lāca, laiāti, čēr, čēra, tōrak, nūgla* (*vъn *qgla*), *nādra* (*vъn *ędra*), *zrōk, zēti zāmen, stati se, nūk, nūčica* [Skok: 258, 272]; *lāos, lāot, lāōknē* (= *vlakno*), *zēti, zāmi si* [Jedvaj: 259];

сербские – утрата инициального *v* перед латеральным: *la:s, 'ladika, 'I'ęšto* [FO № 75]; перед *r* – *rēbac* [Baotić: 89];

македонские – утрата губного также только в группе *vl* – *'ladika, 'lači, 'lakno* в [FO № 95]; *'čera, 'tornik* (№ 94); *'natre, 'tornik, 'zemi* (№ 104); *do'veц, do'вица, 'чера, 'секи, 'суме* [Видоески 1999: 36];

болгарские – перед шумными согласными и *p* (*r*) – *дове́ц, дови́ца, зéмем, сичку́ту, то́рник, рьпчéта, пр'áгъвъ* (= впрягаха) [Младенов 1993: 252]; *зéммь, кúсь, сé, тькнь* [Димчев: 83/265].

В говоре Полога [Селищев 1981а: 300] – *зéмеш, зел, зéде, то́рник, до́вец*, тут же *нук / у́нук / внук*.

В серболужицких диалектах губной спирант вообще не выступает в начале слова перед согласным. В верхнелужицких диалектах – *čera, rócić, rota, šón, šitsy*; в нижнелужицких – *cora, se rósiš, rota, šen, šyken*, но после гласного губной согласный сохраняется в тех же морфемах – *nawrócić, powšitkownje, šem* и *po wšem* [SS 13: 206].

Сходная картина представлена в словацких диалектах [Pauliny: 220] – *šetko, šecek, šemota, šeljaki, šepfeta* (=vše-pléta), *čela, táčik / viáčik, ždi, zjá, zdichač, žnikniú*; часто не произносится предлог *v* перед согласным – *krupiňe, pol'i, šachách*. В [ASIJ, 112] – *čera, šetko, šecko, dovec, ziač, zát*. Об утрате предлога *v* перед согласным в словацких говорах пишет [Stanislav: 581].

В некоторых чешских говорах – *zácněj, šechn* [Komárek: 59]; *stat* (= *vstáti*), *stoupnout, zešla, šak, ždycky, čera, dova* [Селищев 1941: 104].

В [Пауфошима 1983: 53] показана утрата инициального *v* перед согласным в севернорусских говорах. Это – *v магазин > магазин, взяли > з'áл'и, все > с'е, в тягу > т'áгу, вперед > н'ерéд, внизу > низу́, в деревню > деп'эви'у*.

Утрата губного спиранта может происходить не только в начале слова и в интервокальном положении. Хотя и реже, ослабление губной артикуляции может происходить между шумным согласным и выбранным или латеральным согласным. Скопление сонантов после шумного согласного ощущается как неудобство и устраняется утратой более слабого согласного, каким является *v, w*. Это явление отмечено в хорватских говорах в [FO]: *s'rap, čeř'tak, t̥:t* (№ 22); *s'raka, če'tyti, čř'čok* (№ 24); *ce'te:rti, šle:t', šra:b* (№ 23); *t̥:di, čat̥:ti, slā:ča* (№ 35); *rást* (< *hvrasty*), *čeř'ti, t̥řdāk, srāka, srbīti, trizan* (= *trězvlъnъ*), *obršāvāt, obrš* (< *bvr*) [Skok: 259]; *četērtèk, tērd, tērgiti, srōko, sērbēti, srāob* (= *svarb*), *slāok* (< *svl*) [Jedvaj: 291].

Упрощению могут подвергаться и более простые сочетания. Это утрата *v* между согласным и гласным – *tó:īga, só:īga* [Škofic 1999: 187]; *duōr, sto'rit* (< *tvo*), *sū:kla* (< *svu*) [FO № 22], *gōžže, kōčka* (№ 45), *sēkar, mřtac, gōžže, kōška* (№ 65), *'sekar, še'dok, b'rasto, b'rita, s'moka, goz'deni* (№ 73); *bresko* < *kva* [Jedvaj: 291]; *kōčka, brēsākā, cibok, gōžđe* [Baotić: 88].

После гласного перед сонантом – *náprašeno, óstała, bř:na* [FO № 62], *g'la:na, g'ri:na* (№ 73); *zàbaljā, nabàljāč* [Peco 1980: 82]; *dāždenāk*

[Vujičić: 95], *trūnjik* < *vni* [Jedvaj: 291]. После *r* перед паузой – *č'ir* / *č'j* и G sg *č'jva*, *kir* и G *kjvi* [FO № 56]. В серболужицких – *chóry*, *gózdž* (н-луж).

7.8.

Замена шумного согласного губным сонантом. Отношение между v и x

В некоторых южнославянских говорах происходит замена звонким губным спирантом глухого взрывного губного согласного p . Поскольку сонорный согласный оказывается перед глухим шумным, можно считать, что в этой замене максимально выражена тенденция повышения голосности/сонорности звуковой последовательности. В словенских говорах – $\mu'teč$ < p [FO № 1]; $\mu'sen$, $\mu'senc$, $\mu'xa:t$ (= *phati*), $k'lo:\mučk$ (= *klobček*) [Kenda-Jež: 222]; $lè:\muš$, $\mušeni:ca$, $\muši:čoqa$ (< *prašičova*) [Škofic 1997: 184]; в хорватских – *'ovlina*, *'puvka*, *trū:vcı* [FO № 42], *zakóvčā:*, *klūvko*, *jèvši* (= *ljepši*) (№ 56), *kòvča*, *kàvsa*, *ljèvši:*, *zakóvča:* (№ 65); *drovti-na*, *gīvka* (= *gibka*), *òvčinska spòvid* [Skok: 258]. При этом можно отметить, что изменение $p > f$ перед взрывными согласными в хорватском говоре [FO № 23] никак не связано с изменением уровня сонорности, поскольку укладывается в правила унификации консонантного сочетания по участию голоса, т. е. *fcela*, *konof'cił*, *'lefci*.

В сербских – $b\grave{o} > v\grave{o}$ в *òvdāna*, *òvdān* [Пецо 1975: 243]; $pš > vš$ в *òvština* [Vujičić: 94]; *tèvsija*, *mòreš livsat*, compar *lèvši je* (от *lijep*), *kòvča*, *zàkovčaj se* [Baotić: 97].

В [Пауфошима 1977а: 53] показано изменение bv , $v\grave{b} > v\grave{v}$ в севернорусских говорах – *ov 'v'edym*, *ovár'at*, *v varákax*, *v vān'yu* (= в баню), *v\grave{v}'um* (= вбить). В этом реализуется регрессивная ассимиляция по способу образования и уровню сонорности.

Как особенность артикуляционной базы южнорусских диалектов описана взаимная мена взрывного согласного и сонанта губного ряда в [Щигель: 120] – *vāбушку*, *вылā*, с *rev'átami* и *poéxal b Baky*, *b dětstve*, *cbād'ba*, *bnučata*, *borovāl*, *b ābzuste* и т. п. В этом случае, в отличие от примеров, приведенных в [Пауфошима 1977а: 53], эксплицируется повышение уровня признака консонантности в звуковой последовательности.

В [FO] в части говоров отмечена замена глухого губного спиранта f лабиодентальным сонантом перед гласным. Поскольку f содержится в заимствованных словах, то можно полагать, что выбор в качестве его эквивалента сонорного согласного соответствует тенденции поддерживать высокий уровень сонорности звуковой последовательности. В

сербских говорах: *kavána, vábrika, véner, víti:l, kadí:va, kóva, próvisor, vámilija* [FO № 62]; *va'sisti, 'višek, ovi'cijer, va'žo:la, p'rovesor* (№ 74) и др. В македонских – *'va'ka, 'vurna, 'vener* (№ 95), *vi'til, ves,* (№ 98), *'vudul, 'vuta, va'nela* (№ 102).

В болгарских говорах сонорность губного согласного в этих случаях провоцируется соседством гласных с обеих сторон и реже – гласного и сонанта. Поэтому v/w вместо f показан только в середине слова – *кóвъ, Стéван, къртóви, куwáp, Сóвийа* [БДА II. К. 97, с. 64]; *сарáвйе, шав'óро, чаршáву, ставíди, калавáр, катистрóва, чаршáви* [БДА III. К. 81, с. 77]; *совéл'ка, шкáвът, центривúга, трендавíл, шкáва, телеwóнт* [БДА IV. К. 101, с. 89].

Произношение v вместо f перед глухим шумным согласным в хорватских говорах в слове *jèvti:n* [FO № 46], *jèvtin* (№ 51).

Звонкий губной спирант в своем синтагматическом поведении находится в особом отношении с заднеязычным глухим спирантом x . В южнославянских диалектах это проявляется в том, что вместо $*x$ произносится спирант v . Эти согласные различаются не только местом образования (крайние передняя и задняя зоны), но также участием голоса и отношением к сонорности (перед x звонкие согласные заменяются глухими). Произношение v вместо x повышает уровень сонорности звуковой последовательности.

В [FO] произношение v на месте $*x$ в хорватских, сербских, македонских говорах обычно считается способом устранения зияния, образовавшегося после утраты интервокального x . Если же v произносится вместо x перед согласным или на конце слова, то это рассматривается как результат влияния интервокальной позиции. Именно так объясняется в хорватских и сербских говорах произношение: *glù:v, sù:v, tvórac* (FO № 36), *tvórič, mà:rva oròv, òču:v, krìv, sù:v* (№ 39), *krìv, tǔbuv* (№ 46), *òču:v, sù:v, glù:v, repù:v, tvò:r, mà:rva* (№ 64); *glúvo, súva, súv, buvárka, kùvar, u trbùvu, java* (< *jelъxa) преимущественно после лабиализованных гласных [Skok: 255] и др.

В македонских говорах также констатируется v вместо x в зиянии. Но в то же время отмечается изменение $x > v$ на конце слова и после гласного перед сонантом. Так, *'mavna, 'evla, 'bevme, grev* [FO № 92], *vrv, grav, grev, gluv, 'zaduv, 'kožuv, mov, mev, 'bolva, 'mevlen, 'nivno* (№ 94), а в (№ 98) не только *'muvla, muv'losan, 'pavne*, но и $x > v$ перед глухим согласным – *'ovtika, tav'taba*; также в (№ 93) отмечено *'vetvo*.

Обычно согласные, подвергающиеся синтагматически обусловленной мене, при всем различии артикуляции имеют общую основу сравнения. Согласные v и x имеют один общий признак – веляризованность.

Прходной способ образования сходен у w и x , но не вполне совпадает у v и x , так как губной в этом случае имеет смычно-проходное образование. В рамках признака веляризованности возможно варьирование шумности/сонорности. Реализуется сонорный вариант, если в идиоме существует тенденция повышения голосности/сонорности звуковой последовательности. При этом стимулом является не влияние соседнего сегмента, а только стремление заменить шумный согласный сонорным – роли не играет, следует ли после v из x пауза, согласный, гласный. Поэтому принципиально иной является ситуация в македонском говоре [FO № 101], где на месте x на конце слова и перед глухим согласным произносится f – 'pafka, straf, graf' и под.. Здесь имеет место замена одного глухого спиранта другим ($x > f$). Это не имеет отношение к изменению уровня сонорности звуковой последовательности.

Как показано в [FO], есть южнославянские говоры, где x вообще отсутствует (например, сербские №№ 63, 75). Зияние возникает в результате утраты глухого шумного согласного, а для устранения зияния используется звонкий губной сонант, иногда преимущественно в соседстве с лабиализованными гласными. Это может указывать на то, что прежде, чем x утратился, он в вокальном контексте повысил уровень голосности. В сочетании с памятью о велярности утраченного сегмента это обуславливает выбор сонанта v для устранения зияния.

7.9.

Повышение сонорности звуковой цепи как результат изменения губного сонанта

Рассмотренные факты синтагматики звонкого губного спиранта можно объединить одним свойством – они все повышают уровень голосности/сонорности той звуковой последовательности, в состав которой они входят (или уменьшают консонантную насыщенность речевой цепи [Пауфошима 1977а, 53]).

Наиболее определенно это эксплицируется позиционной заменой v/w менее напряженным и более сонорным μ . Это свойственно некоторым диалектам всех славянских групп. Обычно изменение происходит в сочетаниях, образовавшихся после падения редуцированных, т. е. с потенциальным послеконсонантным слогоразделом. Изменение $v/w > \mu$ создает вокальное завершение слога в виде дифтонгонда на μ .

Специфическая реакция имела место на появление инициального сочетания v/w с шумным согласным. Сочетания типа #SontV до падения

редуцированных не существовали, так как нарушали принцип восходящей сонорности в слоге. Преодоление этой новации в некоторых говорах достигалось изменением инициального v/w в гласный u .

В некоторых южнославянских говорах в сочетании гласного с v/w ($V+v/w$) приоритет отдается гласному и сочетание заменяется гласным u , в котором след губного спиранта сохранен в виде лабиализованности.

Близость между гласным и губным сонантом проявляется и в возможности обратного движения от u к $ц$.

Губной спирант имеет склонность утрачиваться в разных позициях. Интервокальная позиция обнаруживает некоторый параллелизм между губным спирантом и j в южнославянских диалектах. Проявляется приоритет вокального окружения и интервокальный спирант ослабляется, возможно, до нуля.

Отношение между губным сонантом и шумными согласными, включая задненебный спирант x , в некоторых южнославянских диалектах также демонстрируют синтагматический приоритет сонанта в звуковой последовательности.

Праславянская инерция недопустимости инициального сочетания сонанта с шумным ($\#SontV$) не только способствует замене спиранта гласным, но и проявляется в утрате губного спиранта перед шумным согласным, как это отмечено в словенских, хорватских, сербских, македонских, серболужицких и словацких говорах. Утрата может происходить и перед сонантом, что свидетельствует об определенном правиле оформления начала слова (избегать скопления сонантов в начале слова). Отмечены факты утраты губного спиранта между шумным и сонантом, после согласного перед гласным, после гласного перед сонантом.

Сам факт утраты согласного в звуковой последовательности повышает уровень ее голосности/сонорности даже и в том случае, если утрачивается сонант. Важен сам факт сокращения консонантного состава соответствующей звуковой последовательности.

7.10.

Замена губного сонанта шумным согласным

Губной сонант, находясь по своим артикуляционным возможностям в пространстве между гласными, с одной стороны, и шумными согласными, с другой, может в своей синтагматике переходить в класс шумных согласных.

Наиболее распространенное проявление этого – оглушение $v, w > f$, φ перед глухим согласным и на конце слова (регрессивная ассимиляция). Примеры $w / \mu > \varphi$ в словенских говорах в позиции не после гласных – $\varphi s'ja:\mu$, φse : [FO № 12], $\varphi \dot{c}iera_j$, $ot\varphi \dot{c}iera_j$ (№14). Но изменение $v/w > \mu$ повышает вокализованность звуковой последовательности не только тем, что μ имеет высокий уровень голосности, но и тем, что он редко подвергается оглушению как перед шумным согласным, так и на конце слова.

При наличии лабиодентального согласного v в русских говорах он может сохранять голос, т. е. не оглушаться, перед глухими согласными [ДАРЯ I. Вступит. статьи: 158].

Оглушение $v > f$ в начале слова перед сонантом в македонских примерах $f'nuk$, $'f'ba$, $'f'rbjak$ [FO № 101], $f'nuci$, $f'leze$, $f'leva$ (№ 103), $f'ne-se$, $f'netre$, $f'leze$, $f'l'al$, $f'nozu$; а также перед гласным – $уф една$, $ф огино$ [Видоески 1999: 35, 56];

в сербском – $frá:ba$, $fj':ba / vj':ba$ (FO № 76);

в болгарских – $fл'иза$, $fл'ива$, $fн'оци$ [БДА III, К. 64, с. 64]; $fн'ьтре$, $fл'эл$, $fнесът$ [Младенов 1993: 175].

Внешне это выглядит как регрессивная диссимиляция по сонорности, что, возможно, связано со стремлением достичь более очевидной восходящей сонорности в начале слова/слога. Но можно предположить и другое. В [Брок: 136] описано явление «крепкого приступа» у гласных: «если выдыхаемый ток, нужный для произношения гласного в начале слова проходит сначала через открытую голосовую щель, приступ гласного будет придыхательным», что и является «крепким приступом». В чешском языке, как отмечено в [Komárek: 63], «различия в использовании приступа касаются прежде всего сочетания консонантных предлогов с именем». В этом случае перед приступом происходит оглушение согласного, в частности $v > f$, т. е. $f'oknu$ (приступ, не являясь согласным, имеет синтагматическое проявление глухого согласного). Возможно, в македонских и болгарских говорах приступ сопровождается инициальные сонанты – если это так, то и оглушение v в приведенных примерах можно связать с таким приступом. А в примерах $f'nuk$, $f'fba$ в таком случае может обобщаться ситуация, возникшая на стыке морфем в начале слова.

Менее часто в славянских говорах встречается прогрессивное оглушение губного сонанта после шумных согласных. Так, в хорватском говоре [FO № 44a] – $sfi:t$, $sfi:ne$ (N pl), $'tikfa / -va$, $sfi:č'a / syi:č'a$; непол-

1995: 121]; *ops* (< *oves*) в [FO № 4]; *'ja:bor*, *'bebərca* (< *veverca*), *'pa:bok* / *'pa:vok* [Koletnik 2001a: 99, 104]; *'gužba* (< *gužva*), *'bā:ta*, *'bɛ:ks'let*, *'sɛ:rbus* [Weiss: 337];

в хорватском – *něpko mā* (< *nevesto moja*); *jazbac* (< *zv*), здесь же обратная мена *b > v* в *drovīta*, *gīvka*, *đvčinska spōvid* [Skok: 258, 259];

в сербских – *zō:ba* (< *zova*) [FO № 58], *dibli*, *šilbōk*, *bārdat* [Ivšić: 71], *imā brèteno*, *rèzērba* [Baotić: 89].

В словацких говорах отмечено изменение *vd > bd > gd > d* в слове *bdova*, *gdova*, *dova*, *dovica* [Stanislav: 578]. То же в *zagdavek* (< *zāvдавok*) [Pauliny: 220] и в польском *gdow'ec* / *wdow'ec* [OF 1983:124]. В чешских *v > b* в *brabec*, *jabor*, *břed* [Komárek: 59]; *brstva*, *brstevnik*, *voboce* (< *vo-voce*), *vráboral* (< *vrávoral*), а также *napščivíci* (< *všč*) – автор считает это проявлением диссимиляции согласных по способу образования в слове [Hujer: 29].

Примеры взаимной мены *v* и *b* из южнорусских говоров [Щигель: 120] приведены выше. То же в архангельском говоре (Пинежский р-н) – *ов'в'эт положьыл, оввал*.

Замена *v* губным взрывным согласным происходит в пределах одного места образования. Но в [Pauliny: 220] даются примеры изменения *v > š* (разное место образования) в некоторых словацких говорах – автор это объясняет тем, что при наступившей уже тенденции оглушения *v* еще не было согласного *f*, поэтому *ščil*, *ščilej*, *ščéra*.

Пример перехода согласного из губного ряда в задненебный в позиции после согласного перед непередним гласным приводит [Ramovš 1924: 161] – *zgūn* (< *zvон*), *zganēt*, *podýōra* (< *pod vora*), и объясняет это приближением консонантной артикуляции к зоне образования гласного.

7.11.

Замена губного сонанта заднеязычным фрикативным. Парадигматический аспект явления в надсянском украинском говоре

Превращение губного сонанта в шумный согласный эксплицируется также его заменой задненебным/фарингальным фрикативным (в данном случае не имеем в виду ситуацию зияния, о чем сказано выше). В разных говорах это явление регулируется разными правилами. Но во всех случаях в основе изменения лежит усиление веларно-

го/заднеязычного компонента губного согласного и снижение активности губной артикуляции [Селищев 1941: 104].

В некоторых верхнелужицких диалектах, преимущественно в соседстве с лабиализованными гласными, показано изменение интервокального $w > h$ (в этот процесс включается и w из l) – *smoha, pohon, jahorc, jahojca, jehon* (< *jewon*), *wot tewo, jawody, smuwa, zawon, žawa, pruwá* [SS 13, S. 174, 208]. В [Michalk: 60] отмечена обратная мена $h > \mu$ в начале слова – *ćójp, ćódy, ćólcu, ćórej, ćóla* (= *der Wald und der Wille*).

В других регионах Славии заднеязычным спирантом заменяется w/v не перед гласным, а в позиции перед согласным или перед паузой (конец слова).

В русских говорах согласный x может быть формой позиционного оглушения билабиального губного, употребляясь иногда параллельно с ϕ . В [Атлас. Восток: 560] это показано, как *д'эхка, óхцы, б'ис нарóхк'и, зóхтр'и, драхцá, карóх, был жóх, сох* (Gen pl от сова), *в разл'их, пакрóх*. Механизм этого изменения следующим образом определен в [Аванесов 1949: 144] – «появление x связано с тем, что в результате оглушения w образуется звук, обладающий весьма малой акустической выразительностью (ϕ); а так как губно-губное w обладает двумя артикуляционными фокусами – губным и заднеязычным, то появление x можно считать вызванным усилением последнего, повышающим акустическую выразительность этого звука».

Другая ситуация представлена там, где заднеязычным согласным заменяется губной спирант в начале фонетического слова (обычно это предлог ϕ). Как отмечено в [Васильева 1981: 84], позиции появления инициального заднеязычного по русским говорам неодинаковы. Это – 1) перед губными согласными глухими и звонкими (в [Атлас. Восток, 575]), что расценивается как диссимляция поместу образования; 2) только перед глухими губными; 3) перед любым глухим и звонким согласным, включая сонанты. Как видно, в начале слова появление заднеязычного согласного не обязательно связано с оглушением губного согласного.

Примеры из [Атлас. Восток: 576]: *γ бáп'к'и, γ Маскв'э, γ м'эс'иц, γ бок, γ вóду, γ в'эс', хп'ер'óт, х пакóс, х плáт'йаф, х как'úm, х кантóр'и, х так'их, хц'арáс'*. Перед звонкими и сонантами произносится звонкий заднеязычный, а перед глухими изменение губного согласного проходит через стадию оглушения. В то же время в одном пункте зафиксирован глухой заднеязычный перед звонким и сонантом – *х д'ар'эвн'и, х Маскв'э*. В [Атлас. Восток: 576] из одного пункта (Горьковская обл.) приводятся примеры замены губного спиранта заднеязычным взрывным

(не фрикативным!) – *z m'эста, z Москв'э, z бол'и'ицу*, но *x n'атницу*. Возможно, это связано с тем, что говор расположен в ареале взрывного образования звонкого заднеязычного согласного. В [ДАРЯ 1, карта 57] введен специальный знак для обозначения варьирования *γ* и *z* на месте инициального *в* перед звонкими губными и перед сонантами.

Ареал употребления заднеязычных согласных на месте инициального *в* описан в [Васильева 1981: 85] и показан в [ДАРЯ 1, карта 57] – это небольшая часть севернорусских говоров около Белого и Онежского озера и немногие говоры Новгородской и Костромской обл. Этот ареал не имеет территориального сопрокосновения с другими славянскими диалектами, имеющими замену инициального губного сонанта заднеязычным согласным.

Наименее удаленный от русских диалектов ареал, в котором существует мена инициального губного сонанта и заднеязычного/фарингального спиранта – это украинские надсянские говоры, фонетика которых описана в [Пшесторська; Калнынь 1973]. Особенностью этих говоров является взаимозаменяемость (*в, ф*) и (*h, x*). Взаимозаменяемость имеет место в начале фонетического слова перед согласным на стыке морфем, первая из которых предлог или приставка (**v, *u*). Перед гласным этот предлог имеет вид *в* (*в аркуш*), *ув* (*ув ол'h'i*), *h* (*h усін'і*). В рамках взаимозаменяемости выбор глухого или звонкого согласного обусловлен качеством последующего согласного: перед звонкими шумными и сонорными произносятся *в, h*, перед глухими – *ф, x*. Реже мена согласных происходит в сочетаниях, принадлежащих одной морфеме (*вміти, вда-рити, вчити*).

Примеры из говора с. Старява Мостиского р-на Львовской обл.:

вмёр, вр'ізати, здуймайі врок'і (= уроки), *в йу́нці'і, в гвёр, вдарі́й, в йіван'ца, вдус'ілас'і, в нос'і, в л'ім'і, в жулу́тку, в хамэ́риці'і, в усін'і, в ўжшуруд'і;*

ф пал'цух, фтупі́вс'і, ф су́т, ф шопці'і, фча́ный, фкра́сти, фчід д'ітій;

х нйэ́цу, хпуст'ім, х сіл'і, х цёркіі, х шопку, х чіло́, хча́ный, х ч'эс, хступі́й;

хмра́ті, h зімн'і, h жі́нку, h жс'эбгу, h йу́хо сіл'і, h гва́йт, h брiтванка́х, hб'ітый, hвэ́рс', hдари́ті, hбiра́йту, h йу́нци, h діт'іу́, h амэ́риці'і, h ўжшуруд'і.

Варьирование *x* и *ф* возможно и на месте исходного *x* (не *в*) – *хт'іу́ / фт'іу́, ніхто́ / ніфто́*.

Особенностью этого говора является то, что названные спиранты могут появляться в начале таких морфем, где они этимологически не мотивированы, т.е. на месте инициального нуля – *vránu / hránu / ránu, vládnú / ládnú, xkúními / fкúními / kúními, хпíányй, хпími / фпími / ními, hеирп'ím с'í / вірп'ím с'і, дбма / һдбма*, а также *vlišúy, рп хріц* (по полловине), *fkulí, fpušćí, xpúšćí, hlápití, vlápití* [Пшепорська: 25]. Спиранты отсутствуют, если той же морфеме предшествует другая морфема (*на-куніmi, напíy с'і*).

Взаимозаменяющее употребление губных и заднеязычных спирантов в надсянском говоре можно квалифицировать, как свободное варьирование *в* и *h*, *ф* и *х* в начале словоформы. Если согласные отделены от последующего сегменты морфемной границей, то свободное варьирование осуществляется без ограничений. Если же спиранты и последующий сегмент принадлежат одной морфеме, то свободное варьирование проявляется спорадически и эксплицируется только спирантами *ф* и *х* (*фчэный / хчэный* но никогда *влáда / һлáда, хмáра / фмáра*). Наконец возможно варьирование спирантов с нулем звука.

Ваьирование губных и заднеязычных спирантов в надсянском говоре создает особую парадигматическую ситуацию. Согласные *в, ф, h, х* как свободно варьировующиеся реализуют одну фонему. Эти согласные различаются локальным рядом. Остальные их признаки общие: все они фрикативные, все велярные (низкой тональности), в каждой паре актуально различие по участию голоса. Следовательно фонема, которая может быть реализована этими согласными, должна иметь ДП фрикативности (проходного образования), велярности и не иметь ДП локального ряда. Именно из-за функциональной незначимости локального ряда он может варьироваться в пределах, допустимых в рамках низкой тональности. Фонема далее обозначена как */h>/*.

Если при анализе дистрибуции фонемы */h>/* учитывать только фонетический контекст, то можно установить оппозицию */h>/ с /в/, /h/, /ф/, /х/*, например, */h>/усін'і - /в/удá - /х/умн'эк - /ф/урт*. Но дистрибуция фонемы */h>/* определяется не только фонетической, но и морфемной позицией – если */h>/* отделена от последующего сегмента морфемной границей, она не образует оппозицию ни с одной из перечисленных фонем, т.е. в словах *вудá, хурá, фурт, влáда, хлоп, һліста* невозможно варьирование инициальных губного и заднеязычного спиранта и, соответственно, не может быть фонемы */h>/*.

Фонема */h>/* употребляется всегда в начале словоформы и таким образом участвует в оформлении диэремы, сигнализирующей межсловную границу. Эта функция фонемы */h>/* в сознании носителей диалекта,

по-видимому, может превалировать над функцией собственно звукового оформления морфемы. Фонема /h/ выступаст только в роли пограничного сигнала в тех случаях, когда она заменяет инициальный ноль звука. Отсутствие согласного в тех морфемах, где он должен быть, возможно, является гиперизмом (или вариантом нормы) – *то были аўстрійску вóйну, їа жыўў адáма, сіджу аўтóбус'ї, вуні фрáнції сут, а* также в [Пшеспурьска: 26] – *čára, čaráš'n'ij, čik, mra* (= умре), *pač*.

В украинской диалектологии рассматриваемое явление квалифицируется только как мена согласных без ее фонемной интерпретации. В [Жилко 1955: 152] относительно лемковских говоров сказано – «звук *v(y)* в функции предлога и префикса перед согласным часто переходит в *h* (перед звонким) и в *x* (перед глухим)» и приводятся примеры аналогичные тем, которые есть в надсянском говоре – *h нас, h другїй бїк, h водї, хчїти, хперед, х канавї, х собї, х тї хыжі*. В [Бевзенко:339] условия того же явления в лемковских говорах определяются только как фонетические без учета позиции в морфеме – «согласный [в] перед согласным нередко переходит в [г]», а среди примеров дается *гласний / власний*, т.е. не на стыке морфем перед сонорным согласным, что в надсянском говоре невозможно.

Фонема /h/ отличается от другой используемой в украинских диалектах в целях оформления дизремы фонемы /y/. И не только своей фонетической реализацией. Фонема /y/ служит для выделения начала не собственно словоформы, а начала морфемы, в том числе и в середине словоформы. Фонема же /h/ крайне редко и нерегулярно используется в середине словоформы. Кроме того, дизрема, выраженная /h/, не допускает варьирования слогораздела в пределах примыкающих к ней сегментов, а при /y/ это возможно.

Следующей зоной, где инициальный согласный *v* заменяется заднеязычным спирантом, являются словацкие говоры. В [Stanislav: 578] – *h mikuláši, h mes'ė, h mlėeku, h máji, h banke, h medzach, hbehnúť, ně hmésťi si, h večer, h nědělu, h noci, hуoňi* (= vloni), *ch kút'ė, chtedi* (= vtedy). То же показано в [Pauliny: 220] – *chiedi, h mes'ė, h banke, h noci*.

В чешских говорах также известно изменение инициального согласного *v > h* – *h větru, h vošklivosti, h máju* [Hujer: 175]; *hběhnout, ch poli* [Kotárek: 63]; *h Bavořích, ch čechách, h noci* [Селищев 1941: 109].

Явление отмечается в южнославянском ареале:

словенские говоры – *xmї:jem, x'mi:l, x'mərł* (через стадию *u > y*) [FO № 15]; не только в начале слова – *yrá:bc*, а также *zyú:n* [Nartnik: 203]; *zgún, zganət, podyóra* (< pod vora) [Ramovš 1924: 161];

хорватские – перед сонантами и гласными – *h mesitnom koritu, h r̥i̯ci, hmr̥it, h ðku, hūdre, huds̥ru* [Peco 1982: 185]; перед сонантом губной согласный заменяется глухим спирантом как и перед глухим шумным – *x'nuk, x'mā:rla, x'čare, γd̥:vec, γ'bil* [FO, № 29]; *xm'r̥:ti, x'mi:ral, x'miti* (через стадию *u > ʋ*) (№ 31). В [Lončarić: 91] сказано, что произношение *x* перед глухим согласным возникло до того, как *v* перестал быть сонантом и еще не получил пару в виде согласного *f*. Автор приводит также примеры *v > x* в интервокальном положении – *soxa* (< *sova*), *krox(a)* (< *krova*). От верхнелужицкого явления данное изменение отличается глухостью заднеязычного спиранта

7.12.

Причины замены инициального губного заднеязычным спирантом перед согласным

Варьирование инициальных губного сонанта и заднеязычного спиранта перед согласным можно рассматривать как частное проявление тенденции, имеющей более широкую реализацию. К проявлениям этой тенденции в славянских диалектах относится развитие протетических *w/v, h/ʋ* перед инициальными, преимущественно лабиализованными гласными. Протеза образуется вследствие того, что при переключении артикуляционных органов из нейтрального положения в гласный «струя воздуха взрывает препятствие в гортани и лишь вслед за этим происходит вибрация голосовых связок» [Брок: 136; Селищев 1951: 219]. Ток воздуха, предшествуя голосовым вибрациям, создает эффект придыхания, которое при известном усилении становится фрикативным согласным. В славянских диалектах протеза перед гласным имеет разное качество – губная, заднеязычная, и представлена в разных диалектах с неодинаковой частотой, что показано на специальной карте в [Калнынь 2000: 51]. При этом можно было бы считать, что заднеязычная протеза, собственно, и является усиленным придыханием, артикуляционно соответствуя естественному направлению движения звукообразующей струи от голосовых связок в ротовую полость. Именно протезу *h* перед лабиализованными гласными считал общеславянской чертой [Шахматов: 57] и, напротив, вторичным явлением, пришедшим на смену *w* [Мейе: 68]. Заднеязычный спирант имеет более сильную (напряженную) артикуляцию, чем губной сонант. О стремлении артикуляционно усилить протезу свидетельствует и произношение глухого (т.е. более напряженного, чем звонкий) заднеязычного спиранта перед гласным и *r̥* в хорватских

говорах – *'xʁval*, *'xʁja*, *'xʁzal* [FO, № 26], *'xʁ:ʂ*, *'xʁʒa*, *xo'ba:t* (= *obod*), *'xarbijā* (№ 31); в сербском говоре глухой фарингальный спирант – *liʒze:*, *liʒza*, *liʒèpa*, *liʒzo:* (№ 78).

Возможность варьирования инициального губного сонанта и заднеязычного фрикативного заложена в двухфокусности артикуляции губного согласного. Усиление заднеязычного компонента может происходить в начале слова и перед согласным, а мотив этого тот же, что и перед гласным – перестройка артикуляции в соответствии с естественным направлением шумопрохождения. То, что это происходит в начале слова, свидетельствует о том, что этот сегмент находится в зоне повышенного внимания в сознании говорящих. Характерно, что усиление артикуляции заднеязычного может происходить за счет использования вместо *v/w* глухого согласного и перед сонантом, как это показано выше.

Развитие инициальной заднеязычной артикуляции вместо губной перед согласным не симметрично такому же явлению перед гласным. Так, по данным диалектных атласов, заднеязычная протеза *hʋ* перед рефлексом *o достаточно широко представлена в украинских говорах и западной части белорусских [Калнынь 2000, 51]. Но перед согласными в начале слова варьирование губного и заднеязычного спиранта представлено только в надсянском регионе. Протезы *h* перед гласным здесь нет, исключая несколько слов с начальным *a* (*hác'ma*, *hamérika*). Перед лабиализованными гласными здесь представлена только губная протеза в виде *w*, *ǔ*, *v* (*wóbbraz*, *wóсы*, *ǔbbiц'ěў*).

В словацких и хорватских говорах, имеющих замену губной артикуляции заднеязычной в начале слова, заднеязычной протезы перед гласным нет. Лишь в хорватском говоре, где есть *x'miti*, *xm're:ti*, в одном случае есть протеза *x* перед гласным – *xo'bat* на фоне *'vuxo*, *'vo:ski*, *'vogel*, *'joko*, *'jogeñ*, *'japa* [FO № 31].

7.13.

Сопоставление синтагматики губного и палатального сонанта

В фонетических описаниях принято проводить аналогию между губным и палатальным сонантом, т. е. *v/w* и *j*. Эти согласные различаются таким принципиально важным признаком, как высота тона – низкий у губного, высокий у палатального. В своей синтагматике эти согласные имеют черты как общие, так и различающиеся. Это различие можно показать следующим образом.

Общее.

Использование в роли протезы перед гласным.

Возможность утраты в интервокальном положении, хотя и не всегда параллельно в одном говоре.

Варьирование уровня напряженности, чему соответствует $[j / \underline{j}]$, $[v, w / \underline{u}]$. Использование менее напряженных вариантов в качестве компонентов дифтонгоидов.

Возможность изменение безударных гласных $i, u > \underline{i}, \underline{u}$.

Отношение к заднеязычному/фарингальному спиранту, хотя в основе этого отношения лежат разные артикуляционные характеристики. Для j – это сближение по месту образования с γ'/h' и далее изменение заднеязычного спиранта в j . Для v/w – усиление веларного/заднеязычного компонента артикуляции и снижение активности губного провоцирует изменение губного спиранта в γ, h .

Различие.

Замена губного сонанта гласным ($v/w > u$). Для j аналогичной замены нет. Южнорусские по своему происхождению примеры типа *стóбла, прандóца*, показывают последствия характерного для этих говоров включения вставного гласного в соседстве с сонантом, т. е. $j\acute{e} > ji > i$.

Утрата инициального губного сонанта перед согласным. Для j такая позиция невозможна.

Только j заменяет собою палатальные согласные. Для губного это возможно в виде достаточно редкого изменения $w' > j$, возможно, через стадию wj .

Как элемент декомпозиции палатального согласного j выделяется *перед* и *после* согласного. Если это касается декомпозиции v'/w' , спирант j выделяется только *после* губного.

Оба сонанта могут заменять собою шумные согласные в звуковой цепи (особенно заднеязычные спиранты). Но при этом губной включается в правила оглушения согласного перед глухими согласными и паузой, а для j это не актуально (редкие исключения – $jc > xc, jt' > x't', sj > sk$).

7.14.

*Список интерпретируемых в разделе
фонетических явлений*

7.2.

v/w > ɥ

7.3.

влияние губного сонанта на гласные

7.4.

v/w > u

vъ > uv

əw, ow, aw > u

vi, ve, vo > u

ɣw > u:

ɣv > u

ɣɥ > u

7.5.

u > ɥ, v

7.7. Эллипсис в позициях:

V-V

#-C

#-Son

C-V

V-Son

r-#

7.8.

pt > ɥt, vt

bd > vd

b > v, v > b

pš > vš

pč > vč

bd > vd

vb > vv

f > v перед гласным

ft > vt в одном слове

x > v

7.10.

v > f, w > ф перед глухим шумным согласным и перед паузой;
то же после глухого шумного согласного

#v > f перед сонантом

v/w > b перед передним гласным

dw > b перед i

w > p перед глухим согласным

v > b перед e, o, r

v > g перед непередними гласными

vs > ps

zv > zb

vd > bd > gd > d

#v > š перед согласным

7.11.

v > x перед глухим согласным и на конце слова;

w > h, v > x в позиции V-V

#v > γ, h перед звонким и сонорным согласным;

#v > x перед глухим согласным

#v > g перед звонким согласным

варьирование v / h / x / f

#vɫ > xɫ

#vɫ > hɫ

#v > g перед согласным

Заключение

Анализ правил включения сонорных согласных в звуковую последовательность в славянских диалектах позволяет сделать следующие выводы.

Синтагматика сонантов не обладает признаками, которые позволили бы интерпретировать ее как набор решений, актуальных для класса сонорных согласных, как обладающих определенным типом артикуляции, в целом. Лишь допустимость сочетания сонантов с предшествующими шумными согласными, независимо от их отношения к участию голоса, свойственна всем сонантам.

Но в то же время синтагматика сонантов имеет такие особенности, которые можно считать преобладающими при включении сонантов в звуковую последовательность. Одна из этих особенностей состоит в том, что изменения сонантов в звуковой цепи основаны преимущественно на принципе антиципации следующего сегмента. Это означает, что звуковая последовательность, содержащая сонанты, организуется по правилу дистактных (не контактных) связей, ставших актуальными в славянских языках/диалектах после падения редуцированных. Принцип инерции (контактная связь с предшествующим сегментом) в меньшей степени актуализируется в синтагматике сонантов.

Изменения сонантов в звуковой цепи редко выводят соответствующие согласные из зоны сонорности в виде замены шумным согласным. В особенности это относится к назальным и латеральному согласным (у назальных это проявляется только в достаточно редких изменениях $mn > bn$, xn , $mr > br$, $nn > dn$), а также j . В меньшей степени устойчивость сонорности проявляется у вибранта и губного спيرانта.

Возможна ситуация, когда назальные, латеральные и вибранты сами не меняются при включении в звуковую последовательность, но влияют на организацию окружающего фонетического пространства. Это происходит тогда, когда синтагматика сонантов ориентирована на приоритетное значение голосности в их артикуляции. Реализуется противодействие возможному снижению голосности в какой-либо части артикуляции сонанта в ситуации его соприкосновения с шумными согласными. Результатом этого становится появление вторичных (вставных) гласных, силлабизация сонанта. При этом часто играет роль недопусти-

мость определенного контура сонорности в консонантных сочетаниях в начале и конце слова. Характерно, что охранительное отношение к голосному компоненту артикуляции сонанта происходит как при консонантическом, так и при вокалическом типе фонетики. В первом случае стабилизируется консонантный статус сонанта, как комбинирующего голосный и шумный компонент, а во втором – не допускается понижение вокализованности звуковой последовательности, что может произойти при утрате сонанта или снижении уровня его сонорности.

Разнообразие синтагматических характеристик отдельных сонантов согласуется с их разбиением на классы, среди которых преобладают одночленные. При этом индивидуализированность правил синтагматики для разных сонантов накладывается на различие тех же правил в разных диалектах. Можно отметить, что в сравнении с шумными согласными сонанты демонстрируют более широкий диапазон изменений.

Далее, давая некоторое обобщение синтагматики сонорных согласных в современных славянских диалектах, мы оставляем в стороне частоту появления отдельных фонетических фактов, хотя среди них могут быть и единичные. Важна в принципе общая картина возможных синтагматических реакций сонорных согласных.

Все сонанты испытывают синтагматическое воздействие со стороны окружающих сегментов. Но степень синтагматической активности самих сонантов, т.е. их влияние на контекстное окружение, существенно различается для отдельных согласных.

В консонантных сочетаниях наиболее синтагматически активными являются *назальные* сонанты. Они провоцируют регрессивную и прогрессивную ассимиляцию и диссимиляцию согласных. Следствием этого становится снижение контраста между согласными по уровню сонорности, по месту и способу образования. Реже в результате диссимиляции увеличивается контраст по месту образования. При этом изменение *d, b, t > g, k* перед назальным согласным может расцениваться как перестройка звуковой последовательности в соответствии с естественным направлением шумопрохождения в звучащей речи (движение из задней зоны полости рта в переднюю).

Интенсивная включенность назальных согласных в консонантную синтагматику выражается и в том, что они чаще, чем другие сонанты, меняют артикуляцию в пределах своей зоны рассеивания при сочетании с другими согласными.

Синтагматический потенциал губного и зубного назального согласного неодинаков. Синтагматическая активность *n* выше, чем *m*, а в

качестве объекта синтагматического воздействия сонант *m* менее устойчив, чем *n*. Это имеет отражение на парадигматическом уровне.

Будучи фонетически симметричными, согласные *m* и *n* фонематически асимметричны. Зубной сонант реализует фонему /*n*/, которая имеет ДП назальность в сочетании с зубным рядом и смычно-проходным способом образования, что эксплицируется в оппозиции с фонемой /*l*/ (зубная, смычно-проходная, неназальная). Согласный *m* реализует фонему /*m*/, которая в губном ряду в комбинации со смычно-проходным образованием не имеет оппонента с отсутствием назальности – фонема /*m*/ репрезентует ДП губной ряд и смычно-проходное образование, поэтому от /*b*/, /*p*/ фонема /*m*/ отличается только по ДП способа образования.

Латеральный сонант в консонантных сочетаниях является преимущественно объектом синтагматического воздействия со стороны окружающих сегментов. Он склонен в определенных позициях заменять латеральное образование билабиальным, и это на фоне как *l*, так и *l* перед непоследними гласными (генеральная замена *l* на *w* в данном случае не имеется в виду).

Латеральный сонант может быть результатом изменения первого компонента сочетания двух шумных согласных – происходит регрессивная диссимиляция по уровню сонорности (способу образования) и зубной согласный, являющийся объектом синтагматического воздействия, заменяется латеральным (*tp* > *lp*, *tk* > *lk*, *dg* > *lg*, *tč* > *lč* и др.). В данном случае латеральный сонант также является объектом синтагматического воздействия.

Эффект повышения сонорности сочетания достигается и заменой *d*, *t* латеральным согласным перед сонантом – регрессивная ассимиляция по сонорности (*dn* > *ln*, *dm* > *lm*). И только, если изменение происходит в сочетании *tl*, *dl* > *ll*, синтагматическая активность проявляется со стороны латерального согласного. Ту же роль выполняет латеральный согласный при диссимиляции *tl*, *dl* > *kl*, *gl*, а также при замене *s*, *z* > *š*, *ž* перед *l*. Но в целом синтагматическое влияние латерального сонанта на сочетания согласных проявляется редко и в немногих говорах.

Переднеязычный *r* и латеральный *l* в пространстве слова часто демонстрируют неконтактную связь, что проявляется в их взаимной мене и метатезе. Инициативу синтагматического изменения трудно приписать одному из этих сонантов – они действуют в паре. Также контекстом *s-r*, *z-r* обусловлено развитие между этими согласными смычных *l*, *d* (эпентеза), с одной стороны, и утрата тех же, этимологически обоснованных согласных, с другой. Как объект синтагматического воздействия

вibrant выступает при прогрессивном уподоблении по отсутствию голоса после глухих шумных согласных, а также в качестве результате регрессивной ассимиляции по сонорности в $dn > rn$.

Выше в разделе 7.13. сопоставлено синтагматическое поведение *палатального* и *губного* спиранта с точки зрения сходства и различия между ними в этом плане. Относительно *j* к сказанному можно добавить следующее.

Спирант j обладает низкой синтагматической активностью. Единственное проявление этого – преобразование сочетания типа $Cj > C'C'$. Обычно же этимологически немотивированный спирант *j* появляется в речевой цепи как результат изменения какого-либо ее компонента (согласного или гласного). Условием появления *j* является преимущественно сегментный контекст высокого тона (наличие в контексте палатальных согласных, передних гласных). Тенденция насыщать речь палатальной артикуляцией в малой степени является следствием правил сочетания звуков. В этом отражена особенность артикуляционной базы соответствующих идиомов, состоящая в склонности к образованию средненебной фрикативности. Поэтому нельзя сказать, что декомпозиция палатальных согласных или их замена спирантом *j* отражает правила синтагматики – в этих случаях *j* появляется потому, что в данном идиоме это произносительно удобно само по себе, а не потому, что это соответствует запрету на включение конкретных сегментов в звуковую последовательность. Правила синтагматики эксплицированы при замене спирантом j/i переднего гласного после или перед гласным – в этом отражен запрет на вокальные сочетания.

Губной спирант по своей синтагматике помещается в пространстве «гласный ~ сонант ~ шумный согласный». Сама по себе артикуляция губного спиранта в разных диалектах демонстрирует разный уровень голосности (наибольший у μ и наименьший у ν). Вариант μ перед согласным и на конце слова является специальным знаком дистанцирования от класса шумных согласных.

Вследствие определенной близости к классу шумных согласных губной спирант может не только терять голос перед глухими согласными, но и заменяться смычными губными согласными (явно не сонорными) в разных позициях – $\nu > b$, $\nu > p$, и наоборот, заменять собою шумные согласные – $p > \mu/\nu$, $b > \nu$. Во всех этих случаях губной меняется под синтагматическим воздействием со стороны других согласных. Синтагматически влиять на губной сонант может пауза (позиция конца слова), что выражается в $\nu/w > f, \varphi$.

Особая ситуация отражена в замене губного заднеязычным спирантом. В зависимости от региона, это может происходить в интервокальной позиции, перед согласным, перед паузой (конец слова). Обстоятельства мены v , f и h , x в надсянском украинском говоре имеют парадигматические последствия в виде фонемы /h/, которая имеет ДП фрикативности и веларности, но не имеет ДП локального ряда и реализуется губным и заднеязычным согласным

Только в сочетании с пазальным сонантом губной спирант проявляет синтагматическую активность – $mv > nv$, $nv > mv$; и один пример $bv > gv$.

Таким образом, по данным славянских диалектов, при организации консонантной части слова/словоформы сонорные согласные проявляют разную степень синтагматической активности. Наибольшее количество изменений вызывают назальные согласные, совсем мало латеральный, вибрант и губной сонант. Но все эти согласные испытывают синтагматическое воздействие со стороны других согласных и подвергаются разнообразным изменениям. От них отличается спирант j , который может появляться вне правил синтагматики, а как признак определенного устройства артикуляционной базы идиома.

Сонорные согласные проявляют синтагматическую активность, оказывая влияние на *артикуляцию гласных*, хотя таких фактов зафиксировано немного. Гласные меняются как перед сонантом, так и после него.

Отмечено два вида изменения гласных *перед* назальным сонантом. Если артикуляция согласного начинается раньше, чем кончается артикуляция гласного, то этот гласный получает носовой резонанс ($an > qn$). Назальные согласные, по определению, имеют напряженную артикуляцию. Это способствует тому, что гласный перед носовым согласным может передвигаться в более высокую зону ($a > a$, o , o ; $o > o$, u ; $e > e$, i), т.е. назальный согласный накладывает ограничения на выбор предшествующих гласных. Назализация гласного *после* носового сонанта в использованном материале отмечена только в одном хорватском говоре.

Латеральный сонант, преимущественно в l-pts m, провоцирует изменение предшествующего гласного $i > u$ (ассимиляция по низкому тону). Если то же происходит перед u из l , то в этом можно видеть непосредственное влияние на гласный со стороны артикуляции лабиализованности. Отмечено также изменение $i > e$, т.е. понижение подъема гласного, перед l , u .

В соседстве с вибрантом гласные могут менять свою артикуляцию в отношении подъема. После r это выражается в $e > a$ и $a > e$. Перед r – в y , $i > e$; $u > o$; и наоборот $o > o$ $> u$.

Губной спирант влияет на качество гласных как индивидуально, так и как представитель класса губных согласных в целом. Включение элементов лабиализованности в артикуляцию гласных после *m*, *v/w* в таких случаях, как *y > u*, *y > y^o* является частным случаем проявления влияния губных согласных вообще на эти гласные. Но специально влияние именно губного сонанта на гласные проявляется в виде *a > a^o*, *o > o* перед *ц* в украинских и словенском говорах. Возможна и делабиализация *u*, *o > ə* после *w*.

Сонорный согласный может заменяться гласным. Это проявляется в стяжении последовательности типа VN в назальные гласные (*un > u*, *om > o*, *en > e*, *em > y*). Только в южнославянских диалектах фиксируется замена латерального сонанта гласным, т. е. *l > u*, *o* перед паузой и перед согласными.

Достаточно распространено в славянских диалектах произношение гласного *u* вместо инициального *v/w* (часто из *vъ). Заменяться гласным может и сочетание типа *V+v/w*.

Возможно и обратное движение от гласного *u* к губному спиранту *ц*. Если это происходит после гласного, то в этом можно видеть аналогично изменению *i > j/i* в аналогичной позиции.

Колебания губного спиранта в артикуляционном пространстве на грани константизма и вокализма имеет парадигматические последствия в украинской фонетике. Здесь может быть выделена фонема /*ʎ*/, которая имеет ДП губного ряда и участия голоса. Признак вокальности/невокальности для этой фонемы функционально несущественен (поэтому, в частности, она реализуется как спирантом, так и гласным).

Участие голоса в образовании сонантов функционально незначимо. Исключение составляет согласный *v/w*, который может образовывать оппозицию с глухим фрикативным согласным и заменяться им в определенных позициях.

Назальные согласные, латеральный и вибрانت, в зависимости от региона, демонстрируют или охранительное отношение к голосной артикуляции (см. выше), или, наоборот, демонстрируют синтагматически обусловленное снижение голоса. Обычно это носит характер прогрессивной ассимиляции после глухих шумных. Кроме того, иногда перед паузой снижение уровня сонорности согласного происходит с целью обеспечить нисходящую сонорность в конце слога (*VCl# > VCl*).

Интенсивность прогрессивной ассимиляции по снижению голоса у разных сонантов неодинакова. В меньшей степени этому подвержены назальные согласные, в наибольшей – вибрانت. Снижение голоса у виб-

ранта может вести к его замене переднеязычным фрикативным согласным, т.е. к полной утрате сонорности – не только $tr > tr̥$, но и $tʃ$.

Анализ синтагматики сонантов в славянских диалектах показывает, что сонанты в звуковой последовательности подвергаются изменениям, которые могут быть оценены с точки зрения повышения / понижения значения признака голосности/сонорности в фонетике конкретных идиомов. Повышение признака эксплицировано заменой шумных согласных сонантами, заменой сонанта гласным, насыщением звуковой последовательности спирантом j/i . В основном эти явления сосредоточены на юго-западе Славии, т.е. в диалектах, склонных к вокалическому типу. Отчасти, это же свойственно русским говорам северо-востока территории ДАРЯ.

Синтагматически обусловленная замена сонантов шумными согласными в основном касается вибранта и губного сонанта. Происходит это в диалектах с общим высоким уровнем консонантичности (нижнелужицкие, польские, южнорусские). Назальные согласные и латеральный, не изменившийся в $ɟ$, шумными согласными не заменяются. Поэтому можно считать, что в них свойство сонорности выражено в наибольшей степени.

Литература

- Аванесов 1949 – *Аванесов Р.И.* Очерки русской диалектологии. М., 1949.
- Аванесов 1949а – *Аванесов Р.И.* Очерки диалектологии рязанской мещеры I. // *Материалы и исследования по русской диалектологии.* Т. I. М–Л, 1949.
- Аванесов 1956 – *Аванесов Р.И.* Фонетика современного русского литературного языка. М., 1956.
- Аванесов 1974 – *Аванесов Р.И.* Русская литературная и диалектная фонетика. М., 1974.
- Аванесов, Сидоров – *Аванесов Р.И., Сидоров В.Н.* Очерк грамматики русского литературного языка. М., 1945.
- Андрейчин – *Андрейчин Л.* Основна българска граматика. София, 1978.
- Атлас. Восток – Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы. Вступительные статьи и комментарии. М., 1957.
- АУМ 1 – Атлас української мови. Ч. 1. Київ, 1984.
- АУМ 2 – Атлас української мови. Ч. 2. Київ, 1988.
- АУМ 3 – Атлас української мови. Ч. 3. Київ, 2001.
- Ахманова – *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
- Бевзенко – *Бевзенко С.П.* Українська діалектологія. Київ, 1980.
- Белић – *Белић А.* Диалекти источне и јужне Србије. Београд, 1905.
- Бернштейн – *Бернштейн С.Б.* Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961.
- БДА – Български диалектен атлас. Т. I–IV. София, 1964–1978.
- Бодуэн де Куртене – *Бодуэн де Куртене И.А.* Опыт фонетики резьянских говоров. Варшава–СПб, 1875.
- Бондарко – *Бондарко Л.В.* Звуковой строй современного русского языка. М., 1977.
- Бояджиев 1972 – *Бояджиев Т.* Говорът на с.Съчанли Гюмюрджинско. София, 1972.

- Бояджиев 1991 – *Бояджиев Т.* Българските говори в западна (беломорска) и източна (одринска) Тракия. София, 1991.
- Брок – *Брок О.* Очерк физиологии славянской речи. СПб, 1910.
- Бромлей – *Бромлей С.В.* Различие в степени вокализованности сонорных и их роль в противопоставлении центральных и периферийных говоров // *Диалектография русского языка.* М., 1985.
- Будде – *Будде Е.* К истории великорусских говоров. Казань, 1896.
- Бурова – *Бурова Е.Г.* Гласная вставка в начальных группах согласных в русских говорах // *Диалектология и лингвогеография русского языка.* М., 1981.
- Васильева 1967 – *Васильева А.К.* Об изменении сочетания согласных [вн] и [мн] по говорам русского языка // *Очерки по фонетике севернорусских говоров.* М., 1967.
- Васильева 1977 – *Васильева А.К.* О закономерностях возникновения в русских говорах юго-западной зоны спирантной пары [в]- [f] // *Диалектологические исследования по русскому языку.* М., 1977.
- Васильева 1981 – *Васильева А.К.* Специфика позиционного поведения губных спирантов в говорах севернорусского наречия // *Диалектология и лингвогеография русского языка.* М., 1981.
- Виденов – *Виденов М.* Годечкиот говор. София, 1978.
- Видоески 1979 – *Видоески Б.* Последници от губењето на консонантите во интервокална позиција во македонскиот диалектен јазик // *Предавања на XI семинар за македонски јазик, литература и култура.* Скопје, 1979.
- Видоески 1985 – *Видоески Б.* Битолскиот говор // *Прилози. Одделение за лингвистика и литературна наука МАНУ X, 2.* Скопје, 1985.
- Видоески 1998 – *Видоески Б.* Дијалектите на македонскиот јазик. Т. 1. Скопје, 1998.
- Видоески 1999 – *Видоески Б.* Дијалектите на македонскиот јазик. Т. 2. Скопје, 1999.
- Видоески 1999а – Има ли квантитет во македонскиот диалектен јазик? // *Видоески Б., Савицка И., Топољска З.* Полски ~ македонски. Граматичка конфронтација. 2. Прозодија. Скопје, 1999.
- Вопросник КДА – *Вопросник Карпатского диалектного атласа.* М., 1957.

Вопросник ОЛА – Вопросник Общеславянского лингвистического атласа. М., 1965.

Гвоздев – *Гвоздев А.Н.* Два говора одного села // Материалы и исследования по русской диалектологии. Т. I. М–Л, 1949.

Георгиев – *Георгиев В.Н.* Проблемы на българския език. София, 1985.

ДАРЯ 1 – Диалектологический атлас русского языка. Вып. 1. Карты. М. 1986.

ДАРЯ 1. Вступит. статьи – Диалектологический атлас русского языка. Вып.1. Вступительные статьи. М., 1986.

Димчев – *Димчев К.* Говорът на българите от с. Валя Драгулуй, СР Румъния. Фонемна система // Годишник на Софийския университет. Т. LXIII, 1, 1969.

Добош – *Добош В.І.* Південнокарпатські українські говірки долини р.Тур'ї. Київ, 1955 (дис. рукопись хранится в РГБ).

Еськова – *Еськова Н.А.* Фонема /j/ в современном русском литературном языке // Ученые записки МГПИ им. В.П. Потемкина. Т. XLII, 1957.

Жилко 1955 – *Жилко Ф.Т.* Нариси з діалектології української мови. Київ, 1955.

Жилко 1963 – *Жилко Ф.Т.* Фонологічні особливості української мови в порівнянні з іншими слов'янськими. Київ, 1963.

Жовтобрюх, Кулик – *Жовтобрюх М.А., Кулик Б.М.* Курс сучасної української літературної мови I. Київ, 1959.

Иванов 1977 – *Иванов Й.Н.* Български преселнически говори. София, 1977.

Иванов 1990 – *Иванов В.В.* Историческая грамматика русского языка. М., 1990.

Калнынь-1959 – *Калнынь Л.Э.* Категория твердых и мягких согласных в белорусском языке // Ученые записки Института славяноведения АН СССР. Т. XVII. М., 1959.

Калнынь 1962 – *Калнынь Л.Э.* Корреляция твердых и мягких согласных фонем в украинском языке // Ученые записки Института славяноведения АН СССР. Т. XXIII. М., 1962.

Калнынь 1967 – *Калнынь Л.Э.* Типология звуковых диалектных различий в ниже-лужицком диалектном языке. М. 1967.

Калнынь 1973 – *Калнынь Л.Э.* Опыт моделирования системы украинского диалектного языка. Фонологическая система. М., 1973.

- Калнынь 1976 – *Калнынь Л.Э.* К типологии восточнославянского внешнего консонантного сандхи // ОЛА. Материалы и исследования 1974. М., 1976.
- Калнынь 1995 – *Калнынь Л.Э.* Рефлексация праславянского латерального сонанта (*l) // Восточнославянские изоглоссы. 1995. М., 1995.
- Калнынь 1993 – *Калнынь Л.Э.* Вставные гласные как обеспечение консонантности звуковой цепи в русских диалектах // Проблемы фонетики. I. М., 1993.
- Калнынь 1996 – *Калнынь Л.Э.* Рефлексация *ъ, *ь перед слогом с гласным полного образования по материалам ОЛА // ОЛА. Материалы и исследования 1991–1993. М., 1996.
- Калнынь 1998 – *Калнынь Л.Э.* Сочетания взрывных губных и зубных согласных с назальными сонантами // Восточнославянские изоглоссы. Вып. 2. М., 1998.
- Калнынь 2000 – *Калнынь Л.Э.* Протеза как компонент рефлексации инициального *o // ОЛА. Материалы и исследования 1994–1996. М., 2000.
- Калнынь 2000а – *Калнынь Л.Э.* Отношение к признакам вокальность / консонантность в фонетике восточнославянских диалектов // Восточнославянские изоглоссы 2000. Выпуск 3. М., 2000.
- Калнынь 2001 – *Калнынь Л.Э.* Фонетическая программа слова как пространство фонетических изменений в славянских диалектах. М., 2001.
- Калнынь 2005 – *Калнынь Л.Э.* Фонетическое и фонемное оформление начала слова/морфемы в украинских диалектах региона Карпат // Исследования по славянской диалектологии. 6. М., 2005.
- Калнынь, Масленникова – *Калнынь Л.Э., Масленникова Л.И.* Опыт изучения слога в славянских диалектах. М. 1985.
- Калнынь, Попова – *Калнынь Л.Э., Попова Т.В.* Фонетика двух болгарских говоров, функционирующих в условиях разной языковой ситуации // Исследования по славянской диалектологии 2. Южнославянские диалекты. М., 1993.
- Касаткин 1999 – *Касаткин Л.Л.* Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка. М., 1999.

- КДА – Карпатский диалектологический атлас. М. 1957.
- Князев – *Князев С.В.* О прогрессивной ассимиляции в современном русском языке // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 4/1999.
- Ковалик – *Ковалик І.І.* Назалізація і деназлізація приголосних у слов'янських мовах // Вопросы славянского языкознания. Кн. 3. Харьков, 1953.
- Козина – *Козина О.М.* Губные спиранты в семейских говорах // Современные русские говоры. М., 1991.
- Конески – *Конески Б.* История на македонскиот јазик. Скопје, 1965.
- Кочев 1969 – *Кочев И.* Гребенският говор в Силистринско. София, 1969.
- Кочев 1981 – *Кочев И.* Уникални особености на българската фонологична система // Български език. XXXI (1981), кн. 6.
- Крывіцкі, Падлужны – *Крывіцкі А.А., Падлужны А.І.* Фанетыка беларускай мовы. Мінск, 1984.
- Кузнецов – *Кузнецов П.С.* О говорах Верхней Пинеги и Верхней Тоймы // Материалы и исследования по русской диалектологии. Т. I. М.–Л., 1949.
- Кузнецов/Мейе – Комментарии *П.С. Кузнецова* в: *Мейе А.* Общеславянский язык. М., 1951.
- Курс сучасної – Курс сучасної української літературної мови. 1. Київ 1951.
- Лизанець – *Лизанець П.М.* Українські південнокарпатські говірки Закарпатської обл. Ужгород, 1957 (дис. рукопись хранится в РГБ).
- Липовская – *Липовская Н.А.* Губные спиранты на территории северо-восточной диалектной зоны // Русские говоры. М., 1975
- Марков – *Марков В.М.* К истории редуцированных гласных в русском языке. Казань, 1964.
- Марузо – *Марузо Ж.* Словарь лингвистических терминов. М. 1960.
- Мейе – *Мейе А.* Общеславянский язык. М., 1951.
- Мирчев – *Мирчев К.* Исторична граматика на българския език. София, 1978.
- Младенов 1966 – *Младенов М.* Ихтиманският говор. София, 1966.

- Младенов 1969 – *Младенов М.* Говорът на Ново Село. Видинско. София, 1969.
- Младенов 1993 – *Младенов М.* Българските говори в Румъния. София, 1993.
- Мука – *Мука Э.* Словарь нижнелужицкого языка и его наречий. Т. II. Praga, 1928.
- ОЛА. Вступительный выпуск – Общеславянский лингвистический атлас. Вступительный выпуск. М., 1994.
- ОЛА 1 – Общеславянский лингвистический атлас. Серия фонетико-грамматическая. Выпуск 1. Рефлексы *ѣ. Белград, 1988.
- ОЛА 2а – Общеславянский лингвистический атлас. Серия фонетико-грамматическая. Выпуск 2а. Рефлексы *ѣ. М., 1990.
- ОЛА 2б – Общеславянский лингвистический атлас. Серия фонетико-грамматическая. Выпуск 2б. Рефлексы *q. Warszawa, 1990.
- ОЛА 3 – Общеславянский лингвистический атлас. Серия фонетико-грамматическая. Выпуск 3. Рефлексы *ьг, *ьг, *ьл, *ьл. Warszawa, 1994.
- ОЛА 4б – Общеславянский лингвистический атлас. Серия фонетико-грамматическая. Выпуск 4б. Рефлексы *ь, *ь. Вставные гласные. Скопје, 2003.
- ОЛА животный мир – Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная. Выпуск 1. Животный мир. М., 1988.
- Орлова – *Орлова В.Г.* Губные спиранты в русском языке // Труды ИРЯ АН СССР. Т. II. М.–Л., 1950.
- Панов – *Панов М.В.* Русская фонетика. М., 1967.
- Пауфошима 1977 – *Пауфошима Р.Ф.* О структуре слога в некоторых русских говорах // Экспериментально-фонетические исследования в области русской диалектологии. М., 1977.
- Пауфошима 1977а – *Пауфошима Р.Ф.* О реализации сочетаний смычных согласных в севернорусском говоре // Диалектологические исследования по русскому языку. М., 1977.
- Пауфошима 1983 – *Пауфошима Р.Ф.* Фонетика слова и фразы в севернорусских говорах. М., 1983.

- Пецо 1975 – *Пецо А.* Икавскошћакавски говори Западне Босне // Босанскохерцеговачки дијалектолошки зборник. Кн. 1. Сарајево, 1975.
- Програма – Програма для збирання матеріалів до Діалектологічного атласа української мови. Київ, 1949.
- Программа – Программа собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка. М.–Л., 1947.
- Пшепорська – *Пшеторська М.* Надсянський говір. Warszawa, 1938.
- Разговорная речь – Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. М., 1983
- Реформатский – *Реформатский А.А.* Из истории отечественной фонологии. М., 1970.
- Русский язык – Русский язык. Энциклопедия. М. 1979.
- Русская диалектология 1964 – Русская диалектология. Под ред. Р.И. Аванесова и В.Г. Орловой М., 1964.
- Русская диалектология 1972 – Русская диалектология. Под ред. Н.А. Мещерского. М., 1972.
- Русская диалектология 1989 – Русская диалектология. Под ред. Л.Л. Касаткина. М., 1989.
- Селищев 1941 – *Селищев А.М.* Славянское языкознание. М., 1941.
- Селищев 1951 – *Селищев А.М.* Старославянский язык. Ч. 1. М., 1951.
- Селищев 1981 – *Селищев А.М.* Очерки по македонской диалектологии. София, 1981.
- Селищев 1981а – *Селищев А.М.* Полог и его болгарское население. София, 1981.
- Соссюр – *Ф. де Соссюр.* Заметки по общей лингвистике. М., 1990.
- Стойков 1942 – *Стойков Ст.* Български книжовенъ изговоръ. Опитно изследване // Сборникъ на българската академия на наукитъ и изкуствата. Книга XXXVII – 3. София, 1942.
- Стойков 1961 – *Стойков Ст.* Увод в българската фонетика. София, 1961.
- Стойков 1967 – *Стойков Ст.* Банатският говор. София, 1967.
- Тер-Аванесова – *Тер-Аванесова А.В., Рыко А.И.* Говорить по-культурному и лязать по-заонежски (о языковых разновидностях в Заонежье) // Исследования по славянской диалектологии. 9. Методы

ды изучения территориальных и социальных диалектов. К итогам опыта славянской диалектологии XX в. М., 2004.

- Тилков – *Тилков Д.* Изследования върху българския език. София, 1983.
- Трубецкой – *Трубецкой Н.С.* Основы фонологии. М., 1960.
- Умленски – *Умленски И.* Кюстендилският говор. София, 1965.
- Фанетыка слова – *Фанетыка слова ў беларускай мове.* Мінск, 1983.
- Халиолчев – *Халиолчев Х.* Към вопроса за изпадането на краесловни *и* и *у* в български говори // *Български език.* 1961, кн. 1.
- Чекман – *Чекман В.Н.* Исследования по исторической фонетике праславянского языка. Минск, 1979.
- Шахматов – *Шахматов А.А.* Очерк древнейшего периода истории русского языка. Пг., 1915.
- Шевельов – *Шевельов Ю.* Исторична фонологія української мови. Переклад з англійської. Харків, 2002.
- Щигель – *Щигель Е.В.* О некоторых особенностях консонантизма говоров севера Рязанской области // *Материалы и исследования по русской диалектологии I (VII).* М., 2002
- Якубинский – *Якубинский Л.П.* История древнерусского языка. М., 1953.
- ASIJ – *Atlas slovenského jazyka 1. Vokalizmus a konsonantizmus. Uvod. Komentare.* Bratislava, 1968.
- Baotić – *Baotić J.* Jikavskošćakavski govor u okolini Dervente // *Bosanskohercegovački dijalektološki zbornik.* Kn. IV. Sarajevo, 1983.
- Belič – *Belič J.* Nástin česke dialektologie. Praha, 1972.
- Benedik – *Benedik F.* Fonološki opis govora vasi Pungert // *Jezikoslovni zapiski 3.* Ljubljana, 1997.
- Brozović, Ivić – *Brozović D., Ivić P.* Jezik srpskohrvatski/hrvatskosrpski, hrvatski ili srpski. Zagreb, 1988.
- Doroszewski – *Doroszewski W.* Studia fonetyczne z kilku wsi mazowieckich // *Polska Akademia nauk. Komitet językoznawczy. Prace językoznawcze 4.* Wrocław, 1955.
- Fasske – *Fasske H.* Die Vetschauer Mundart. Bautzen, 1964.

- Faska – *Faska H.* Kontynuanty *r' po p, t, k v serbsčínje a jich zarjadowanje do fonologiskeho sistema // *Prace jazykoznavce.* Warszawa, 1973, L. 40.
- Finka – *Finka B.* Glasovna obilježja govora mjesta Sukošana kod Zadra // *Македонски јазик.* Год. XL–XLI, 1989–1990. Скопје, 1995.
- FO – Fonološki opisi srpskohrvatskih/hrvatskosrpskih, slovenačkih i makedonskih govora obuvačenih Opšteslovenskim lingvističkim atlasom. Sarajevo, 1981.
- Hamm – *Hamm J., Hraste M., Guberina P.* Govor otoka Suska // *Hrvatski dijalektološki zbornik.* Kn. 1. Zagreb, 1956.
- Hornjoserbsko-ruski slovník – *Hornjoserbsko-ruski slovník.* Москва – Байцен 1974.
- Hujer – *Hujer O.* Příspěvky k historii i dialektologii českého jazyka. Praha, 1961.
- Havránek – *Havránek B.* Nářečí česká. Praha, 1934.
- Jakop 2001 – *Jakop T.* Fonološki opis govora Ložnice pri Žalcu // *Jezikoslovni zapiski* 7.1–2. Ljubljana, 2001.
- Jakop 2003 – *Jakop T.* Fonološki opis šentivskega govora // *Jezikoslovni zapiski* 9. 1. Ljubljana, 2003.
- Jedvaj – *Jedvaj J.* Bednjanski govor // *Hrvatski dijalektološki zbornik.* Kn. 1. Zagreb, 1956.
- Jentsch – *Jentsch H.* Die sorbische Mundart von Rodewitz / Spree. Bautzen, 1980.
- Ivšić – *Ivšić S.* Današnji posavski govor // *Rad Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti*, 196, god. 1913.
- Kenda-Jež – *Kenda-Jež K.* Fonološki opis govora kraja Cerkno (OLA 6, SLA 166) // *Jazykoslovni zapiski* 5. Ljubljana, 1999.
- Klemensiewicz – *Klemensiewicz Z., Lehr-Splawiński T., Urbańczyk S.* Gramatyka historyczna języka polskiego. Warszawa, 1955.
- Koletnik 2000 – *Koletnik M.* Fonološki opis govora v Radencih // *Jezikoslovni zapiski* 6. Ljubljana, 2000.
- Koletnik 2001 – *Koletnik M.* Fonološki opis govora pri Sv. Ani na Kremberku v Slovenskih goricah // *Jezikoslovni zapiski* 7. 1–2. Ljubljana, 2001.
- Koletnik 2001a – *Koletnik M.* Slovenskogoriško narečje. Maribor, 2001.

- Koletnik 2002 – *Koletnik M.* Fonološki opis govora v Zgornji Velki // Jazykoslovni zapiski 8. 1. Ljubljana, 2002.
- Komárek – *Komárek M.* Nástin fonologického vyvoje českého jazyka. Praha, 1982.
- Krajač – *Krajač J.* Bosiljevski govor // Hrvatski dijalektološki zbornik. Kn. 11. Zagreb, 1999
- Krajčovič – *Krajčovič R.* Náčrt dejín slovenského jazyka. Bratislava, 1964.
- Lamprecht – *Lamprecht F., Šlosar D., Bauer J.* Historická mluvnice češtiny. Praha, 1986.
- Lencek 1981 – *Lencek R.L.* A Nothe on the $m > n$ Cange in South Slavic Dialects // *Folia slavica*. 1981. Vol. 4, № 2–3.
- Lencek 1983 – *Lencek R.L.* From Language Infrference to the Influence of Area in Dialect-Geography // *American Contributions to the 9-th Intern Congress of Slavists*. Vol. 1. Linguistes. 1983.
- Logar – *Logar T.* Dialektološki in jezikovnozgodovinske rozprave. Ljubljana, 1996.
- Lončarić – *Lončarić M.* Kajkavsko narječje. Zagreb, 1996.
- Michalk – *Michalk S.* Der Dialekt von Neustadt. Bautzen, 1962.
- Michalk, Sperber – *Michalk F., Sperber W.* Wopisanje fonologiskich systemow narěčow serbskich informackich dypkow w Słowjenskim rěčnym atlasu // *Lětopis*. Rjad A, č. 30/1. Bautzen, 1983.
- Mucke – *Mucke K.E.* Historische und vergleichende Laut- und Formenlehre der Niedersorbischen Sprache. Leipzig, 1891.
- Nartnik – *Nartnik V.* Fonološki opis govora Vnanjih Goric (SLA 226) // *Jazykoslovni zapiski* 5. Ljubljana 1999.
- Nitsch – *Nitsch K.* Dialekty języka polskiego. Wrocław, 1957.
- OF – Opisy fonologiczne polskich punktów «Ogólnosłowiańskiego atlasu językowego»: *Z. Topolińska*. Zeszyt 1. Warszawa, 1982; *A. Basara, J. Basara*. Zeszyt II. 1983; *Zduńska H.* Zeszyt III. 1984.
- Pauliny – *Pauliny E.* Fonologický vývin slovenčiny. Bratislava, 1963.
- Peco 1979 – *Peco A.* Govori sjeverozapadne Bosne // *Bosanskohercegovački dijalektološki zbornik*. Kn. II. Sarajevo, 1979.
- Peco 1980 – *Peco A.* Pregled srpskohrvatskih dijalekata. Beograd, 1980.
- Peco 1983 – *Peco A.* Govor Podveležja // *Bosanskohercegovački dijalektološki zbornik*. Kn. V. Sarajevo, 1983.

- Petrová, Petr – *Petrová D., Petr J.* Beispiele sorbischer Dialektaufnahmen // Zeitschrift für Slawistik. Bd. VIII, H. 1, 1963.
- Ramovš 1924 – *Ramovš F.* Historična gramatika slovenskega jezika. Ljubljana, 1924.
- Ramovš 1995 – *Ramovš F.* Kratka zgodovina slovenskega jezika. I. Ljubljana, 1995.
- Ramovš 1997 – *Ramovš F.* Zbrano delo. Druga knjiga. Ljubljana, 1997.
- Remetić – *Remetić S.* Fonološki sistem govora Bijele kod Herzog-Novog // Македонски језик XL–XLII (1989–1990). Скопје, 1995.
- Ribarić – *Ribarić J.* Razmeštaj južnoslavenskih dijalekata na poluotoku Istri // Српски дијалектолошки зборник, кн. IX. Београд, 1940.
- Rigler – *Rigler J.* Zbrani spisi 1. Ljubljana, 2001.
- Savicka – *Savicka I.* Fonem /v/ w językach słowiańskich // Македонски јазик, XXXV, 1984.
- Schuster-Šewc – *Schuster-Šewc H.* Noch einmal zu den Vertretungen der urslaw. Verbindungen *kr-, *pr-, *(s)tr- durch kć- (šć-/sć), pć- (č-) und (s)tć- (ć-) in der ehemaligen sprachlichen Übergangzone zwischen dem Ober- und Niedersorbischen // Lětopis. Zeitschrift für sorbischer Sprache, Geschichte und Kultur. Gesamtband 46. Jargang 1999. Bautzen.
- Skok – *Skok P.* Novi prilozi proučavanju govora žumberačkih čakavaca // Hrvatski dijalektološki zbornik. Kn. 1. Zagreb, 1956.
- Ślawski – *Ślawski F.* Zarys dialektologii południowosłowiańskiej. Warszawa, 1962.
- SS – Sorbischer Sprachatlas. T. 1–13. Bautzen 1965–1990.
- Stanislav – *Stanislav J.* Dejiny slovenskeho jazyka. Bratislava, 1958.
- Stieber – *Stieber Zd.* Stosunki pokrewieństwa języków łużyckich. Kraków, 1934.
- Škofic 1996 – *Škofic J.* Onemitev in oslabitev samoglasnikov v Kroparskem govoru // Slavistična revija. Letn. 44, št. 4. Ljubljana, 1996.
- Škofic 1997 – *Škofic J.* Fonološki opis govora Kroepe (SLA 202) // Jazikoslovni zapiski 3. Ljubljana, 1997.
- Škofic 1999 – *Škofic J.* Fonološki opis govora kraja Zgornje Gorje (SLA 198) // Jazykoslovni zapiski 5. Ljubljana, 1999.

- Škofic 2000 – *Škofic J.* Fonološki opis govora kraja Lom pod Storžičem // Jezikoslovni zapiski 6. Ljubljana, 2000.
- Toporišič – *Toporišič I.* Zveneči ustnični nenosni nezaporniški soglasniki v slovenskih jezikah // Slavistična revija. Letnik 31, št. 2. Ljubljana, 1983.
- Totskaja – *Totskaja N.I.* The Nature of the so called non syllabl Vowels in the Ukrainen language // Proceedings XI ICPHS. Vol. 3. Tallinn, 1987.
- Ulaszyn – *Ulaszyn H.* Ze studiów nad grupami spółgłoskowymi w języku polskim. Wrocław, 1956.
- Vujičić – *Vujičić D.* Govori severozapadne Bosne // Bosanskohercegovački dijalektološki zbornik. Kn. II. Sarajevo, 1979.
- Weiss – *Weiss P.* Fonološki opis govora kraja Spodnje Kraše // Jezikoslovni zapiski 7. 1–2. Ljubljana, 2001.
- Zagrebački kaj – *Šojat A., Barac-Grum V., Kalinski I., Lončarić M., Zečević V.* Zagrebački kaj. Govor grada i prigradskih naselja. Zagreb, 1998.
- Zemljak – *Zemljak M.* Fonološki opis posavskego govora v Stržišču // Jezikoslovni zapiski 7. 1–2. Ljubljana, 2001.
- Zorko – *Zorko Z.* Narečna podoba Dravske doline. Maribor, 1995.

С о д е р ж а н и е

1. Введение	3
1.1. Специфика класса сонорных согласных	4
1.2. Некоторые аспекты изучения сонорных согласных в славянских диалектах и задачи исследования	6
2. Назальные сонорные согласные (п, т)	10
<i>2.1. Изменения согласных, вызванные синтагматической активностью назальных согласных</i>	11
2.1.1. Регрессивная ассимиляция согласных по назальности	11
2.1.2. Регрессивная ассимиляция согласных по способу и месту образования без участия назальности	17
2.1.3. Прогрессивная ассимиляция в консонантных группах, содержащих назальный согласный	18
2.1.4. Регрессивная диссимиляция согласных, обусловленная назальным согласным	18
2.1.5. Прогрессивная диссимиляция в консонантных группах, содержащих назальный согласный	21
<i>2.2. Синтагматическое воздействие назальных согласных на гласные</i>	22
<i>2.3. Назальные согласные как объекты синтагматического воздействия</i>	24
2.3.1 Предварительные замечания	24
2.3.2. Изменения назальных согласных в пределах их зоны рассеивания	25
2.3.3. Артикуляционные изменения, выходящие за пределы зоны рассеивания назальных согласных	29
2.3.3.1. Изменение назальных согласных в результате регрессивной ассимиляции	29
2.3.3.2. Изменение назальных согласных в результате прогрессивной ассимиляции	31
2.3.3.3. Изменение назальных согласных в результате регрессивной диссимиляции	32

2.3.3.4. Изменение назальных согласных в результате прогрессивной диссимиляции	33
2.3.4. Развитие вторичного назального согласного	33
2.4. Особенности назальных согласных как синтагматического класса	34
2.5. Парадигматический аспект синтагматики назальных согласных	38
2.6. Список интерпретируемых в разделе фонетических явлений	47
3. Латеральный сонант (l, ʎ)	51
3.1. Варианты артикуляции континуанта *1	52
3.2. Континуанты *1 перед непредними гласными	54
3.3. Изменение латерального сонанта в w/ʎ перед согласным и на конце слова	57
3.4. Изменение латерального сонанта в гласный	63
3.5. Синтагматическое воздействие l/ʎ на гласные	64
3.6. Эллипсис латерального сонанта	65
3.7. Замена шумных согласных латеральным сонантом	66
3.8. Изменение места и способа образования шумного согласного перед латеральным сонантом	68
3.9. Позиционно обусловленное снижение сонорности / голосности латерального сонанта	70
3.10. Список интерпретируемых в разделе фонетических явлений	71
4. Переднеязычный сонант (вibrant r, r')	72
4.1. Варианты артикуляции переднеязычного сонанта	73
4.2. Соотношение r и l в пространстве слова	74
4.3. Сочетания sr, zr, žr / str, zdr, ždr	76
4.4. Эллипсис r	78
4.5. Мена сонанта r с другими согласными	78
4.6. Синтагматическое воздействие сонанта r на гласные	78
4.7. Изменение вibrанта, эксплицированное снижением уровня его сонорности / голосности	79
4.8. Список интерпретируемых в разделе фонетических явлений ..	84

5. Правила синтагматики, отражающие приоритет признака сонорности в артикуляции согласных <i>n, m, l, r</i>	86
6. Среднеязычный сонант (спирант <i>j</i>)	100
6.1. Артикуляция сонанта <i>j</i>	101
6.2. Синтагматика <i>j</i> как предмет описания	103
6.3. Замена палатального согласного спирантом <i>j</i>	104
6.4. Спирант <i>j</i> в отношении к фарингальному / заднеязычному спиранту	109
6.5. Мена <i>w', v'</i> и <i>j</i>	115
6.6. Разложение (декомпозиция) палатального / палатализованного согласного на последовательность, содержащую <i>j</i>	116
6.7. Спирант <i>j</i> на месте твердого (непалатального / непалатализованного) согласного	122
6.8. Спирант <i>j</i> как заменитель гласного	123
6.9. Спирант <i>j</i> как заменитель звукового нуля	128
6.10. Типологическая и ареальная характеристика особенностей синтагматики <i>j</i>	130
6.11. Список интерпретируемых в разделе фонетических явлений	133
7. Губной сонант (спирант <i>v/w/ɥ</i>)	135
7.1. Варианты артикуляции губного сонанта	136
7.2. Изменение <i>v/w > ɥ</i>	138
7.3. Синтагматическое воздействие губного сонанта на гласные ...	140
7.4. Замена губного сонанта гласным	141
7.5. Замена гласного губным сонантом	144
7.6. Парадигматический аспект варьирования губного сонанта и гласного	145
7.7. Эллипсис губного сонанта	149
7.8. Замена шумного согласного губным сонантом. Отношение между <i>v</i> и <i>x</i>	153
7.9. Повышение сонорности звуковой цепи как результат изменения губного сонанта	155
7.10. Замена губного сонанта шумным согласным	156
7.11. Замена губного сонанта заднеязычным фрикативным. Парадигматический аспект явления в украинском надсянском говоре	159

7.12. Причина замены инициального губного сонанта заднеязычным спирантом перед согласным	164
7.13. Сопоставление синтагматики губного и палатального сонантов	165
7.14. Список интерпретируемых в разделе фонетических явлений	167
8. Заключение	169
Литература	177
Содержание	189

Научное издание

Исследования по славянской диалектологии

11

Людмила Эдуардовна Калнынь

**Синтагматика сонантов
в славянских диалектах**

Монография

Ответственный редактор
доктор филологических наук
А.Ф. Журавлев

Оригинал-макет –
М.И. Леньшина

Подписано в печать 26.07.2005. Печ.л. 11,0. Тираж 300 экз.

Заказ № . Цена договорная.

ООО «Пробел – 2000»

г. Москва, ул. Поварская, 36.

Исследования по славянской
диалектологии

11

Синтагматика сонантов
в славянских диалектах

Российская
академия наук

Институт
славяноведения